

Наталья Осояну

НАГРАДА ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
ЗА ПЕРЕВОДЫ

ПЕРЕВОДЧИК
БРЕНДОНА
САНДЕРСОНА,
РОБИН ХОББ,
КЭТРИН ВАЛЕНТЕ
И ЙЕНА
МАКДОНАЛЬДА

ЗВЕЗДНЫЙ ОГОНЬ

Дети Великого шторма

Наталья Осояну

Звёздный огонь

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Осоян Н. Г.

Звёздный огонь / Н. Г. Осоян — «Издательство АСТ»,
2020 — (Дети Великого шторма)

ISBN 978-5-17-116871-1

Раздобыв первую часть артефакта, который позволит отыскать древний корабль Основателей, команда живого фрегата «Невеста ветра» продолжает путь навстречу новым приключениям и опасностям. Над миром-архипелагом сгущаются тучи: загадочные черные корабли все чаще атакуют Окраину, вблизи от населенных островов появляются безымянные твари, способные одолеть любого противника. Герои еще не знают, что очень скоро судьба подвергнет их жестоким испытаниям, проверяя решимость и стойкость: на что они пойдут, чтобы отыскать бесценное сокровище? Рискнут ли дружбой, любовью, разумом, своими и чужими жизнями? И хватит ли им отваги, чтобы встретиться лицом к лицу с собственным прошлым?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-116871-1

© Осоян Н. Г., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Шум моря	6
4. То, чего желаешь	12
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Наталья Осояну

Звёздный огонь

© Наталия Осояну, текст, 2019

© Максим Никифоров, обложка, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

«В море огня явились они и ликом были светлы, а помыслами – темны. И пришли с ними те, о ком не говорят вслух; те, чьи дороги не пересекаются и ведут сквозь тьму; те, чьи глаза видели спящего Ребенка посреди Пустоты, чьи уши слышали его плач. Грозными были они и страшными, но никому из них с Ней не сравниться, ибо на море и на суше, в небе и на земле только Она хранит смертных и бессмертных, даруя милость свою живым, мертвым и тем, кто в море».

Книга Основателей

«Огонь вечен, пока горит».

Девиз клана Фейра

Шум моря

Весна приходит в северные земли поздно. Тусклым туманным утром, когда бледная плакальщица-луна еще не исчезла с небосвода, невидимкой крадется долгожданная гостья мимо серых стен, наглухо запертых окон и хмурых сонных людей, кутающихся в теплые одежды. Никто не слышит ее осторожных шагов, так они легки и невесомы, но совсем скоро она осмелеет: промозглый ветер с моря сменится легким теплым дуновением; на пригорках, где уже сошел снег, проклюнутся зеленоватые, почти прозрачные листочки и распустятся белые цветы.

Однажды на рассвете запоет первая птица, вернувшаяся из дальних странствий.

Быть может, именно смена времен года и есть величайшее чудо из всех возможных? Если так, думала Фаби, то нет ничего удивительного в том, что место, куда уже давным-давно понастоящему не приходили осень и зима, превратилось в обитель вечной печали.

...Дерево-дворец растет здесь не одну тысячу лет – вгрызается мощными корнями в самую сердцевину острова, цепляется за землю, словно боится звездного ветра, который с легкостью мог бы выдернуть его и унести прочь. Когда-то этот ветер принес сюда скитальцев, заблудившихся посреди Вечной ночи, – гордые дети неба не знали, что временный приют вскоре станет для них единственным пристанищем, хотя и не превратится никогда в настоящий дом. Призрак Прародины будет вечно витать над ними, питаясь потаенными слезами, горечью одиночества, тоской о несбыточном.

Корни уходят вглубь. Если спуститься за ними следом, то можно попасть в пещеры, где спят безымянные существа, лишенные памяти. Тьма и тишина; изредка мимо дремлющих созданий пробегают другие подземные обитатели, даже не подозревающие о странных соседях, которые пахнут металлом, почти не шевелятся и не чувствуют, когда кто-то случайно прикасается к ним.

Они спят.

Они ждут...

Фаби очнулась; ее колотила сильная дрожь, лоб покрывали крупные капли пота. Станный сон пришел к девушке среди бела дня, как случалось уже не раз, и теперь уповать на совпадение было глупо. «Что-то происходит, – подумала она. – Что-то происходит... со мной». Страх был подобен невнятному шепоту, раздающемуся где-то на самой границе сознания; отчасти походил он и на легкое прикосновение чьей-то руки в пустой и темной комнате.

Она глубоко вздохнула, зажмурилась: надо успокоиться, пока Ризель ничего не заметила. У принцессы достаточно тревог, не хватало ей спутницы, грезящей наяву... и о чем?! О тварях, обитающих глубоко под Облачной цитаделью, у которой, оказывается, есть корни, словно у дерева.

«Заступница, помоги! Я, кажется, схожу с ума...»

Фаби открыла глаза и поняла, что принцессы рядом нет.

С недавних пор Ризель завела привычку проводить много времени в Садах Иллюзий. Это было необычно, поскольку ранее ее высочество предпочитала собственный сад, неухоженный и дикий, – тот самый, где ее едва не убил сумасшедший оборотень-пересмешник, решив отомстить капитану-императору за падение своего клана. Однажды Ризель целое утро просидела в беседке, расположенной в самом центре Садов – неподалеку от озера, чью гладь усеивали бело-желтые водяные лилии, – и уже на следующий день эта беседка превратилась в ее кабинет, заваленный книгами и бумагами. Принцесса сидела на полу перед низким столиком, просматривала отчеты своих подручных, писала письма и приказы, иногда ради собственного удовольствия читала – ей нравились истории о путешествиях, воспоминания и путевые днев-

ники людей и магусов, давным-давно отправившихся считать острова. Для Фаби в беседке тоже нашлось место, хотя в последнее время Ризель перестала давать ей особые поручения, позволяя спутнице спокойно вышивать, читать или даже дремать. Впрочем, как раз последнее не приносило удовольствия из-за повторяющихся тревожных видений, о которых Фаби не решалась никому рассказать.

Вот и теперь она ненадолго провалилась в сон, а принцесса тем временем исчезла.

– Ваше высочество! – позвала Фаби и услышала в собственном голосе страх.

Неужели что-то случилось? Нет, невозможно – это ведь Сады, здесь безопасно... С трудом уняв тревогу, она вышла из беседки и огляделась: повсюду царило безмятежное вечное лето, над кустами жасмина гудели пчелы, а где-то неподалеку играла гитара. Пальцы невидимого музыканта заставляли струны звучать то грозно и жестоко, то жалобно и щемяще; мелодия, исполненная светлой печали, была прекрасна до слез. Фаби знала всех бардов, удостоившихся чести играть в Садах, но не назвала бы ни одного, способного на такое. Невольно позабыв о принцессе, она свернула на тропинку, ведущую к озеру, и вскоре оказалась на берегу.

На камне у самой воды сидела девушка. У незнакомки, одетой в простое белое платье, были темно-рыжие волосы, заплетенные во множество косичек, украшенных монетками, кольцами и разноцветными лентами... а еще у нее были крылья. Ослепительно-белые, большие – на зависть любому из ручных лебедей, обитавших на другой стороне озера, – и настоящие. Сложенные за спиной, они то и дело подрагивали, когда музыкантша недовольно хмурилась или, наоборот, улыбалась, думая о своем.

«Я сплю, – подумала Фаби, ошеломленно отступая, будто опасаясь спугнуть восхитительное видение. – Она мне снится...»

Когда-то здесь уже жил крылан, но было это давно и закончилось плохо. «У него оказался буйный нрав, – только и сказал распорядитель Садов в ответ на осторожные расспросы Фаби. – Его пришлось продать». Тот человек-птица, как говорили, обладал угольно-черным оперением. Диковатое существо, представлявшееся ей в фантазиях, было скорее птицей, чем человеком, и уж точно не имело ничего общего с прелестной незнакомкой, игравшей на гитаре куда лучше самого умелого из дворцовых бардов.

– ...Это меня пугает, – проговорил знакомый голос, едва пробившись сквозь чарующую музыку. – Я ничего не могу с собой поделать. Вы понимаете, насколько далеко все зашло?

Фаби оглянулась и увидела Ризель: принцесса стояла спиной к озеру, держа за руку незнакомца магуса. На ее появление они не обратили внимания.

– Я все понимаю, ваше высочество, – сказал магус. – Не надо больше слов – они опасны даже здесь, и вы это знаете.

На его правой щеке виднелся уродливый шрам, похожий на кракена, – след давнего ожога, – столь необычная примета среди высокородных аристократов, в чьем распоряжении всегда имелись целители, что Фаби сразу поняла, кто перед ней. Это был сам Рейнен Корвисс, много лет назад отправившийся в путешествие по Дороге печали, как называли в клане Ворона ритуальное изгнание наказанных... или тех, кто наказывал себя сам. Иногда говорили, что таким образом бывший глава семейства пытался расплатиться за то, что Бдительные не сумели найти лекарство для капитана-императора. Фаби подозревала, что слухи если и не далеки от истины, то уж точно не затрагивают истинной причины его... ухода? Изгнания?

Того, чем Дорога печали была на самом деле.

– Что с королевой? – спросил Рейнен. – Как поживает ее величество Алиенора?

– День нашего с вами расставания был последним днем, когда я видела королеву, – тихо проговорила Ризель.

«День расставания, – мысленно повторила Фаби. – Последний день...»

Еще одна тайна, случайно раскрытая в присутствии незаметного воробышка: императрица заперлась в Садах после трагической гибели Амари, младшего принца, а ведь это случи-

лось примерно три года назад. Значит, Рейнен Корвисс появился в Облачной цитадели вовсе не впервые за сорок лет.

Зачем же он пришел?

Фаби, изо всех сил стараясь не шуметь, вернулась в беседку.

...Земля, камень, железо.

Она лежит, придавленная ужасной тяжестью, и не может пошевелиться. Темно. Холодно. Тихо. О-о, Заступница, где же ты? Если это и есть посмертие, то оно стократ хуже самых страшных сказок о царстве Великого Шторма, о Крабьих лугах. Пусть будут кракены и мерры, пусть ураганы сталкиваются на просторах бескрайнего океана, тратя в бесцельной битве силы, которых хватило бы на сотворение нового мира, пусть будет что угодно – но только не лишённое времени место, населенное спящими тварями, ожидающими своего часа. Они рядом, они близко: хоть вокруг темно, она все-таки чувствует подле себя бесчисленные шипы, клешни, иглы, лезвия. Облачная цитадель не знает, что под ней таится воплощенная смерть, тихая смерть, спокойная смерть, – таится и ждет.

Ждет.

Она лежит, ощущая свое металлическое тело, подобное тысячам других, спрятанных в этих мрачных пещерах, и больше всего боится, что сон и явь когда-нибудь поменяются местами...

– Ваше высочество, пора идти.

– Да-да, я сейчас, – откликнулась Ризель.

Принцесса стояла у открытого окна, ветерок колыхал ее белые волосы. Фаби послушно отступила и уже не в первый раз подумала, что ощущение тяжести, столь хорошо знакомое ей по кошмарным видениям, Ризель отнюдь не чуждо: на эти хрупкие плечи давила всем своим весом огромная Империя.

«Отчего она выбрала меня? Я ведь ничем ей не помогаю, не могу поддержать ни словом, ни делом. Любая служанка справилась бы не хуже!»

Что же привлекло внимание ее высочества за окном? Круглые крыши, пушистые ветви сосен, серое небо с заплутавшей черточкой-птицей...

– Хочешь, я отпущу тебя домой?

Сердце забилося воробьем в ладонях. Домой? Насовсем?!

– Я могу. – Ризель улыбалась – еле заметно, но это и была ее настоящая улыбка, а не маска для почетных гостей. – Только скажи. Ты ведь тоскуешь, я чувствую.

Домой...

Сегодня во дворце собрались посланцы кланов, когда-то подписавших договор с капитаном-императором или примкнувших к Союзу Семерых позднее. Фаби не знала, о чем они намеревались совещаться, ее волновало лишь одно: кого из родных доведется встретить в самом скором времени? Наверное, это будет Альд, старший брат. Отец вряд ли оставит остров ради того, чтобы в очередной раз превратиться в удобную мишень для придворных насмешников. Кто бы это ни был, Фаби ждала встречи всем сердцем, и как бы ей хотелось уехать с ним домой, позабыв про Облачную цитадель!

– Ваше высочество, пора... – сказала она, решив оставить вопрос принцессы без ответа. – Время!

Где-то под высокими сводами коридора эхо подхватило последнее слово и принялось с ним играть: «Время... время...

Время...»

– Ты права, – проговорила Белая Цапля. – Идем.

Длинный подол белого платья зашуршал по мраморной лестнице. Фаби поспешила за госпожой, но все-таки успела напоследок оглянуться – за их спинами остался узкий лоскут

мерцающего света. Внезапно она подумала, что во всем дворце нет ни одного окна, из которого был бы виден океан. Только залив, да и то не весь.

Спутница принцессы лишь сейчас поняла, как сильно ей не хватает открытой воды.

В просторном зале, где гости собрались в ожидании ее высочества, было холодно: хотя в огромном камине горело, кажется, целое дерево, воздух прогревался лишь на расстоянии трех-четырех шагов от ревущего пламени. «Это все из-за того, что Облачная цитадель построена очень давно, – объяснила Ризель однажды. – Раньше она отапливалась таким же хрустальным сердцем, как и то, которое хранит Сады Иллюзий от зимней стужи. Оно сломалось, а обычные камины мало помогают – здесь слишком много металла». Чуть помедлив, она прибавила: «Когда я была маленькой, слуги часто повторяли, что тепло крадут мехи и уносят в глубины – туда, где уже много сотен лет не ступала нога магуса или человека».

Вспомнив об этом разговоре сейчас, Фаби испуганно вздрогнула – сон, проклятый повторяющийся кошмар! Ей вдруг показалось, что пол под ногами дрогнул, будто там, внизу, беспокойно заворочалось какое-то чудовище.

Десять магусов склонились перед хрупкой девушкой в белом платье:

– Ваше высочество... Мы так рады... Такая честь... Ваше высочество... Принцесса...

Фаби, тенью следовавшая за госпожой, не смела поднять головы и лишь искоса наблюдала. Как и ожидалось, здесь был высокомерный Вейлан Ястреб, первый советник. Поблизости от него стоял лорд Рейго Лар, получивший титул старейшины чакс совсем недавно и еще не освоившийся с новым положением. Торрэ Шарп, к величайшему облегчению Фаби, сегодня прятал изуродованное лицо под капюшоном и вообще держался поодаль от остальных. У камина беседовали вороны – Кармор и Рейнен, – и их беседа шла весьма своеобразно, поскольку Кармор был нем и объяснялся при помощи знаков. Молодой ворон онемел около трех лет назад из-за какого-то неудачного опыта, суть которого так и осталась тайной для придворных; в этом их с Рейненом судьбы были схожи, да и прочие вороны нередко страдали из-за своей любознательности и необоримой тяги к опасным экспериментам. Впрочем, Фаби куда больше интересовала странная неприязнь между Кармором и принцессой: встретившись случайно где-нибудь во дворце, они кивали друг другу, не глядя в глаза, и торопились разойтись в разные стороны. Почти то же самое случилось и сейчас – просто убежать было некуда, – а вот Рейнена Ризель приветствовала с теплотой. Алхимик ответил ей спокойной улыбкой и даже удостоил Фаби мимолетным взглядом, в котором девушке померещилось любопытство.

Спустя миг она забыла обо всем.

В стороне от прочих крылатых лордов одиноко стоял мужчина, чья внешность не представляла собой ничего примечательного: среднего роста, рыжеватые неаккуратно подстриженные волосы торчат во все стороны острыми прядями, бледное лицо напрочь лишено того необычного, подчас высокомерного выражения, которое позволяет с первого взгляда распознать магуса. Его хмурый взгляд блуждал по залу с плохо скрываемой тоской.

Лорд Дэйн Торимо, глава клана Воробья, не умел лгать. Придворных лицемеров он ненавидел, но в силу своего крайне шаткого положения вынужден был молча терпеть издевки и ждать приказов капитана-императора, как и подобает слабейшему.

Фаби замедлила шаг, а потом и вовсе замерла на месте.

– Добрый вечер, лорд Торимо, – произнесла Ризель с улыбкой. Воробей склонился в глубоком поклоне. – Мне сказали, вы прибыли только сегодня, рано утром. Не устали с дороги?

– Я выполняю свой долг, – ответил отец Фаби, тщательно взвешивая каждое слово. – Усердно и... неустанно.

– Это очень благоразумно с вашей стороны, – сказала принцесса и едва заметно усмехнулась. – Когда все закончится, приходите в мою гостиную. Там у вас и Фаби будет возможность пообщаться без посторонних глаз.

От неожиданности Торимо вздрогнул, но тут же взял себя в руки и снова поклонился принцессе – этот жест теперь выглядел куда искренней, да только Ризель едва ли его заметила: она как раз встретила взглядом с высоким темноволосым магусом, которого Фаби, как и Рейнена, никогда раньше не встречала при дворе. Незнакомец был так красив, что спутница принцессы зарделась от смущения; до сих пор ни один мужчина не вызывал у нее такого пугающе приятного чувства. Он будто светился изнутри, и Фаби захотелось подойти ближе, чтобы согреться в лучах этого света, но стоило красавцу взглянуть на нее, наваждение тотчас пропало. Его безупречное лицо было холодным и жестоким, а в глубине черных глаз таилась опасность.

– Эйдел Аквила... – протянула ее высочество слегка насмешливо. – Сколько лет, сколько зим! Провинция пошла тебе на пользу, да? Как называется городок, которым ты нынче управляешь, – Тейравен, кажется? Ну, так или иначе, ты выглядишь здоровым и полным сил.

– Свежий воздух... – таким же ироничным тоном ответил мужчина. – Морской простор...

– Надо же!

– ...и необычайное уныние, моя госпожа. Сам не знаю, как вытерпел столько лет в этом ужасном месте. – Эйдел искоса взглянул на спутницу принцессы, и девушка с ужасом осознала: орел прекрасно понимает, какое впечатление оказывает на молоденьких дурочек вроде нее. Фаби вдруг стало очень стыдно за свою мимолетную слабость.

– Уныние? – переспросила Ризель с неподдельным удивлением. – Поблизости от Окраины?! Позволь не поверить, Эйдел! Или ты хочешь сказать, что все истории о приключениях, которыми так любят развлекать придворных дам brave моряки, лживы? Ты что, ни разу не сражался с пиратами?

Магусу, как показалось Фаби, стоило немалых усилий сохранить непринужденное выражение лица.

– Эти мелкие стычки быстро стали рутинным делом, моя принцесса, – сказал он с нарочитой небрежностью. – Я, право, не думаю, что истории о них могли бы вас заинтересовать.

Ризель ничего не сказала; она смотрела на молодого лорда со странным выражением, которое Фаби никак не удавалось истолковать, – это длилось несколько мучительно долгих мгновений, пока Эйдел не потупился.

«Я вспомнила!»

Фаби резко отвернулась, рискуя привлечь к себе внимание или показаться невежливой. Много лет назад, задолго до ее прибытия ко двору, разразился страшный скандал, в котором оказались замешаны трое молодых магусов из разных кланов. Подробностей Фаби не знала – лишь крупницы, собранные из подслушанных разговоров, – но ей было известно, что в конце концов всех этих юношей под благовидными предлогами выслали из столицы на самые отдаленные рубежи Империи, а одного даже назначили наместником императора в какой-то провинции. «Беднягу послали туда, где с ним запросто может приключиться несчастный случай, а целителя рядом не окажется», – туманно заметила одна из придворных дам, не обратив внимания на Фаби, стоявшую совсем близко.

Речь шла именно о том, кто сейчас был в двух шагах от нее, – об Эйделе Аквиле.

А сам скандал каким-то образом касался принцессы...

– Господа!

Ризель повернулась к собравшимся, и широкие рукава ее белого платья взметнулись, точно крылья.

– Рада приветствовать всех, – провозгласила Белая Цапля. Она смотрела на магусов, чуть склонив голову набок, и Фаби по ей одной известным приметам поняла: речь будет очень короткой. – Как тех, кто бывает во дворце чаще, чем у себя дома, так и тех, кто почтил нас своим присутствием впервые за много лет!

– Я так и думал, что своим визитом доставлю необыкновенную радость, – вполголоса проговорил Рейнен, и в тишине его слышали все.

Алхимик по-отечески улыбнулся принцессе: никто из придворных не мог перебить ее высочество безнаказанно, но Бдительный, в силу своего особого положения, имел право и на большее.

– Сегодня необычный день, – продолжила Ризель. – Сегодня наконец-то пришла весна... но дело не в этом. – Неожиданно принцесса побледнела, ее голос слегка изменился. – Вас ожидает сюрприз, и мне не хочется больше его откладывать.

Она трижды хлопнула в ладоши; невидимые слуги распахнули настежь дверь в соседнюю комнату – там было темно, однако Фаби, как и остальные, хорошо знала, что это за комната и почему она заперта вот уже много лет.

Это был кабинет капитана-императора.

– Добрый вечер, господа.

На поверхности серебряной маски заиграли отблески огней.

Фаби рухнула на пол вместе со всеми магусами, а поднявшись с колен по милостивому дозволению Аматейна, не посмела на него взглянуть, лишь краем глаза ухватила какие-то мелочи – тяжелую трость, затянутые в перчатки кисти рук с длинными, как у Ризель, пальцами, круглый амулет на серебряной цепочке. Когда капитан-император сам на нее посмотрел, девушка чуть не потеряла сознание и едва расслышала, как Ризель прощается с лордами: «Не буду мешать, господа! Обсуждайте дела, а я займусь тем, чего давно уже хотела, – отдохну».

Кажется, Аматейн даже рассмеялся в ответ на эту незатейливую шутку.

...Спящие-во-тьме ждут, и нет предела их терпению.

Скоро, очень скоро ожиданию придет конец.

4. То, чего желаешь

... Через час, через неделю и через полгода после встречи с ее высочеством он вспоминал одно и то же – волосы. Белые, точно снег; нет, еще белее; нет-нет, подобной белизны просто не может быть в природе. Он постепенно забыл черты ее лица и цвет глаз – голубые? серые? какая разница... – но волосы запомнил, и они ему снились, они его терзали, душили, убивали. Он был рыбой, а принцесса Ризель – рыбаком. Ни во сне, ни наяву ему не выпутаться из сетей, что она сплела из слов и своих белых волос, пусть даже его собственные волосы такого же цвета...

Кто бы из людей или магусов ни сказал, что, увидев один город Окраины, считай, видел их все, – он ошибался. Да, Кеттека, Ямаока, Марейн и даже Лейстес походили друг на друга пестротой лиц, одежд, товаров и разноголосым хаосом рыночных площадей, где южанин и северянин понимали друг друга с полуслова; но все-таки имелась в этом ожерелье островов, разделявшем владения магусов и принадлежавшие меррам южные моря, редкостная по красоте жемчужина – Каама.

Каменная чаша, наполненная водой, что прозрачнее хрусталя, – такой она была. Больше трех веков назад какой-то оставшийся безымянным рыбак облюбывал это местечко и построил для своей семьи хижину на плоту; вскоре пришли и другие поселенцы, которых не пугали мрачные утесы, поросшие хилыми и кривыми соснами. Огромная бухта, вход в которую стерегли высоченные скалы, давала надежное укрытие даже от самых страшных штормов, нередких в этих краях, а громадные каменные глыбы, тут и там возвышавшиеся над поверхностью воды, оказались достаточно устойчивыми, чтобы новые дома возвели уже на них. Там, где не хватало места, люди мастерили плоты и мосты. Каама росла очень медленно, отвоевывая у океана пядь за пядью, и никто не заметил, когда она вдруг превратилась в самый большой порт Окраины. Посреди рукотворных островов и каналов, ходить по которым могли только узкие и длинные лодочки, посреди прозрачных вод и головоккружительно высоких скал родилось нечто неназываемое, заставлявшее говорить об этом городе с благоговейным придыханием: о-о, Каама!

Шли годы. Войны начинались и затихали; Великий Шторм то и дело пробовал на прочность город-на-воде; старые дома ветшали и рушились, на их месте строились новые. Чем дальше уходил фрегат от Хрустальной бухты, тем причудливей становились слухи о Каама – говорили, что ее кварталы-островки по ночам дрейфуют и лишь к утру останавливаются, цепляясь друг за друга мостами, словно абордажными крючьями. Утром глянешь в окно, а там совсем не та улица, что была накануне вечером. Еще говорили так: несть числа островам в Океане, несть числа мостам в Каама. Местные жители распространяли этот слух с превеликим удовольствием. Мосты, конечно, можно было легко подсчитать... но зачем?

Преодолев трехсотлетний рубеж, Каама быстро постарела. Волны расшатали некогда крепкий фундамент из каменных глыб; сырость на мягких лапах прокралась в дома и поселилась там надолго, угрожая вытеснить прежних жильцов из родных стен; деревянные причалы просели, изъеденные временем и паразитами, и теперь даже самый легкий шторм мог бы обрушить их с той же легкостью, с какой ребенок уничтожает собственные постройки из прутиков и щепок. Казалось, дни города сочтены, но однажды в гавань вошел фрегат, чьи паруса в пред-рассветном сумраке еле заметно светились. Вскоре на пристань сошел высокий светловолосый человек, огляделся по сторонам, улыбнулся и коротко бросил:

– А здесь красиво.

– Лайра обосновался в Каама? – усмехнулся капитан-император, узнав о случившемся. – Что ж, трухлявому королевству – трухлявую столицу!

Он забыл – а может, не знал, – что сердце у Каамы из камня.

Луна вынырнула из-за туч как раз тогда, когда Хаген очутился прямо перед входом в таверну «Веселая медуза», и осветила вывеску – облупленную, с трещиной. Вывеске под стать оказался и сам покосившийся двухэтажный домик: пальцем ткни – обрушится прямо в канал. Отчего-то пересмешник подумал, что в таких местах обычно собираются те, кто не задерживается на одном и том же фрегате надолго. Подобные таверны имелись в любом порту – и в этом смысле Каама, столица Окраины, была совершенно обычным городом.

Он пришел сюда не по своей воле. Еще засветло, когда «Невеста ветра» пришвартовалась и матросам, чья вахта закончилась, разрешили сойти на берег, пересмешник немедленно этим разрешением воспользовался. Ему казалось, что на берегу можно будет хоть немного отдохнуть от постоянного присутствия фрегата в своей голове, от тени, возникшей в тот момент, когда они с капитаном Кристобалем Крейном пожали друг другу руки. Его не предупреждали об этой тени; впрочем, слова и не могли передать того, что он порою испытывал, теряя себя и растворяясь в нечеловеческом разуме рыбкорабля. Грань между явью и сном сделалась слишком тонкой, и потому, наверное, он с нетерпением ждал прибытия в Кааму, где планировалась долгая стоянка.

Но его постигло разочарование: «Невеста ветра» никуда не делась, она по-прежнему пребывала рядом-и-внутри, и более того – Хаген осознал, что, даже удаляясь от фрегата, продолжает чувствовать, в какой стороне тот находится; это чувство не ослабевало, когда между ним и пристанью росло расстояние и появлялись каменные стены. Куда проще играть роль моряка, матроса, чем быть им на самом деле. Хаген всей душой пожелал бы возвращения того беззаботного времени, когда «Невеста ветра» не сидела днем и ночью в его голове, но ему мешала одна деталь: теперь-то он хорошо понимал, до чего глупым выглядел этот спектакль в глазах Крейна, всевидящего и вездесущего.

Пересмешник бродил по каамским улицам, без особого интереса разглядывая город, и на одном из перекрестков, решив свернуть направо, почему-то свернул налево – будто кто-то его подтолкнул, деликатно и настойчиво. Теперь «кто-то» хотел, чтобы он вошел в таверну. Пересмешник ненадолго замер у входа. Из-за неплотно прикрытой двери доносились неразборчивые голоса, смех, нестройный перебор гитарных струн; женский голос громко и отчетливо сказал: «Отстань!» – и сразу же раздался грохот, как будто опрокинули скамью. Ноги сами понесли его вперед, словно тот, кто им управлял, вдруг утратил терпение.

В довольно большом зале «Веселой медузы» царили шум, дым и грязь. Нос Хагена – обоняние у пересмешников было невероятно чутким, куда лучше, чем у прочих магусов, не говоря уже о людях, – разложил запах на составляющие, и едва проснувшийся голод тотчас же притих. Он машинально поправил зеленый платок, под которым прятал отросшие бело-рыжие волосы, и огляделся по сторонам. С виду публика ничем не отличалась от обычного морского люда, но особые качества, которыми посланец принцессы Ризель обзавелся за последние три с половиной месяца, позволили ему определить, что у всех присутствовавших было кое-что общее.

Точнее, кое-чего им всем не хватало.

– Ты что тут потерял? – тусклым голосом спросила девица с увядшей магнолией в корсаже. – Такие красавчики к нам заходят редко.

«И в самом деле, что мне тут понадобилось?» – подумал Хаген и невесело усмехнулся.

«Невеста ветра» больше не дергала за ниточки, управляя его телом и разумом; она наблюдала. Никаких подсказок. Пересмешник снова огляделся, надеясь заметить хоть что-нибудь полезное и понять, зачем он здесь и к чему стоит готовиться.

– Что они там делают? – спросил он, обратив внимание на группу моряков, собравшуюся в дальнем углу.

– Кого-то сейчас облапошат, – пренебрежительно отозвалась «магнолия» и, поскольку дверь отворилась вновь, мгновенно забыла о его существовании.

Хаген принялся осторожно пробираться мимо беспорядочно расставленных столов и лавок. Осторожность, впрочем, была излишней – на него никто даже не смотрел.

– ...А я говорю – не сможешь! – Знакомый голос послышался еще до того, как пересмешник успел приблизиться к столу. – С твоими-то п-паль... пальцами... Тут сноровка нужна, во как!

Умберто сидел, подперев левой рукой подбородок; в пальцах правой руки он вертел кусок веревки – точнее, пальцы действовали сами по себе, беспрестанно двигались, складывая ее в замысловатые петли, и наблюдать за этим почему-то было неприятно. Помощник капитана Крейна так напился, что вряд ли сумел бы встать: у него заплетался язык, взгляд блуждал, а на щеках проступил почти горячечный румянец.

Так вот зачем «Невеста ветра» приволокла сюда Хагена...

– Чем тебе не нравятся мои пальцы? – зловеще ухмыляясь, спросил широкоплечий моряк, чей нос когда-то давно познакомился с кулаком или дубинкой, а руки, покрытые шрамами и ожогами, выглядели и впрямь неловкими. Умберто глупо хихикнул и что-то пробормотал – Хаген не расслышал ни слова. – Ты что сейчас сказал, э-э?!

– Он сказал, что мы отсюда уходим, – быстро вмешался магус.

Умберто бросил на него косой взгляд, разочарованно хмыкнул и, разумеется, даже не попытался встать.

– Ты-то откуда взялся? – неприязненно спросил верзила со сломанным носом. – В няньках у этой рыбы-балабола служишь, что ли?

Собравшиеся за столом и вокруг стола рассмеялись. Пересмешник стиснул зубы. Все не так просто: по доброй воле Умберто вряд ли уйдет, да к тому же его не захотят отпускать, раз уж он ввязался... во что? В спор? В состязание узлов? В возможную драку?

Похоже, во все сразу.

Но почему «Невеста ветра» выбрала именно его для этой миссии? Его стихия, его ремесло – изысканный обман, а не трактирный мордобой. Он, конечно, способен за себя постоять, но не против такого громилы, да еще и с товарищами. «Невеста ветра» придет на помощь, говорили ему, не бойся за свою жизнь... Однако у пересмешника имелись особые причины опасаться ран и увечий, последствия которых для него могли оказаться гораздо серьезнее, чем для магуса из другого клана.

– Мой друг... – Пальцы Хагена стиснули плечо Умберто; тот вяло запротестовал, но пересмешник не обратил внимания. – Он, сами видите, здорово перебрал, поэтому несет всякую чушь. У него язык что помело, даже когда он трезвый...

– Мы заметили! – сказал кто-то, и моряки снова засмеялись.

«Мне не нравится этот смех, – подумал магус. – Совсем не нравится».

Верзила со сломанным носом покачал головой. Сам он был, как теперь заметил Хаген, совершенно трезв, и в его глазах плясали огоньки, неприятно похожие на те, что появлялись в глазах феникса незадолго до превращения. Остальные то и дело поглядывали в его сторону, однако и без этого было понятно, кто здесь главный.

Кто же он такой? Хаген склонил голову набок, изучая незнакомца, привычно разделяя внешность и то, благодаря чему она складывалась, – привычки, пороки, секреты, – словно собираясь его *изобразить*, что было бы весьма сложно из-за разницы в весе и росте. Лет сорок, хотя выглядит старше. Не привязан ни к какому кораблю. Любит выпить, любит драться и хранит какую-то нехорошую тайну, хранит очень-очень глубоко. И вот перед ним два юнца, у которых есть все – команда, капитан, молодость, здоровье, да еще и смазливые рожи, по которым так и хочется съездить огромным обожженным кулаком.

Стоп.

«Искусай меня медуза! – От досады пересмешник едва не выругался вслух. – Ожоги! Он не просто моряк без команды, он паленый...»

Теперь он чувствовал в мешанине запахов таверны еще один – необъяснимый, непохожий на все прочие, неприятные и приятные, будто вовсе непредназначенный для человеческого или магусовского носа. Описать его словами было совершенно невозможно, и пересмешник, сам не понимая почему, вдруг вспомнил, как гудят мачты рыбакобраза во время шторма и как этот звук проникает в самую душу, заставляя все тело дрожать, пробуждая желание броситься головой вниз в бездну, чтобы ничего больше не слышать.

Это был запах звездного огня – той загадочной субстанции, от которой рыбакобразы сходили с ума. Даже крупы хватало, чтобы вызвать у фрегата приступ неукротимого бешенства, и оттого люди, волею судеб имевшие с ним дело, оказывались прикованными к земле и путешествовать от острова к острову могли разве что на борту смрадных труподоров.

Разумеется, паленые – так их называли – не испытывали особой любви к обычным морьякам. С чего бы?..

– Состязание узлов – святое дело, – тихим и зловещим голосом проговорил верзила со сломанным носом. – Твой приятель на него согласился, поэтому либо он прямо сейчас признает, что проиграл, либо ты замолкнешь и будешь смотреть, как все. Впрочем, я могу для начала вместо веревки завязать узлом тебя. Целиком или по частям.

– Он же пьяный, – возразил пересмешник. Ответом ему был новый взрыв издевательского смеха. – Он и двух слов связать не сможет, что уж говорить об узлах!

– Трезвый или пьяный, – вдруг заявил Умберто, старательно выговаривая каждое слово, – с веревкой я всегда друж-жу...

«Сломанный нос» развел руками и ухмыльнулся.

– Ну, валяй, плетельщик! – сказал он с довольным видом, откинувшись на спинку скамьи. – Хочу поглядеть на «глаз кракена» – ты пообещал завязать его одной рукой!

Хаген с тихим вздохом опустился на скамью рядом с Умберто, готовясь подставить товарищу плечо, если тот окончательно опьянеет и начнет сползать под стол.

Спустя миг помощник капитана Крейна вдруг издал странный звук – не то вздох, не то всхлип, – а потом сказал чуть изменившимся голосом:

– Я н-не... не буду с тобой состязаться.

«Сломанный нос» замер с открытым ртом, но тут же пришел в себя и разразился градом изощренных ругательств – досталось и кракену, и Меррской матери, и всему меррскому племени за компанию.

– Чего стоит твое слово? – Он привстал, опираясь на кулаки, угрожающе навис над Умберто. Помощник Крейна даже не шелохнулся. – Ты и впрямь рыба-балабол! Зачем трещал о состязании как баба, если не собирался его затевать?

– Вот да, – сказал Умберто и душераздирающе вздохнул. – Все как раз из-за бабы...

Странный незнакомец изменился в лице – всего на миг, короче удара сердца, короче легкого вздоха, но Хаген это заметил.

– Ну так расскажи, – попросил кто-то. – Что за баба?

Собравшиеся закивали, и пересмешник мысленно взмолился: «Заступница, помоги!» Эльга услышала. «Сломанный нос», вновь откинувшись на спинку скамьи, пробормотал с деланным безразличием:

– Валяй...

Умберто тяжело вздохнул и начал рассказывать о женщине, которая появилась на борту его фрегата и в нарушение обычая осталась надолго. О-о, услышь эту историю любой рифмоплет из Облачного города, он за ночь превратил бы ее в поэму, а потом и в пьесу или что-нибудь в этом духе. Представление собирало бы полные залы. Рассказчик вдохновенно повествовал об их приключениях – о путешествии к далеким островам, где красавицу ждало наследство предков, о сражениях с морскими тварями и о том, как прекрасная морячка полюбила капи-

тана, не замечая, что кое-кто другой влюбился в нее с первой встречи, с первого взгляда, и куда сильнее, чем можно было бы предположить.

Голос Умберто постепенно становился четче и выразительнее, но этого никто не заметил. Моряки без команд и паленые слушали, мрачнели, каждый думал о своем. В чьих-то глазах мелькнуло злорадство – понятное дело, назревающий спор с капитаном мог привести к тому, что сидящий перед ними парень станет в «Веселой медузе» уже не случайным гостем, а завсегдатаем, как и большинство присутствующих. Но пока что финал этой истории был неизвестен, и, наверное, они вспоминали, где и когда сами сделали неправильный выбор или утратили благорасположенность Заступницы.

– Вот такие дела, – сказал Умберто и опять тяжело вздохнул.

Хаген повел плечом – от неудобной позы оно начало ныть.

– А что она сама? – спросил «сломанный нос», глядя на помощника Крейна с тем же странным выражением, что уже пару раз мелькало на его лице.

«Что за секрет ты прячешь, громила?»

– Она знает, что навигаторам нельзя влюбляться? – продолжил паленый, и внезапно пересмешился, поняв, что видит в его глазах: боль. Неимоверную, страшную, неизлечимую. – Она понимает, что это не сказка, не пустая болтовня? Если понимает, то лучше бы кое-кому сойти на берег. Иначе... ты знаешь, что может случиться.

А в самом деле, что могло случиться? Хаген нахмурился и покачал головой. Он слышал, разумеется, что навигаторы никого не любят, что у многих в каждом порту по жене, а кто-то, наоборот, не обращает на женщин никакого внимания. Сказки, песни, слухи, романы, в конце концов... До сих пор у него не было повода поразмыслить, сколько в этом поверье правды, а сколько – вымысла. Теперь, пожалуй, поздновато пугаться, но все-таки пересмешился ощутил, как волосы на задней стороне шеи встают дыбом.

– Может, и знает, – вновь севшим голосом проговорил Умберто и, подняв голову, устремил на своего несостоявшегося противника пристальный взгляд. – Она молчит. Ладно... мы с тобой в другой раз сыграем. Я обещаю.

– Шел бы ты отсюда... – беззлобно пробормотал «сломанный нос» и встал из-за стола.

Следом за ним как-то на удивление быстро и незаметно исчезли все остальные – кто-то пересел за другой стол, кто-то ушел совсем. Помощник Крейна продолжал сидеть, молча и безучастно. Когда Хаген попытался его поднять, совершить этот подвиг удалось лишь с третьего раза – Умберто не просто норовил упасть, он еще и сделался тяжелым, неуклюжим, точно годовалый малек фрегата.

– Повезло вам, что все обошлось, – шепнула у самых дверей «магнолия». – Чокнутый Гарон, если уж кого зацепил, просто так не отпускает.

Она явно хотела сказать еще что-то, но услышала оклик хозяина и поспешно удалилась. Хаген досадливо покачал головой: ему было интересно узнать, отчего этот Гарон заслужил репутацию сумасшедшего, но, судя по всему, не стоило рассчитывать на продолжение рассказа.

У него появились дела поважнее.

– П-подожди!

На темной улице не было ни души; ни одна лодка не потревожила серебристую гладь канала. Луна лишь краешком выглядывала из-за туч, но ее робкого света хватало, чтобы различить в нескольких шагах от двери «Веселой медузы» бочку с дождевой водой, – туда и направился Умберто, держась за стену.

Хаген, скрестив руки на груди, наблюдал, как помощник капитана опускает голову в ледяную воду – раз, другой, третий. Что ж, отлично. Если он хоть самую малость протрезвеет, добраться до причала будет легче. «Невеста ветра» справедливо считала его достаточно силь-

ным, чтобы тащить на себе мертвецки пьяного товарища, но сделать такое «поручение» приятнее для магуса не могла.

Умберто выловил из бочки платок, соскользнувший с волос, и направился к товарищу, почти не шатаясь на ходу. Магус, довольный удачным завершением переделки, в которую он попал так неожиданно и странно, позволил себе чуть-чуть расслабиться – и поэтому лишь инстинкт заставил его уклониться от летящего в лицо кулака.

– Скотина! – Лицо помощника капитана исказила жутковатая гримаса. – Ублюдок кракена и медузы!

– Эй, полегче! – крикнул Хаген, уже осознанно увертываясь от нового удара. – Я ведь старался ради твоего блага!

– Да провались ты к Шторму на луга со своим благом!

Ярость Умберто, конечно, вовсе не была беспричинной.

...Хаген с тихим вздохом опустился на скамью рядом с Умберто, делая вид, будто готовится подставить товарищу плечо, если тот окончательно опьянеет и начнет сползать под стол. Одним ловким движением вытащил из-за пояса помощника капитана кинжал – рукоять удобно легла в ладонь, лезвие спряталось в широком рукаве. Прошептал на ухо:

– Дернешься – убью.

Спросил себя: интересно, этот пьянчуга еще хоть что-то понимает?

Спустя миг помощник капитана Крейна издал странный звук – не то вздох, не то всхлип – и застыл, точно каменное изваяние. Все понял, вот и молодец.

Глубоко вздохнув и не шевеля губами, Хаген сказал не своим голосом:

– Я н-не... не буду с тобой состязаться...

Одно хорошо – кинжал теперь висел за поясом у пересмешника.

– погоди, стой! – Хаген снова отскочил, что не составило особого труда – ноги и руки слушались Умберто лишь от случая к случаю. – У меня не было другого выхода! Я должен был вытащить тебя оттуда! Я просто не мог...

– Должен? – прошипел помощник капитана. – Ты ничего мне не должен, урод! Заткнись, я не с тобой разговариваю! – Тут магус растерялся, но молодой моряк продолжил говорить, глядя то ему в глаза, то куда-то поверх его головы и по-прежнему безуспешно пытаясь ударить: – Тебе зачем-то понадобилось меня опозорить, да! Или это намек? А ты? Выкинешь меня здесь, вот прямо здесь? Или потерпишь до следующего порта, ты?!

Мысли в голове Хагена, точно маленькие рыбки, которых напугал крупный хищник, бросились врассыпную, а потом вдруг объединились в серебристое облачко и поплыли в нужную сторону. Он вспомнил то, что знал о рыбокораблях давным-давно и изучил на собственном опыте за последние месяцы. Он понял – если не все, то многое.

А ведь там, в таверне, в какой-то момент магус почти поверил, что рассказывает *выдуманную* историю...

– Прости меня, Умберто, мне не следовало вмешиваться, – сказал он, примирительно выставив ладони, но не переставая внимательно наблюдать за помощником капитана, который ходил туда-сюда, больше не пытаясь приблизиться, и едва ли не рычал, будто зверь в клетке. – Меня сюда привела «Невеста ветра», только и всего. Давай-ка мы сейчас спокойно вернемся на борт, ты протрезвеешь, и завтра вы с Крейном поговорите...

– Заткнись, кукушка! – рявкнул моряк.

Это была серьезная ошибка.

Миг спустя он взвыл, уткнувшись носом в каменный парпет, за которым тихонько плескалась вода. Магус заломил ему правую руку за спину и стал давить. Раздался хруст. Умберто

заорал так, что кто-то приоткрыл дверь «Веселой медузы», но, спохватившись, быстро захлопнул ее.

– Это что еще за ребячество? Успокойся и тащи его домой. Немедленно.~

Хаген разжал хватку и отступил на шаг.

Еще один знакомый голос – и это не был ни его собственный внутренний голос, ни голос капитана Крейна – произнес неслышно для всех, кроме Хагена: «Ничего не изменилось, мой мальчик, в глубине души ты все тот же обидчивый ребенок... Жаль, очень жаль, что рычаг, который позволяет взбаламутить эти глубины, невозможно спрятать. Он выставлен напоказ, и любой дурак может за него дернуть. Жаль, как же мне тебя жаль...»

– Запомни, – тихо, но твердо проговорил магус, – если ты еще хоть раз назовешь меня этим словом, я тебя прикончу, и даже Крейн мне не помешает.

Он хотел добавить что-нибудь про весьма болезненную и мучительную смерть, но вид у помощника капитана вдруг сделался такой жалкий, что весь гнев пересмешника испарился. И еще он почувствовал страшную усталость, как будто много часов драил палубу и корпус «Невесты ветра», а не разглядывал Кааму с ее замысловатыми домами на воде.

Умберто с трудом поднялся и пробормотал что-то себе под нос; это не было ни новым оскорблением, ни извинением. Хаген криво ухмыльнулся и подумал: «Смогу ли я когда-нибудь назвать кого-то из них своим другом?» Он знал ответ на свой вопрос – нет, разумеется, не сможет, о какой дружбе речь, когда он обманом втерся в доверие к капитану? Или не втерся. Не исключено, что ему по-настоящему никогда не доверяли. Хотя в теории устройство фрегата и связи между ним и членами команды казалось несложным, в жизни пересмешник то и дело попадал впросак – вот как сегодня.

– Искусай меня медуза, – сказал он, потом развернулся и пошел в ту сторону, куда указывал невидимый компас, который Крейн на острове Зеленого великана вложил ему в голову.

Или прямо в душу?..

Сзади слышались шаркающие шаги: Умберто плелся следом, держась на почтительном расстоянии. Хаген приостановился, позволяя себя догнать, – он понимал, что, когда возбуждение окончательно схлынет, помощник капитана снова опьянеет и может свалиться в канал, если рядом не окажется крепкого плеча. Магусу не очень-то хотелось думать, что тогда предпримет «Невеста ветра».

Умберто, однако, истолковал его жест по-своему.

– Глупо, да? – чуть невнятно проговорил он без тени прежней ярости, чуть заискивающе. – Ну, она ведь понравилась капитану. И он ей тоже...

– Очень глупо, – подтвердил пересмешник. – Ты сам все знаешь лучше меня. И завтра будешь жалеть об этом разговоре.

– Ой, да что тут жалеть! – Парень так рьяно махнул рукой, что чуть не кувыркнулся через парапет, и Хаген поспешно оттащил его в сторону. – У меня разве что на лбу не написано, что я чувствую... кто в команде достаточно долго, те все понимают без слов... А ты... а она... эх, кракен меня побери! Да я же с первого взгляда пропал... и почему-то вбил себе в башку, что она меня заметила и запомнила... меня, а не его... Это не... неправсвед... несправлед... неспра-вед-ли-во, вот!

Из обрывков случайно услышанных фраз Хаген уже давно сложил сцену, с которой все началось: Тейравен, портовый кабак, состязание плетельщиков. Да, у помощника капитана действительно талант не только вязать узлы, но и ввязываться в неприятности – и он, похоже, намерен и дальше демонстрировать это свое умение.

– Между ними ничего нет, – произнес пересмешник и запоздало прикусил язык.

Не стоило подхватывать нить разговора, ведь он сейчас больше всего на свете хотел избавиться от навязанной фрегатом и капитаном роли няньки при упившемся до танцующих крабов молодом моряке. Тем не менее Хаген точно знал, что сказал правду: на «Невесте ветра»

было слишком мало места, чтобы подобный поворот событий остался незамеченным, да к тому же он просто не сомневался в своих словах. Магус ощущал ту же самую необъяснимую уверенность, что позволяла ему определять направление, в котором следовало искать фрегат, в темноте и с закрытыми глазами, да хоть во сне.

Где-то в глубине уверенности, как холодное течение в море, пряталась тревога, но о ней он предпочитал не думать.

– Не в этом дело, совсем не в этом... – горестно проговорил Умберто. – Когда все начнется всерьез, сам поймешь.

Тут пересмешнику сделалось по-настоящему интересно, однако помощник капитана словно нарочно выбрал самый неподходящий момент, чтобы снова опьянеть и перейти от более-менее связных речей к полной ерунде. К тому же его теперь качало из стороны в сторону, словно при сильном шторме, и остаток пути до причала занял столько времени и сил, как если бы Хаген был пастухом, гнавшим по лабиринту улиц и мостов стадо на редкость упрямых баранов.

Приближаясь к причалу, где стояла «Невеста ветра», пересмешник приободрился, затащил Умберто на палубу и отправил в трюм, с трудом удержавшись от пинка под зад. Вахтенный матрос – недотепа-музыкант Сандер – наблюдал за происходящим молча, держась на почтительном расстоянии, и лишь после того, как невнятные ругательства Умберто окончательно затихли где-то внизу, тихо и изумленно спросил:

– Что это с ним? На моей памяти он ни разу так не напивался.

Хаген пожал плечами и не стал объяснять.

– Капитан, наверное, сердит на него... – прибавил Сандер и покачал головой.

– Крейн еще не вернулся? – поинтересовался пересмешник, чтобы сменить тему.

Феникс, мрачный и решительный, ушел сразу же после прибытия в Кааму.

– Нет, – ответил Сандер. – Не удивлюсь, если они с Лайрой будут спорить и ругаться до самого утра.

Да уж, им было о чем поговорить, включая и самого Хагена. Пересмешник никак не мог отделаться от ощущения, что доставил послание принцессы Ризель не по адресу: ведь черные фрегаты представляли угрозу не для Кристобая Крейна, а для Лайры Арлини, для его шаткого престола, его призрачного королевства! Здесь точно крылась тайна, в которую Хагена не посвятили, и он не устал повторять себе, что лишь ради этой тайны не ушел с «Невесты ветра».

Так было проще.

– Как-то беспокойно на душе, – вдруг проговорил Сандер, отрешенно глядя в темноту. – Знаешь, я с того самого дня, как мы пустились в погоню за этой небесной штуковиной, время от времени ощущаю... чей-то взгляд.

– Я этот самый взгляд чувствую каждый миг вот уже три с лишним месяца, – мрачно заметил Хаген.

Матрос-музыкант усмехнулся:

– Нет-нет, фрегаты смотрят иначе. Даже чужие... Такое ощущение, словно прошел мимо клетки с большой собакой – знаешь, есть такие, которых специально выращивают ради боев на аренах? – ну так вот, ты прошел мимо, а потом вдруг понял, что клетка-то не заперта. И вот ты стоишь и смотришь на собаку. Собака смотрит на тебя. Понимаешь, о чем я?

Хаген, все еще сердитый из-за происшествия в таверне и того, что за ним последовало, едва не съязвил в ответ. Он осекся лишь в последнее мгновение, вдруг сообразив, что с ним впервые завели беседу просто так, а не по какой-то особой надобности.

Впрочем, Сандер был на борту «Невесты ветра» таким же отщепенцем, как он сам.

– Да, понимаю, – сказал пересмешник. – Это все тревога. Мы же как-никак ввязались в очень странную и опасную историю. За нами наблюдают разные... собаки.

– Дело не в тревоге, хотя без нее и не обходится, – возразил Сандер. – Уж поверь, я знаю, о чем говорю. Мы привлекли к себе чье-то внимание. Я не знаю, чье именно, – может, самой Меррской матери. Но там, в глубине, точно что-то есть, и оно на нас смотрит даже сейчас. Не веришь? Сосредоточься и поймешь.

Хаген фыркнул:

– Нет уж, прости. С той поры, как я стал одним из вас, собственные ощущения для меня не повод во что-то верить или не верить. Это ведь все равно что жить в доме, где тридцать дверей, и ни одна не запирается! Пускай случайные гости ничего не воруют и вообще ведут себя прилично, однако из-за них вещи вечно не на месте, повсюду гуляют сквозняки, половицы скрипят...

– Ты действительно так думаешь? – спросил Сандер с интересом.

– А что еще я должен думать? – искренне изумился Хаген. – После того как мы с Крейном пожали друг другу руки, я чуть с ума не сошел. Ночами не спал, днем падал замертво в самый неподходящий момент. Я видел, как паруса «Невесты ветра» делались красными, а море – белым, и еще оно пахло корицей. Я несколько раз забывал собственное имя! Во сне ко мне являлся капитан и читал нотации! Даже сейчас у меня нет полной уверенности в том, что я и впрямь стою на палубе и разговариваю с тобой. Может, это очередное наваждение?..

– Да, такое бывает, – задумчиво проговорил матрос-музыкант. – Кому-то слияние с фрегатом дается легко и просто, незаметно, а кому-то приходится мучиться. Странно, что ты еще не обрел покой.

– Ничего странного, – проговорил кто-то низким хриплым голосом. Пересмешник вздрогнул от неожиданности – он был уверен, что на палубе больше нет ни души. – Мы имеем дело, друг мой Сандер, с настоящим мастером-притворщиком, – продолжил тот же голос. – Он может обмануть кого угодно – включая самого себя.

Хаген повернулся и оказался лицом к лицу с Джа-Джинни. На тонких губах человека-птицы играла снисходительная усмешка; он стоял, скрестив на груди руки с изящными когтистыми пальцами, и ночной бриз шевелил кончики его перьев.

Вот уж кого Хаген не ожидал встретить на борту знаменитого пиратского корабля, так это знаменитого крылана, который едва не уничтожил Сады Иллюзий. Почему-то из всех моряков именно Джа-Джинни тревожил Хагена больше всех – больше, чем сам Крейн! Возможно, потому, что глядя на черные перья, пересмешник мгновенно начинал думать о белых волосах...

– Не нравлюсь? – резко спросил он, глядя в большие глаза необычного бирюзового цвета. – Так ты не ходи вокруг да около. Может, нам стоит сойти на берег и поговорить по-мужски?

– Вот еще! – Крылан хохотнул. – Я прикончу тебя, Крейн прикончит меня, и кому от этого будет лучше? Нет уж, сегодня неподходящий вечер для глупостей. И заметь – ты попытался увильнуть от неприятной темы. Очень грубо и безыскусно, если хочешь знать мое мнение.

Хаген глубоко вздохнул и тоже скрестил руки на груди. Краем глаза он видел Сандера, который наблюдал за происходящим, не делая попыток вмешаться. Интересно, Джа-Джинни и впрямь считал, что Кристоаль Крейн способен его прикончить? Тут же непрошеной гостьей объявилась на удивление дерзкая мысль: а если бы исход дуэли оказался противоположным тому, на какой рассчитывал человек-птица?..

– Ну и в чем я, по-твоему, себя обманываю?

– Ты по-прежнему убежден, что перехитрил всех, включая капитана, – с готовностью ответил крылан, и его лицо вдруг сделалось очень серьезным. Он не шутил, не провоцировал – просто говорил то, что считал нужным сказать. – Ты думаешь, что мы тебе не доверяем из-за обмана, из-за истории с Грейди. Ты считаешь, что остался на «Невесте ветра» временно, пока не наступит что-то важное... тут я не могу сказать ничего конкретного, поскольку не умею

читать мысли. Возможно, тебя интересует небесный компас, как и всех. Ты хочешь попроситься на берег после того, как мы его разыщем.

– Но этому не бывать? – предположил Хаген.

– Разумеется. – Джа-Джинни оскалился. – После всего, что случилось, я заявляю со всей уверенностью: ты здесь навсегда. Это не означает, что твоя лживая рожа мне когда-нибудь понравится. Но я и от собственной-то не в восторге.

Навсегда? Он здесь навсегда? Пересмешник не смог сдержать веселого удивления и негромко рассмеялся. Для магуса «навсегда» означало, как правило, существенно больший отрезок времени, чем для обычного человека. Да, его могли убить – и, в общем-то, он нередко напрашивался на это. Но целую вечность подчиняться капитану, который в любой момент может его испепелить, – такая мысль была сама по себе убийственна.

– Зря смеешься, – сказал крылан. – На «Невесте ветра» нет места случайным людям. Даже когда ты обманывал капитана... точнее, думал, что обманываешь... ты постепенно становился одним из нас. Наверное, ты просто еще не понял, в чем заключается истинная причина твоего пребывания здесь, а не где-то еще... к примеру, на Крабьих лугах.

Хаген пропустил последнее мимо ушей.

– Разве причина не в том, что Крейн поверил мне и согласился взять в команду? – Он покачал головой и сам ответил на вопрос, на миг опередив ухмылку Джа-Джинни. – Нет, это лишь внешняя сторона нашего с ним соглашения. А причина... Может, я просто вам нужен? Как мастер-притворщик?

– Твои способности нам еще пригодятся, это верно, – сказал крылан, вновь напустив на себя серьезный вид, подобающий помощнику капитана. – Но причина – истинная причина! – кроется где-то здесь. – Он ткнул когтистым пальцем в грудь Хагена. – И разобраться с нею ты должен сам. Тогда странности прекратятся, тебе станет легче – никаких больше снов наяву, никаких кошмаров по ночам. Уж поверь, я знаю, о чем говорю. – Он колебался, потом продолжил: – Ты стал нам братом, и мы будем защищать тебя как брата. А вот дружба... С ней сложнее. Ее надо заслужить.

Пересмешник это понимал. Он знал, что сделала для Кристобая Крейна целительница, появившаяся на борту «Невесты ветра» всего на пару месяцев раньше Хагена, но уже ставшая для всей команды незаменимой. Ее любили так, что никто и не вспоминал про пресловутый запрет брать в команду женщин. Что ж, в одном крылан прав: по-настоящему своим на «Невесте ветра» Хаген станет лишь в том случае, если совершит нечто особенное и заставит матросов и самого Крейна отправить обман, с которого все началось, в недостижимые глубины памяти.

Он терпелив – все пересмешники по натуре терпеливы. Он подождет, пока Эльга-Заступница или Великий Шторм дадут ему шанс, и тогда...

«Выходит, крылан прав. Я все-таки хочу остаться. О Безликая, как же все запуталось!»

Джа-Джинни неожиданно расправил крылья и бесшумно ринулся во мрак. Сандер, бросив косой взгляд на Хагена, достал сирринг и принялся наигрывать тихую печальную мелодию. Время для разговоров истекло; что ж, пересмешник и сам хотел о многом поразмыслить в тишине. Отыскав местечко поудобнее, он улегся, закинул руки за голову и стал наблюдать за движением звезд.

До чего же странно все сложилось! В детстве он мечтал сделаться навигатором – а кто об этом не мечтает? – и упрямо не слушал родных, в один голос твердивших, что в семействе Локк этот дар отчего-то встречается крайне редко, а потому не стоит тратить силы и время на пустые грезы. Чуда не произошло – он так и не услышал голос фрегата. Но все-таки в конце концов обрел связь с фрегатом.

В качестве матроса.

Эта жизнь была не сложнее той, которую он вел, изображая слуг в домах богатых и знатных людей и магусов, готовясь что-нибудь украсть или кого-нибудь убить. Отсутствие четко

определенной цели мешало лишь первую неделю после отплытия с острова Зеленого великана, но даже в тот период он, как правило, был слишком занят, чтобы предаваться размышлениям на отвлеченные темы. Драил палубу, вязал узлы, ставил паруса, сражался с морскими чудовищами всех мастей... За месяцы пути ему довелось повидать и кракенов, и мурен, а однажды рано утром за бортом промелькнул самый настоящий шаркат. В Меррском котле зимой всегда опасно, объяснили ему более опытные моряки. Им еще повезло, что удалось выбраться оттуда живыми.

Впрочем, больше всех чудовищ его напугало то, что случилось однажды ночью неподалеку от экватора. Он проснулся с ощущением, что вот-вот произойдет нечто страшное, непоправимое. Вокруг все крепко спали: храпел огромный гоган, изредка бормоча что-то на непонятном языке, а юнга во сне мучительно хмурился, как будто с кем-то спорил и не мог подыскать нужных слов, чтобы отстоять свое мнение.

В голове у Хагена вертелись обрывки снов. Отряд древесных големов маршировал по песчаному берегу и пел нестройным хором фривольную матросскую песенку, капитан Крейн превратился в Феникса и взлетел на эфемерных крыльях, а потом на палубу «Невесты ветра» взобралась русалка и принялась декламировать стихи. От стихов она перешла к более любопытной вещи: пересмешник точно знал, что морская тварь рассказывала истории из утерянной Книги Основателей, но, проснувшись, не мог вспомнить ни слова.

У русалки было лицо ее высочества.

Он вышел на палубу и с изумлением понял, что там нет ни души. Но куда подевались вахтенные? Не спят же они, Крейн не мог такого допустить. Чувствуя, как страх овладевает им все сильнее, Хаген обернулся – и столкнулся с целительницей.

С той памятной ночи на острове они ни разу не разговаривали – не было повода. Эсме большую часть времени проводила у себя в каюте, а если и показывалась на палубе, то лишь ненадолго.

– Вы не спите... – пробормотал он, чувствуя себя полным идиотом. По виду девушки легко было угадать, что спать она не ложилась не только этой ночью, но и прошлой. – Я...

Пересмешник так и не успел договорить, потому что Эсме приложила палец к губам и взгляд ее устремился на что-то за его спиной. В больших глазах целительницы отразился страх, но она не закричала, не бросилась бежать, а с обреченным видом смотрела на поднимающуюся из воды мерцающую сеть – полупрозрачную, но все-таки материальную, да к тому же пугающе близкую. Что за исполинский рыбак решил поохотиться на «Невесту ветра»? Отчего-то это было страшнее, чем встреча с глубинным ужасом – может, потому, что капитана не оказалось рядом. Хаген стоял и дрожал, как заяц; он понимал, что если выживет, то будет вспоминать об этой ночи со стыдом. Сеть внушала ужас, потому что держать ее мог только сам Великий Шторм.

Собрав последние остатки храбрости, пересмешник заслонил собой неподвижную Эсме.

Сеть ринулась на них. Хаген зажмурился: «Заступница, пощади!»

Это было похоже на бег сквозь густые заросли – ветви секут по рукам, жалят лицо, а глаза открыть нельзя, если они тебе дороги. Так и бежишь вслепую, словно зверь, спасающийся от лесного пожара; мчишься, не разбирая дороги, скрываясь от угрозы, которая дышит в затылок. Интуитивно Хаген понял: падать нельзя. Нужно выстоять, и тогда все будет хорошо.

А еще он понял, что от этого врага сбежать не удастся.

В следующий миг Хагену показалось, что его голова вот-вот взорвется. Сразу две чуждые сущности проникли в его сознание и принялись там орудовать с бесцеремонностью воров, связавших сонного хозяина его же собственной простыней и взявшихся потрошить сундуки. Что они искали, он не понял, но перепугался до полусмерти. Перед его глазами беспорядочно скользили воспоминания; утаить хоть что-нибудь от чужаков оказалось невозможно – они бесцеремонно совали повсюду носы, отбрасывали ненужное и подолгу рассматривали что-то,

казавшееся самому магусу незначительным. Он именно этого и боялся, когда заключал контракт с Крейном, он не хотел кому-либо открывать свой разум – и вот, доигрался.

Потом Хаген потерял сознание, а когда он снова пришел в себя, луна неспешно проплывала по темному небу, «Невеста ветра» неслась вперед и вперед, как будто ничего особенного не случилось. Выходит, прошло не так много времени? Приподнявшись на локтях, пересмешник огляделся. Зрение было затуманено, но ему не требовалось видеть капитана, чтобы узнать его.

Эсме на палубе не оказалось.

– Вставай.

Он не сразу разглядел протянутую руку. Ладонь Крейна оказалась очень горячей... или это Хаген так замерз, пока был без чувств?

– Поздравляю, – сказал капитан без улыбки. – Ты прошел экватор и познакомился с его охраной. Должен заметить, ты вел себя достойно. Многие ломаются сразу, просят отпустить, пощадить и так далее. Ты выдержал.

Сдержанная похвала заставила матроса задрожать так, что застучали зубы. Выходит, это выворачивание наизнанку и было пресловутым морским крещением?!

– Теперь понимаешь, отчего истории о переходе экватора такие разные? – поинтересовался Крейн. – Думаю, ты и сам не станешь никому говорить правду. О таких вещах иной раз не рассказывают даже близким.

Хаген кивнул и, слегка заикаясь, спросил:

– Но зачем, капитан? Что это вообще... было? Или *кто* это был?

– Понятия не имею, – признался Кристоаль Крейн. – К кому-то они являются сразу, а некоторым везет, как тебе и Эсме, – мы ведь уже переходили экватор однажды. Они словно ищут кого-то. И готовы искать хоть целую вечность.

– А где Эсме?

– В своей каюте. – По лицу Крейна скользнуло темное облако. – Ей пришлось тяжелее, чем тебе. Целителям всегда тяжело. Ах да – чуть не забыл...

Он протянул руку и вложил в ладонь Хагена что-то маленькое, блестящее:

– Твоя по праву. Носить ее или нет, каждый решает сам.

Еще долго после того, как капитан ушел, пересмешник стоял на палубе, тупо уставившись на золотую серьгу и размышляя, осмелится ли надеть ее, тем самым признав раз и навсегда, что встреча с охраной экватора – не ночной кошмар.

Утром его разбудили пинком в бок.

– Эй, ты! Вставай!

– Отстань, похмельная рожа... – пробормотал магус, не открывая глаз. – От тебя несет так, что испугался бы и глубинный ужас. Поди прочь...

– Ишь, как заговорил! – раздалось в ответ. – Ты в своем уме, крыса сухопутная? Вставай, ворюга! Верни мой кинжал!

Кинжал?..

Хаген сел, сонно моргая и не обращая внимания на Умберто, который нависал над ним, угрожающе уперев руки в бока. Ах да, кинжал. Ночью пересмешник предпочел оставить оружие Умберто у себя, чтобы пьяный моряк не наделал глупостей, да так и забыл его вернуть. Хаген протянул руку к поясу.

Кинжала не было.

Он покопался как следует в памяти – что же, кракен его побери, случилось с оружием? Когда помощник капитана полез драться возле «Веселой медузы», кинжал точно был у Хагена, а вот потом куда-то подевался. На борту «Невесты ветра» по понятным причинам воровство исключалось, так что оружие исчезло где-то между таверной и кораблем, где-то в Кааме.

То есть пропало навсегда.

– Прости... – Хаген виновато развел руками. – Кажется, я его потерял. Может, в воду уронил, когда мы вчера переходили какой-нибудь из этих крабьих каналов. А еще он мог выскользнуть, когда я вчера затаскивал тебя по трапу на борт...

– Потерял? – прошипел Умберто, сжимая кулаки, и в его глазах зажглись нехорошие огоньки. Молодой моряк был совершенно трезв и совершенно вне себя от гнева, а вот Хаген после ночи на палубе ощущал себя не в лучшей форме. – Потерял?! Это был кинжал моего отца, ты, ублюдок кракена и медузы! Это все, что у меня осталось...

– Хранил бы его в сундуке, – огрызнулся магус. – Я попросил прощения! А теперь оставь меня в покое, крабья башка!

Умберто подбоченился и рявкнул:

– Ты как разговариваешь с помощником капитана, кукушка?

Воспоминание обрушилось, как удар в челюсть.

...Узкая улица заперта с двух сторон: ватага босоногих бандитов, разделившись, загнала жертву в ловушку и теперь не намерена выпускать. Маленький беловолосый мальчик растерянно оглядывается по сторонам; от бессилия ему хочется плакать. Взрослые далеко, а всего-то в двух шагах – ухмыляющиеся рожи, которым наплевать на величие рода Локк.

Точнее, бывшее величие.

– Эй, седой! – Вожак стаи щербато ухмыляется. Беловолосый мальчик отступает – но тотчас же получает болезненный тычок в спину и падает на колени. Корзина с покупками, которую он как-то умудрился сберечь, убегая от преследователей, переворачивается. Мальчик обреченно следит, как крутобокое красное яблоко катится напрямиком в сточную канаву. – Эй! – не унимается вожак. Ему на вид не больше двенадцати; он старше беловолосого всего-то на год-два. – Покажи, как ты умеешь кривляться! Скорчи рожу!

Мальчик размышляет, закусив губу от напряжения. Может, и в самом деле?..

Нет. Запрещено.

Да и не это им в действительности нужно.

– Ну? – Вожак устал ждать, он подходит ближе. Беловолосый рассеянным взглядом окидывает его жилистую фигуру и тщетно пытается спрятать страх под маской безразличия. Сейчас его побьют, отдубяют до полусмерти – возможно, непоправимо испортят лицо. И помощи ждать не от кого. – Чего же ты ждешь, кукушонок?..

Хаген тряхнул головой, словно отгоняя надоедливую муху, а потом бросился на Умберто. Сцепившись, двое покатались по палубе, не обращая внимания на встревоженные возгласы матросов. Шансы были равны: пересмешники среди магусов числились среди слабейших, наряду с воробьями и голубями, и, хотя все без исключения небесные дети превосходили людей не только силой, но и ловкостью, Умберто кипел яростью и восторгом оттого, что наконец-то удалось втянуть кого-то в драку. Оба поддались инстинктам и забыли обо всем; для мыслей о капитане и неизбежном наказании за нарушение дисциплины в их головах не осталось места.

– Эй, прекратите! – крикнул Джа-Джинни.

Драчуны не слышали. Крылану хватило бы сил их разнять, однако он лишь прибавил еще несколько не особо приличных выражений в духе «ну, капитан вам задаст».

Умберто выдыхался быстрее Хагена и пропускал удары чаще. Дрался он с азартом, но особых приемов не знал; этот стиль боя под грозным названием «врежь сильнее, увернись быстрее» был пересмешнику хорошо известен. Он успел взять себя в руки и не сомневался в исходе поединка. Оставалась лишь одна проблема: не покалечить противника. Между тем помощник капитана не осознавал, что ему не хватит сил одолеть магуса, и распалялся все сильнее. Он вполне мог покалечиться сам.

«На другом конце дороги, вымощенной гневом, тебя ждет Великий Шторм с распростертыми объятиями!» – сказал как-то раз Хагену его первый и единственный наставник. Двудлиный пройдоха не солгал...

Пересмешник ловким движением отправил молодого моряка на палубу – если бы они сражались на песке, Умберто пропахал бы в нем отменную борозду собственным носом. Против всех ожиданий, он поднялся, шатаясь и вытирая кровь с лица, и снова бросился на мага, которому оставалось лишь повторить тот же прием.

Но Умберто встал и во второй раз.

– Может, хватит? – спросил Хаген и шагнул назад, опустив руки. От происходящего потянуло безумием, и пересмешником вдруг овладели дурные предчувствия. – По-моему, достаточно... Эй!

Новая слепая атака, тот же результат. Казалось, в Умберто вселился злой дух, и, хотя на этот раз его попытался остановить Бэр, грогану не хватило проворства. Помощник капитана вывернулся из неуклюжих лап, прихватил оба ножа, висевших на поясе громилы, и снова бросился вперед. До этого магус уже заметил, что его противник одинаково хорошо владеет обеими руками, и увернуться от двух лезвий сразу было лишь самую малость сложнее, чем от одного, однако...

Эй, кукушонок!

Голос из прошлого заорал Хагену прямо в ухо, и он, содрогнувшись, промедлил всего-то мгновение. Жгучая боль пронзила правую щеку – куда более сильная, чем от обычного пореза. Словно кипящая лава начала растекаться огромной лужей, к уху, к переносице, к углу челюсти...

Он схватился за лицо и медленно опустился на колени.

Вот и все. От собственной природы далеко не убежишь. Кто виноват, что у пересмешников такие delicate нервы? Любое повреждение приводит к параличу мышц, и «кривую маску», которой его пугали в детстве, Хаген вскоре увидит собственными глазами – в зеркале.

Жаль, очень жаль, что его изувечил недостойный противник, в драке, случившейся с похмелья, по совершенно дурацкому поводу.

Он лишь урывками видел, что происходит вокруг. Вот Умберто – тяжело дышит, во взгляде уже нет безумия, но это уже ничего не меняет. Вот Джа-Джинни – что-то говорит, хмурится. Вот подол юбки и босые ноги...

– Позволь мне, – мягко проговорила целительница и, взяв его за запястья, вынудила отвести руки от лица. Магус поддался, но зашипел сквозь зубы, когда рана раскрылась, вызвав новый поток раскаленной лавы, хлынувший от пореза к уху. – О-о, да ведь ты внутри совсем не такой, как остальные... Потерпи, я быстро.

– Эсме, снадобье! – воскликнул Джа-Джинни, но целительница как будто не услышала.

Мир вокруг Хагена *сдвинулся*. На миг он оказался совсем в другом месте – там царила тьма, и посреди тьмы сиял невообразимо прекрасный цветок, – а потом «Невеста ветра» вернулась, и с нею все прочее, но боль, терзающая его лицо, прошла.

Тонкие пальцы коснулись правой щеки.

– Все, – сказала целительница, и лишь теперь он осмелился посмотреть ей в глаза. Она улыбалась, тепло и беззаботно, как будто ничего особенного не произошло. – Ты обязательно должен мне рассказать, что у вас, пересмешников, спрятано под кожей.

– Стоило так торопиться... – проворчал стоявший рядом Джа-Джинни. – Это ведь была просто царпина!

Эсме покачала головой, не сводя глаз с Хагена. Она как будто чего-то ждала. Он нерешительно поднял руку, ощупал кожу – ни следа раны, но это ведь не главное! Подвигал щекой, подергал.

«Заступница, неужели?...»

Он снова спрятал лицо в ладонях, а когда убрал их, целительница воскликнула с приторным негодованием:

– Вот уж не надо нам второго Умберто! Капитан вернется и накажет не того, кого надо. Немедленно верни свое лицо!

Хаген так и сделал – превращение удалось без труда.

Он вскочил, подхватил целительницу на руки и закружил так, что зеленый шарф едва не улетел, подхваченный ветром. Смеясь, она крикнула:

– Поставь меня на место, дубина!

– Слався, Эльга! – воскликнул пересмешник. – Откуда ты узнала? Как ты это сделала? Ты сотворила чудо!

– Никакое не чудо... – Она смутилась и даже покраснела. – Это... не знаю, как его назвать... средоточие твоего дара не было рассечено до конца. Если бы лезвие продвинулось еще на волос – нет, на сотую долю волоса! – я бы ничего не смогла сделать. Но зачем об этом говорить? Я пришла, я успела. Лучше расскажи, как устроены ваши тела, мне интересно. И еще мне интересно, почему ты кинулся на Умберто. Все дело в... том слове?

Хаген помрачнел, но понял, что не сможет увернуться от ответа.

– «Кукушка» – это оскорбление чудовищной силы для любого магуса, не только для пересмешника. Ты ведь знаешь, что кукушки не высиживают яйца, а подбрасывают их в чужие гнезда? Ну так вот, если в семье магусов рождается ребенок, лишенный всего, что свойственно небесным детям, то говорят: «Его принесла кукушка».

– Я считала, лишенных дара магусов называют бескрылыми, – с легким удивлением заметила целительница.

– Как я и сказал, кукушки лишены *всего*, – с нажимом проговорил Хаген, едва сохраняя спокойствие. – Они обычно живут недолго и отличаются весьма... некрасивой внешностью. Впрочем, «некрасивой» – это мягко сказано. Они безобразны. Лишние пальцы на руках и ногах, перепонки, вертикальные зрачки, чешуя... Все уродства и отклонения, какие только можно вообразить, встречаются у кукушек. Они – полная противоположность нам.

Взгляд Эсме метнулся к его отросшим волосам – наполовину рыжим, наполовину белым. Она болезненно сморщила лоб и кивнула – поняла.

А потом они ощутили приближение капитана, который был очень, очень зол.

– Ну объясни мне по-человечески, зачем ты это сделал?

Рыжий матрос уставился на своего собутыльника с тем безграничным доверием, которое возникает только после третьей кружки обжигающей сарыи. Они столкнулись в дверях таверны, куда Хаген завернул от отчаяния, надеясь на помощь каких-нибудь богов, ибо шансы на выполнение задания таяли с каждой минутой. Он понимал теперь, как плохо продумал эту часть своего плана. Впрочем, пересмешник весь план продумал плохо – ему просто повезло. Как говорили моряки, Шторм моргнул.

Но теперь владыка грозowych туч устремил на него пристальный немигающий взгляд.

– Я всей душой хочу попасть на ваш фрегат... – начал Хаген, делая вид, будто у него заплетается язык от выпитого. Подходящая история была наготове, и, что бы там ни говорили о сходстве между матросами и их капитаном, сидевший перед ним явно не отличался сообразительностью. – Когда я впервые услышал про «Невесту ветра», мне сразу стало ясно: вот моя судьба...

Рыжий – звали его Грейди – хмыкнул.

– Да уж, мы с тобой в чем-то похожи.

«А ведь и правда...»

Хаген восторженно и посмотрел на матроса взглядом оборотня. Рост, ширина плеч и длина рук, посадка головы, форма носа и очертания челюсти – все сходилось. Мелочи вроде

иного рисунка скул, чуть раскосых глаз и россыпи веснушек на щеках не представляли никакой сложности, как и рыжие волосы. У Грейди оказалось несколько мелких шрамов на руках, но все пальцы были на месте, и даже без каких-нибудь бросающихся в глаза следов старых переломов.

Неужто Шторм моргнул во второй раз?..

– Но на «Невесте ветра» свет клином не сошелся, – продолжил Грейди, – если ты и впрямь хочешь стать одним из нас, то попытай счастья на каком-нибудь другом фрегате. Вот, к примеру, неподалеку отсюда я видел симпатичную «бочку» – на торговых судах Окраины вечно не хватает рук...

У Хагена дрогнули ноздри – лишь этим пересмешник выразил свое недовольство. Грейди не очень-то изящно пытался направить его на корабль попроще, чей капитан вряд ли отличался особой разборчивостью. Разница между «Невестой ветра» и этой самой «бочкой», чье имя он пропустил мимо ушей, была как между лошадей и ослицей.

Но пускай Грейди болтает, пускай. Пересмешнику требовалось еще немного времени, чтобы оценить вероятность удачного исхода. Хаген не хотел ошибиться вновь и упустить такую жирную рыбу, которая сама приплыла прямо в сети, которые он и расставить толком не успел. Прежде всего нужно избавиться от этого бедолаги, и можно даже руки не марать – хватит лишнего кувшина сарыи. Потом, когда матрос уснет беспробудным сном, надо пристроить его там, где не потревожат до позднего утра, и заняться той единственной деталью внешности, которую пересмешник не мог изменять усилием воли, – волосами. В квартале от таверны магус приметил лавку, где посреди всяких мелочей для прекрасных дам обязательно найдется краска. Дверь заперта, ведь уже совсем поздно, однако с каких это пор пересмешника останавливали замки? Хозяин лавки поутру и не заметит, что дверь кто-то трогал.

«Невеста ветра» отплывает перед рассветом. Времени более чем достаточно.

– Я-то сам в команде недавно, – задумчиво признался Грейди. – Но старик Силард сказал, что таких, как ты, повидал немало. Он сказал, вас тянет к «Невесте», будто кто-то где-то произнес сильное слово...

Тут пересмешник вздрогнул во второй раз, причем вовсе не от сладких воспоминаний. Первое время он размышлял о том, какие именно слова, произнесенные принцессой, были сильными, но всякий раз эти размышления пробуждали в его душе тьму. Он приучился гнать их прочь.

Скоро он выполнит задание Ризель и избавится от... слов.

Ведь дело в словах, не так ли?

– Налей еще, – попросил рыжеволосый матрос, блаженно улыбаясь.

Ну конечно, в словах. Не будь Ризель цаплей, Хаген ни за что не отправился бы на поиски одного из самых опасных людей в целом мире. Ведь он, что бы там ни говорили, настоящий пересмешник, а не какая-нибудь полоумная кукушка.

– Так-так-так, – негромко сказал Крейн, оглядывая собравшихся. – Когда мне в следующий раз понадобится отлучиться на берег, вы тут друг друга поубиваете?

Хаген нахмурился. Возможно, феникс прожил среди людей слишком много лет и позабыл, что означают некоторые слова. С другой стороны, как он мог об этом забыть? Ведь разноцветные глаза для обычного человека – всего лишь забавная шутка природы, а для магуса – такая же странность, как белые волосы Хагена и Ризель.

Капитан одарил пересмешника долгим взглядом, словно прочитав его мысли.

– Бэр, проводи Умберто вниз. – «Вниз» – в брюхо фрегата, где провинившемуся моряку предстояло провести какое-то время. Хаген там уже побывал, и воспоминания о недолгом добровольном заключении были еще свежи в его памяти: сырость, холод, неприятное зеленоватое свечение стен, шебаршение маленьких лодок по углам... – Со вторым, хм, дебоширом я разберусь сам.

– Не надо меня вести, – рявкнул Умберто. – Я знаю дорогу.

Он уставился на Крейна с необыкновенной злостью, которую ощутил бы и слепой; феникс помрачнел, но ничего не сказал – по крайней мере вслух. Они вдруг сделались похожими на две грозовые тучи. Хаген невольно взглянул на Джа-Джинни, а потом – на Эсме. Крылан выглядел бесстрастным. Целительница с трудом сдерживалась, чтобы не... вступить за Умберто? Не дать Крейну убить его? Понимала ли она, что происходит, или просто действовала сообразно своим целительским инстинктам? Хаген понял, что запутался окончательно и бесповоротно.

Умберто исчез в трюме. Крейн закрыл глаза и тяжело вздохнул. Он выглядел, как теперь понял Хаген, расстроенным – и явно не из-за глупой драки. Вероятно, беседа с Лайрой Арлини привела совсем не к тому результату, какой требовался капитану «Невесты ветра».

– Джа-Джинни, Эсме, – проговорил Крейн будничным тоном, словно не случилось ровным счетом ничего особенного. – Жду вас у себя. Хаген... ты тоже зайди.

– Дело дрянь, – проговорил человек-птица, когда магус скрылся из вида. Пересмешник, от неожиданности потерявший дар речи, взглянул на крылана с надеждой на объяснение. Тот явно был встревожен. – Ой, дрянь... Лайра продержал его всю ночь, и, похоже, не зря. Помимо того, что нам придется поработать на короля Окраины, капитан еще и отыграется на нас за то, что ему пришлось уступить.

– И зачем ему я?.. – растерянно спросил Хаген.

– Ты-то? – переспросил Джа-Джинни с ехидцей. – Не знаю. Может, он как раз на тебе и хочет сорвать зло.

В каюте Крейна пересмешнику не приходилось бывать ни разу, и он, едва переступив порог, с любопытством завертел головой, разглядывая обстановку – сундуки, книжные полки, ворох карт и какие-то журналы на большом столе. Ничего необычного. Джа-Джинни сложил крылья, отступил в дальний угол и скрестил руки на груди, а Эсме остановилась, сделав всего два шага. Пересмешник замер у самого порога, усилием воли сосредоточившись на происходящем.

Крейн, поджидавший их у окна, опять вздохнул и сказал:

– Да проходите вы ближе, что встали. Я зол, но не до такой степени, чтобы навредить кому-то из своих.

Джа-Джинни, хмыкнув, подошел к столу, когтистой лапой царапнул пол, придвигая трехногий табурет поближе к целительнице. Потом сел сам – чуть поодаль, распахнув крылья и по привычке заняв столько места, что хватило бы на троих. Хаген, поразмыслив, решил к столу все-таки не подходить и сел на крышку какого-то сундука.

Этим утром судьба определенно вела его все более и более причудливым курсом.

– Итак, – провозгласил человек-птица, – мы слушаем тебя, капитан. Такое ощущение, что всю прошлую ночь ты беседовал не с Лайрой Арлини, а со Звездочетом или с кем-то похлеще. Что произошло? Неужели в коллекции нашего собирателя карт не нашлось ничего подходящего?

Крейн почему-то медлил с ответом, и Эсме нарушила молчание:

– Может, Лайра запросил слишком высокую цену?

Магус и крылан переглянулись, рассмеялись, и охватившее их напряжение, от которого как будто звенел сам воздух, исчезло. Пересмешник же, напротив, ощутил растущую злость. Он в этой компании лишний; он на «Невесте ветра» простой матрос, да еще и проникший на борт обманом; так что же он делает в капитанской каюте?

Его душевное волнение от капитана не ускользнуло.

– Полагаю, ты хочешь меня о чем-то спросить? – проговорил феникс, вскинув бровь.

– Да, – ответил Хаген и тут же понял, что короткое слово прозвучало как-то слишком уж дерзко. Но отступить было поздно. – Я хочу спросить, капитан, не разумнее ли... э-э... сначала

разобраться с дебоширом, а потом обсуждать секреты, не предназначенные для посторонних ушей? Может, я неверно вас понял, и мне следует зайти позже?

Пересмешник встал, будто готовясь уйти. Феникс покачал головой.

– Сядь, – сказал он беззлобно. – Я тебя не отпускал.

– Тогда скажите, зачем я здесь.

Крейн и Джа-Джинни переглянулись; по губам Эсме скользнула легкая усмешка. Так ведут себя взрослые, когда подросток пытается объяснить им свою правоту и вот-вот запутается в собственных аргументах.

«Что я творю? – по-настоящему ужаснулся Хаген. – Что со мной происходит?..»

Крейн произнес вполголоса, словно обращаясь к самому себе:

– Три тысячи кракенов, он мне больше нравился в облике Грейди. Сидел смирно, не говорил лишнего, а о драках даже не думал. В тихой заводи мерры водятся... – В разноцветных глазах полыхнули красные искорки. – Кто сказал, что я не накажу тебя за нарушение дисциплины? Накажу. Позже.

У пересмешника вдруг подкосились ноги, и он рухнул обратно на свой сундук.

– Магус-оборотень в качестве простого матроса – немыслимое расточительство, – продолжил Крейн. – Я решил, что твои таланты могут пригодиться, и поэтому намерен посвятить тебя в наши планы. Возражения есть?

Эсме и Джа-Джинни переглянулись и покачали головами.

«Интересно, – подумал Хаген, чувствуя ледяной холод внутри, – они хоть догадываются, что капитан имеет в виду не только мою способность менять лица?..»

Вряд ли.

– Ты знаешь, что мы ищем? – спросил феникс.

Пересмешник, конечно, знал. За время, проведенное на борту «Невесты ветра» в облике Грейди, он узнал гораздо больше, чем намеревался. Сказывались теснота и привычка доверять друг другу – теперь-то он понимал, что Крейн все время следил за матросом-самозванцем и не вмешивался, поскольку не считал его серьезной угрозой, – и благодаря им Хаген сложил из обрывков разговоров мозаику, которая получилась верной, хотя и с многочисленными пустотами.

Он знал, как и почему в команду приняли Эсме.

Он знал, при каких обстоятельствах Крейну достался обрывок старинной карты.

Он знал, какое немыслимое сокровище ждет их в конце пути.

– Мы ищем древний механизм, который укажет дорогу к «Утренней звезде», небесному кораблю наших предков, – сказал пересмешник. – Тому самому кораблю, который, если верить легендам, сгорел дотла три тысячи лет назад. Первую часть этого небесного компаса получила Эсме, и теперь очередь за второй. Возникли... проблемы?

Кристобаль Крейн невесело усмехнулся:

– И еще какие. Остров Зеленого великана мы нашли без труда, а вот тот безымянный клочок земли, где спрятана вторая часть, никак не обозначен на карте, и сам я не смог определить, где находится это место. Оно где-то очень далеко от тех краев, где бывали мы с ~Невестой~; чтобы его найти, требуется помощь картографа. Помощники Лайры Арлини искали похожую карту в его коллекции всю ночь.

Он замолчал, и Джа-Джинни, нетерпеливо кашлянув, поинтересовался:

– Не нашли?

– Отчего же, нашли... – ответил магус. – Но нужно плохо знать Лайру, чтобы решить, будто он отдаст нечто ценное, не заломив несусветную цену.

– Не тяни! – взмолился крылан, страдальчески морщась. – Что ты ему дал? Или пообещал? Я же вижу – ты согласился.

Крейн рассмеялся, а потом заговорил, довольно похоже подражая интонациям короля Окраины:

– Ах, друг мой, ну что за времена настали! Только-только мы отбились от черных кораблей, как появилась новая напасть: два моих фрегата попросту исчезли, словно их утащил к крабам сам Великий Шторм. В океане бывает всякое, но один из кораблей пропал у меня на глазах. Ночью мы возвращались домой, как вдруг раздался громкий всплеск, и лишь кто-то из вахтенных успел закричать... Все. Было два фрегата, остался один.

Хаген, Джа-Джинни и Эсме посмотрели друг на друга; всем троим, конечно, пришла в голову одна и та же мысль. Так быстро и почти бесшумно утратить под воду большой фрегат не могло ни одно из известных чудовищ, но им-то как раз пришлось столкнуться с доселе неизвестным, безымянным. Этой твари – глубинному ужасу – было по силам и большее. Выходит, феникс только ранил, но не убил его... Или, что намного вероятнее и намного хуже, глубинных ужасов на самом деле больше одного.

– И так далее, и тому подобное, – продолжал между тем Крейн, уже своим обычным голосом. – Он замучил меня рассказами о нелегкой жизни на Окраине, а потом заявил: «Я отдам тебе нужную карту, но сначала послужи».

– Послужи? – Джа-Джинни подался вперед, скрипнув когтями по столешнице. – Как долго?

– Вот это самое интересное, – с усмешкой ответил Крейн. – К утру мы сошлись на трех желаниях.

– Что?.. – растерянно переспросил крылан.

Пересмешник от удивления застыл с открытым ртом; Эсме вскинула брови.

– На трех желаниях, – повторил Крейн, и Хаген понял, что спокойствие дается фениксу нелегко. – Ну, поручениях. Называйте, как хотите. Начиная с этого утра ~Невеста ветра~ и лично я должны быть все время у Лайры под рукой. Прямо сейчас, наверное, он сочиняет первое задание.

– Сдается мне, решение неудачное, – негромко проговорила целительница, глядя куда-то поверх головы капитана. Хаген вдруг подумал, что она нечасто смотрит Крейну в лицо – по крайней мере при свидетелях. – Лайра может долго тянуть, и мы застрянем в Кааме. Кто знает, как поведет себя Звездочет?

– Это не в характере Лайры, – возразил феникс. – Думаю, самое большее дней через десять нам придется взяться за какое-нибудь дельце для дражайшего кракен-его-побери величества, а пока можно и побездельничать. Полагаю, команде это понравится – все хотят отдохнуть после... путешествия на юг.

Команде понравится, понял Хаген, но вот капитану – нисколько. Хотя Крейн и выглядел уставшим, хотя обратная дорога через море, полное чудовищ, измотала его так, что простой человек давно бы с ума сошел от напряжения, магус был готов пуститься в путь прямо сейчас, окажись карта у него в руках. Пересмешник взглянул на Джа-Джинни и прочитал на его лице похожие чувства: еще неизвестно, что за поручения придумает для них Лайра, но пока что упорство короля Окраины было на руку более осторожным членам команды, а Крейну оставалось лишь прятать досаду.

– Я знал, что ни на одном из Десяти тысяч островов нет человека, который бы тебя переупрямил, – сказал крылан, словно продолжая мысль Хагена, – за исключением его величества. Кстати, он был рад тебя видеть?

– Необычайно! – ответил магус и ухмыльнулся. – А уж как его обрадовал мой рассказ о сиренах! Как выяснилось, Камэ сейчас нет в городе. Какая досада.

Джа-Джинни буркнул себе под нос:

– Скорее, какая удача...

Камэ-Паучок, сестра Лайры Отчаянного. Хаген вспомнил высокую темноволосую женщину: она была красива, но он ее побаивался, и вовсе не из-за своего шаткого положения на борту «Невесты ветра». Камэ чем-то напоминала пересмешнику смазанный ядом стилет.

– Да, чуть не забыл! – Крейн натянуто улыбнулся. – Лайра теперь знает о карте, компасе и «Утренней звезде» все, так что на любые его вопросы можно отвечать правдиво, без боязни.

– Все-таки вытянул подробности... – сварливо заметил Джа-Джинни. – И что он сказал о нашей затее?

– Назвал ее авантюрой для тех, кого Великий Шторм лишил разума еще при рождении. И тут же добавил, что обязательно бы к нам присоединился, только вот мешают черные корабли и прочие неприятности.

Шутка сняла напряжение, и разговор закончился на веселой ноте. Эсме ушла первой, сообщив, что хочет полюбоваться на знаменитые мосты Каамы, раз уж делать больше нечего; потом Джа-Джинни вспомнил, что и ему есть чем заняться в городе. Хаген сам не заметил, как они с капитаном остались наедине.

Крейн тотчас же посерьезнел.

– После того что случилось прошлым вечером, я собирался тебя поблагодарить, – сказал он ледяным голосом. – Видишь ли, время от времени мои приказы не действуют без грубой силы, а применять ее... опасно. Это может закончиться разрывом связи между кораблем и членом команды, проявившим неповиновение. Я хотел избежать риска, и ты мне помог. А потом все испортил, ввязавшись в драку из-за ерунды.

– Это была не ерунда. – Хаген вновь ощутил себя упрямым подростком, словно некая сила разжигала в нем дерзость и наглость, которые он так долго – годами! – подавлял. – Умберто меня оскорбил, и кому, как не вам, капитан, знать...

– Знать что? – перебил Крейн. – Знать, в чем заключается ценность слов? О, поверь мне, в этом я разбираюсь весьма неплохо. По крайней мере, лучше тебя. – Он встал, прошелся из угла в угол. – Сколько тебе лет, Хаген?

– Прошлым летом исполнилось тридцать, – ответил пересмешник.

Он не считал себя слишком уж молодым. Многие, очень многие магусы на протяжении десятилетий позволяли себе излишества и сумасбродные поступки, не боясь зря растратить драгоценное время, но Хаген был не из их числа. Жизнь заставила его взяться за ум давным-давно, как если бы юность не длилась вечно, а грозила вот-вот закончиться.

И все же...

– Ты родился в год Лирийского мятежа, – сказал Крейн. – В год, когда я взял в команду Эрлана. А незадолго до того пала Совиная цитадель. Я вел скромную жизнь; мы с ~Невестой~ и очень маленькой компанией друзей возили грузы, разные грузы. Но из-за того, что случилось с кланом Совы, люди вспомнили и про клан Фейра. Правда и вымысел успели смешаться, и каких только глупостей о своей семье я не наслушался тем летом...

Он пытливо взглянул на Хагена:

– Тебе не кажется, что если бы я бросался в драку всякий раз, когда какой-нибудь подвыпивший моряк в захудалой таверне рассказывал собутыльникам что-нибудь этакое про «изменника Фейру», то капитан-император сейчас выслеживал бы не пирата Кристобаля Крейна, а Кристобаля Фейру? Точнее, не выслеживал бы – потому что я был бы уже давным-давно мертв?

– Есть просто слова, – упрямо проговорил Хаген, опустив глаза, – а есть... особые слова.

– *Сильные?* – насмешливо уточнил феникс, и пересмешник стиснул зубы. Выходит, капитан «Невесты ветра» кое-что выудил из его разума, из его памяти... или просто догадался. – Тебя и впрямь стоило бы отправить в брюхо вместе с Умберто. В следующий раз так и сделаю, но все-таки надеюсь, что ты повзрослеешь. Пора бы уже. Ладно, если вопросов нет – свободен.

– Вообще-то... – начал Хаген и прикусил язык – по-настоящему, до боли, чтобы не дать сразу двум вопросам вырваться на свободу.

«Сколько портовых таверн пострадали от пожаров тридцать лет назад?
От внезапных пожаров, у которых не было особых причин?..»

– Да? – резко спросил Крейн, приподняв бровь. Пересмешник покачал головой, и капитан «Невесты ветра» повторил: – Свободен.

На этот раз его голос звучал сухо, резко и в какой-то степени знакомо.

– Свободен. Уходи, убирайся прочь, видеть тебя не желаю.

Хаген не двинулся с места, продолжая изучать замысловатый узор на потертом ковре. Он уже и забыл, сколько раз повторялась эта сцена: красивая женщина с жестоким властным лицом смотрит на него так, словно желает испепелить взглядом; он переминается с ноги на ногу, трогает свежий синяк под глазом и кончиком языка проверяет, все ли зубы на месте.

Пока что все – даже странно, после стольких драк...

– Ну что ты стоишь? Разве не слышал, что я приказала тебе уйти? – проговорила Хеллери Локк.

Госпожа Старшая-над-пересмешниками тяжело вздохнула, ее правая рука машинально потянулась к серебряному медальону на груди, а потом опустилась, не коснувшись его. Этот древний символ власти Хеллери Локк двадцать лет назад отдала своему сыну и ушла на покой. Но долго отдыхать не пришлось: однажды она получила драгоценный медальон назад из рук гонца, который тотчас же упал замертво. Вся тяжесть заботы о большой семье вновь легла на хрупкие плечи пересмешницы, которая недавно разменяла третий век.

– Как же я устала... – прошептала она чуть слышно, кутаясь в теплое одеяло.

Старая, леди Локк не дурнела, но ее все чаще охватывал леденящий душу холод. Неправильно, все неправильно. Почему Безлика не уберегла ее сына? Почему от некогда могущественной семьи остались жалкие ошметки? Почему внук, который должен был стать наследником Гэри, только и делает, что шляется по закоулкам и подвергает себя опасности?..

– Раз уж от меня так много хлопот, – сказал Хаген, – может, лучше я уйду совсем?

Хеллери вздрогнула.

– Ты слишком... – Она едва не сказала «слишком мал», но вовремя спохватилась. Бросить такие слова в лицо четырнадцатилетнему подростку – верный способ в ответ на любую просьбу услышать отказ, а в ответ на угрозу – насмешку. – Ты слишком рано об этом заговорил. Мы должны быть вместе, сейчас не время расставаться... Аматейн только и ждет, когда мы расплоземся по углам...

Хагена с головой захлестнула волна ярости. С некоторых пор обычные выволочки, которые он то и дело получал от бабушки, превратились в душеспасительные беседы о судьбе клана, о непрекращающейся битве с капитаном-императором – битве, проигранной еще до начала.

– Считаешь, рано? – хрипло спросил он. – А мне кажется, что поздно. Поздно дергаться.

От его неожиданной наглости Хеллери потеряла дар речи, и Хаген продолжил:

– Мы только убегаем да прячемся – притворяемся обычными людьми, переезжаем с места на место, – но капитан-император все время нас находит! Тебе это ничего не напоминает, бабушка? Так кот играет с мышкой, загнав ее в угол, – развлекается, пока сыт. А мышь-то вообразила, что сумеет скрыться... Он играет с нами, но рано или поздно ему это наскучит, и пересмешников постигнет та же судьба, что и сов, буревестников, фениксов...

– О чем ты? – потрясенно проговорила Хеллери. – Что с тобой произошло?

– Я устал молчать! – крикнул Хаген так громко, как никогда раньше не кричал. Какая-то часть его души пришла в ужас от происходящего, но он не мог остановиться. – Мне не пять лет, хватит! Я взрослый! И если мое слово хоть что-то значит, то я говорю: мы должны бороться, а не отсиживаться в норах! Или так, или я уйду из семьи, уйду навсегда!

– Значит, ты борешься? – На губах Хеллери появилась горькая улыбка. Старшая-над-пересмешниками быстро пришла в себя; внук и впрямь показался ей взрослее – выше ростом,

шире в плечах, – но вовсе не умнее. – Разбивая носы мальчишкам на рыночной площади? Взрываясь, словно звездный огонь, в ответ на любое неосторожное слово? Рискуя повредить лицо и остаться изуродованным на всю жизнь?

Хаген молчал, не сводя с бабушки пылающих гневом глаз.

– Политика, мой мальчик, это все политика... – проговорила Хеллери. – Тебе четырнадцать, а я прожила на свете не один век и понимаю в этом куда больше твоего. Ты любишь драться; так вообрази же, что твоим противником стал человек в два раза крупней, да к тому же с ног до головы закованный в броню. Может, он выглядит неповоротливым и глупым, но ему надо лишь набраться терпения и подождать, пока ты утратишь бдительность, – ведь твои кулаки не причиняют ему вреда. Если проявить нетерпение, исход битвы будет предreshен... – Она осеклась. – Ты не слушаешь меня.

Упреки внука вовсе не оставили Старшую-над-пересмешниками равнодушной; она поняла, что настал тот самый момент – страшный момент, грозный момент, – когда с Хагеном следовало поговорить о многих очень важных вещах.

«А вдруг он и впрямь сумеет что-то сделать? Такой юный, такой пылкий, не чета всем остальным, – подумала пересмешница, и холод с новой силой принялся глотать ее старые кости. – Возможно. И все-таки не сейчас, не сейчас...»

Хеллери подвела привычка начинать издали.

– Я все понял! – выкрикнул Хаген. – Тебе не нравится, что я дерусь с простолюдинами! Это оскорбляет тебя! Но ведь ни ты, ни другие не научили меня сражаться, как положено пересмешнику! Аматейн, должно быть, играет с нами, потому что знает наверняка – никто из клана Локк не даст ему отпор!

Те, кто притаились за дверью, услышали глухой удар – опрокинулось кресло, в котором сидела Хеллери, – и звон пощечины, а потом Хаген выскочил прочь из комнаты бабушки и умчался прочь, как ураган.

Той же ночью он ушел из дома, и Хеллери велела его не искать.

– Эй, если не берешь, положи на место! – потребовал молоденький продавец.

Грубовато, но справедливо – вышитый золотом пояс определенно был Хагену не по карману, как и все остальные товары в лавке. Бросив на продавца мрачный взгляд, пересмешник вышел на улицу и осмотрелся.

Каама жила бурно, захлеб; здесь совершенно чужих людей, остановившихся на мосту, чтобы поговорить о погоде, можно было принять за хороших знакомых, а закадычных друзей, слишком бурно обсуждающих какой-нибудь пустяк, – за злейших врагов. В городе-на-воде ни одно объяснение в любви не обходилось без цветов, причем охапками; а уж если супруги ссорились, то их слышал весь квартал. Здешние длинные лодки и вовсе казались Хагену существами иной природы, нежели «Невеста ветра» и прочие фрегаты: взять хотя бы их манеру по-змеиному изгибать корпус на крутых поворотах! Хотя пересмешник и понимал, что по-другому им не разминуться в узком канале, чьи берега надежно закованы в гранит, желание прокатиться у него пропало очень быстро. Зато он немало времени провел на центральной площади, где строили большой храм Эльги, – там, к его удивлению, обнаружились и самые настоящие эльгиниты в потрепанных одеяниях, подпоясанных веревками, – потом кормил голубей у фонтана Морских дев. Девы – наполовину девушки, наполовину рыбы – улыбались лукаво, прячась за вуалями из водяных брызг; в плеске воды слышался время от времени чей-то серебристый смех. Хаген смотрел на них и думал, что триста лет назад существо, у которого лишь половина тела была человеческой, ни за что не сочли бы красивым и уж точно не поместили бы его мраморное изображение в самом сердце города.

Из любопытства пересмешник прошелся по торговым рядам, прицениваясь к тканям и украшениям, и с изумлением обнаружил, что цены в Каама едва ли уступают столичным, как и

выбор. Да, Лайра Арлини воистину волшебник: еще лет десять назад город-на-воде был глухим захолустьем, куда стремились попасть разве что книжные черви из Ниэмарского университета или Лазурной академии – в научных целях, разумеется. До Лайры, если верить слухам, здесь и народу жило вполовину меньше, чем сейчас, а дома ветшали и разваливались. Теперь все изменилось к лучшему – кроме, разумеется, цен.

Мимо проплыла лодка, украшенная цветами и лентами. На корме сидели двое – юная девушка и парень с гитарой. Такие парочки попадались на глаза Хагену и раньше, но отчего-то именно теперь он засмотрелся на влюбленных и затосковал. Их лица, такие красивые и лучащиеся нежностью друг к другу, их трепетные взгляды – все это напомнило пересмешнику о том, что он предпочел бы навсегда похоронить на дне океана, куда и Меррская мать не донырнет.

Порыв ветра обрывает лепестки цветущей вишни.

Морская лазурь темнеет, на горизонте угасает медово-алое сияние.

«Ты ведь узнаешь меня? Что бы ни случилось, ты меня узнаешь? Пообещай!»

Хаген сокрушенно вздохнул, покачал головой, шагнул вперед и едва не столкнулся в канал маленькую девочку, невесть как оказавшуюся совсем рядом.

– Эй... – Магус присел на корточки, не сводя глаз с ребенка. – Ты откуда взялась?

Девочка, ничуть не испугавшись, взглянула на него с любопытством. Лет пяти-шести; чумазая и оборванная, но очень симпатичная, словно дорогая кукла, которую жестокие в своей беспечности дети не выпускали из рук неделю-другую. Синие глаза в пол-лица, обрамленные густыми и длинными ресницами, пухлые щеки – на правой большая родинка – и смешной вздернутый нос...

Он ее уже видел.

Ощущение было странным. С одной стороны, магус повидал за свою жизнь великое множество лиц, и не стоило удивляться, если незнакомка кого-то ему напоминала. Но в то же время он испытал необыкновенную, немыслимо сильную уверенность в том, что они с этой малышкой хорошо знакомы, почти лучшие друзья, и если существует в целом мире кто-то, способный его по-настоящему понять и пожалеть, то лишь она, только она.

«Это еще что?!»

Хаген тряхнул головой, прогоняя наваждение. Кто-то на мгновение подменил его мир... или не на мгновение? Улица опустела, и вода в канале превратилась в безупречно гладкое черное зеркало, в котором отражались странные созвездия. Может, в Кааме тоже живут сирены, и сейчас одна из них поет? Пересмешник растерянно уставился на девочку. А она заливисто рассмеялась и, отбежав на несколько шагов, остановилась. Оглянулась, улыбнулась по-взрослому – этаким котенок с ядовитыми коготками.

Отчетливо понимая, что происходит нечто весьма странное, Хаген пошел за ней. Всякий раз при его приближении девочка оказывалась шагов на десять-пятнадцать впереди, и от ее смеха среди пустынных улиц просыпалось эхо. Мелькавшая то справа, то слева вода была холодна и мертва. А если он чего-то и страшился, то лишь воды – там, в глубине, таилось существо с тысячей рук и тысячей глаз, и в целом мире остались считанные убежища, где можно было от него скрыться.

Здесь, пересмешник не сомневался, ему не угрожала никакая опасность.

То ли погоня, то ли игра продлилась довольно долго, но в конце концов Хаген оказался на той же площади с фонтаном. Фонтан не работал, и лица у каменных дев сделались какими-то... расстроенными? Сердитыми? Конечно, они такими были всегда, просто из-за неутоимых водяных струй он не смог их как следует разглядеть.

Неподалеку кормила голубей невысокая полноватая женщина лет пятидесяти. Птицы шумно копошились у ее ног, выискивая крошки между каменными плитами; все это напоминало неприятно колышущийся живой ковер. Фартук незнакомки был перепачкан в муке, а на

сгибе локтя висела корзиночка с булками. Хаген не видел вокруг ни единой души и не слышал других звуков, кроме шуршания и курлыканья птиц.

– Красивые, правда? – спросила женщина, бросив на Хагена короткий быстрый взгляд. Ее улыбка была теплой, сердечной, но в происходящем по-прежнему ощущалось что-то очень неправильное.

Пересмешник нахмурился. О ком она говорит, о голубях?

И где девочка?..

– Этих каменных дур в Кааме очень любят, – продолжила незнакомка беззлобно, и он понял: нет, речь не о птицах, а о фонтане. О морских девах. – Подумать только, прошло всего-то несколько веков, но люди не просто перестали бояться тех, кто живет в морской пучине, – они даже забыли, что когда-то боялись! Этого, однако, им показалось мало. Они теперь считают подобных существ красивыми... Возможно, дело в том, что девы выше пояса и впрямь ничего. – Она многозначительно усмехнулась. Сказанное в точности соответствовало мыслям, которые пришли в голову Хагена, когда он смотрел на морских дев всего-то несколько часов назад; теперь он молчал, не сводя растерянного взгляда со странной женщины. – Но, поверь мне, даже самая хрупкая из них в один миг ломает тебе шею своими тонкими изящными ручками. Ох, люди, почему вас все время приходится от кого-то оберегать... в первую очередь от самих себя?

Хаген закрыл глаза и сжал кулаки. Это сон. Это бред. Это какое-то наваждение...

– Я знаю почему, – продолжила незнакомка, явно намереваясь ответить на свой собственный вопрос. – По двум причинам. Во-первых, вы вечно что-то ищете. Во-вторых, большую часть времени понятия не имеете, что именно. – Она рассмеялась – в точности таким же смехом, как девочка, которую пересмешник повстречал у моста. – В этих бесконечных поисках хорошо лишь одно: они подпитываются любопытством, а любопытство – ими, такая вот взаимосвязь. Важность любопытства неоспорима – оно ценится столь же высоко, как и любовь с ненавистью. Ты ведь об этом знаешь, да?

Пересмешник кивнул. Он и впрямь знал – в далеком детстве одна из тетюшек рассказывала ему сказку, в которой утверждалось, будто только три чувства способны уберечь человека от превращения в мерра.

Любовь, ненависть и любопытство.

– Хороший мальчик. – Женщина приблизилась. От нее пахло, против ожиданий, не сдобой, не корицей, а пылью... мхом... тайными уголками среди камней, куда много лет – десятилетий? веков? – не ступала нога человека. – Добрый мальчик. Ты просто запутался и сам не знаешь, чего тебе хочется. Ты вообразил, будто связан узами, – и они действительно существуют, но совсем не те, о которых ты думаешь. Почему ты здесь?

– Я... – Голос едва не подвел пересмешника. – Я прибыл сюда вместе с капитаном Кристобалем Крейном.

Она понимающе усмехнулась:

– О, Кристоаль. Знаю, знаю этого притворщика. Помяни мое слово, когда он снимет все свои маски, мир изменится до неузнаваемости... Однако сейчас речь не о нем, а о тебе. Итак, ты *прибыл* сюда с Крейном. Но почему ты здесь *оказался*?

Хаген не видел разницы – слова не были его сильной стороной, и по ряду причин он их побаивался. Пожав плечами, он ответил первое, что пришло в голову:

– Вероятно, так было угодно богам.

Женщина снова рассмеялась и, не успев Хаген моргнуть, очутилась совсем рядом, так что ее лицо надвинулось и заполнило все поле зрения без остатка. Родинка на правой щеке... он ее где-то видел, только вот где?.. и бездонные, бескрайние синие глаза, в которых он утонул, успев лишь разок вдохнуть полной грудью.

ВСЕ ПРОСТО, ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО.

У КААМЫ ТЫСЯЧА ЛИЦ.
МОЖЕТ БЫТЬ, ОДНО ИЗ НИХ – ТВОЕ?

Открыв глаза, он увидел перед собой Джа-Джинни. Крылан стоял, скрестив руки на груди, сосредоточенно глядел на пересмешника своими нечеловеческими бирюзовыми глазами и явно чего-то ждал.

– Что произошло? – пробормотал Хаген.

У него болела голова. У него болело все тело. Он как будто обежал всю Кааму, не пропустив ни единой улицы и ни разу не остановившись передохнуть. Заступница, да что же с ним случилось?..

– Ты *меня* об этом спрашиваешь? – уточнил крылан, вскинув бровь.

– Ну да... – Пересмешник огляделся. Он был на той самой площади с фонтаном, и морские девы опять спрятались под вуалью из водяных струй. Одна как будто лукаво подмигивала. – Они-то мне точно ничего не скажут.

– Как и я, друг мой, как и я, – проговорил Джа-Джинни, качая головой. – Видишь ли, я четверть часа стоял рядом с тобой и не мог понять, почему наш славный пересмешник вдруг превратился в каменного истукана. «Что же произошло?» – спрашивал я сам себя. Ты опередил меня с этим вопросом, задав его вслух. Может, сам отыщешь ответ? Капитану он будет весьма интересен – по его словам, твоя связующая нить как-то странно истончилась, и мы забеспокоились. Мало того что ты где-то бродил весь день...

Он что-то еще говорил, но Хаген уже не слушал. *Весь день*. Он лишь теперь понял, что солнце село, хотя горизонт все еще алеет и вечерние сумерки лишь начали свое наступление на город. Кругом было полным-полно празднующихся, но ни «булочницу», ни девочку он не увидел. Как же такое могло случиться? Он ведь совсем недолго разговаривал с незнакомкой. Точнее, говорила она, а Хаген слушал.

И... быть может, он запомнил ее речи не полностью?

– Что ты тут делаешь? – спросил крылан, отчаявшись дожидаться ответа.

– Кормил голубей, – брякнул пересмешник, и лицо человека-птицы мгновенно помрачнело. Он, похоже, был уверен – и вполне справедливо, – что Хаген скрывает нечто важное.

– Ладно, – сказал Джа-Джинни деловым тоном. – Кристоаль послал меня, поскольку ты не ответил на его мысленный приказ. Ты ему нужен. Отправляйся немедленно к дому Лайры Арлини, тебя там ждут. – Крылан прищурился и вдруг рявкнул: – А ну пошел!

Не успел Хаген возразить, что не знает, где живет Лайра Арлини, как ноги сами понесли его вперед. «Невеста ветра» вложила в его голову карту, на которой сама выглядела ярко-зеленым огоньком, излучавшим тепло и доброжелательность. Другой огонек – красный – лучился раздражением, и свет его был весьма колюч. Это капитан, понял пересмешник. Это *сердитый* капитан, столкнувшийся с немыслимой для навигатора вещью – неповиновением.

– Мы, безусловно, разберемся в случившемся. А теперь поспеши, ты опаздываешь на ужин к *королю*!~

И Хаген поспешил. Как назло, дом Арлини оказался в западной части Каамы, очень далеко от площади с фонтаном. Когда пересмешник, еле дыша, туда добрался, уже совсем стемнело, и поначалу ему показалось, что «Невеста ветра» жестоко пошутила или что-то напутала.

Это был и в самом деле *дом* – совершенно обычный, не очень-то большой, в два этажа. Серый камень, разноцветные квадраты оконных стекол, замысловатые барельефы – все, конечно, свидетельствовало о достатке хозяина особняка, но разве мог в таком жилище обитать король, пусть даже сам придумавший себе королевство?

– Час от часу не легче, – пробормотал Хаген себе под нос. – Как же его до сих пор не убили? В жизни не поверю, что сюда не сумела пробраться ни одна цепная акула.

Был в этой кажущейся беззащитности какой-то подвох, и пересмешник подошел к массивным двустворчатым дверям очень осторожно, словно боялся спугнуть чуткого зверя или разбудить ненароком задремавшего стражника.

«Слуг мы тоже не держим, ваше величество? Любопытно...»

Ничего не произошло, но внутренний голос завопил: «Опасность!»

Хаген, привыкший доверять чувствам, мгновенно отпрыгнул назад – и лишь потом догадался взглянуть вверх.

Над дверью, по обычаю здешних мест украшенной затейливыми узорами, расположилась парочка весьма странных охранников: это были здоровенные механические пауки, или мехи, как их предпочитали называть при дворе капитана-императора. Плоские тела тварей блестели, красные глазки злобно светились, а суставчатые лапы впивались в камень, на котором виднелась сеть белесых царапин. Было принято считать мехов неразумными и безобидными, но однажды лорд Рейго в присутствии своего слуги обмолвился, что эти создания изначально предназначены для убийства.

«Впрочем, лишь одна тварь из сотни худо-бедно подчиняется приказам, – сказал он. – А все остальное – так, бесполезный и безмозглый мусор, по недоразумению способный передвигаться. Хотя, стоит признать, бегают они так же быстро, как тысячи лет назад».

Еще Хагену удалось выяснить, что никто не знает точного числа мехов, обитающих в Облачной цитадели, и это открытие его весьма встревожило. Оставалось лишь удивляться, каким образом Лайра сумел приручить механических часовых – они-то явно не относились к разряду «безмозглого мусора».

Дверь скрипнула, и в открывшейся щели показалось бледное лицо слуги – жилистого и крепкого, как столетняя сосна, старика. «Моряк? – подумал Хаген. – Должно быть, из прежней команды Лайры». Окинув беглым взглядом сухощавую фигуру незнакомца, пересмешник отметил про себя любопытную деталь: на шее у того виднелся давний шрам – ожог причудливой формы. Хагену уже приходилось встречать такие отметины.

«Бывший каторжник, надо же...»

– Прошу, – почтительно сказал слуга. – Вас ждут.

Магус последовал за своим провожатым. Они прошли через несколько полутемных комнат так быстро, что пересмешник ничего не успел рассмотреть, и оказались во внутреннем дворе, напоминавшем настоящий сад, только маленький. Хаген уже знал, что во многих здешних домах есть такие убежища от полуденной жары.

Поздним вечером здесь было тоже неплохо, тихо и прохладно. Посреди двора стоял накрытый стол, за которым сидели четверо – сам Лайра Арлини и его почетные гости: капитан Крейн, Эсме и Джа-Джинни, который сумел добраться сюда куда быстрее Хагена. Лайра с любопытством уставился на пересмешника, и тот не отвел взгляда, воспользовавшись шансом как следует рассмотреть человека, который причинял капитану-императору не меньше неприятностей, чем Кристобаль Крейн.

Арлини, если верить слухам, родился за год до падения клана Фейра – значит, ему скоро должно было исполниться пятьдесят, но выглядел он моложе своего истинного возраста. Жесткие русые волосы, выгоревшие на солнце, падали на лицо; серые глаза смотрели из-под неровной челки – пристально, с хитроватым прищуром. Когда Лайра махнул правой рукой, подавая знак слуге, стало заметно, что два пальца на ней обрублены, а по тыльной стороне ладони тянется уродливый шрам. Хаген вспомнил сцену, свидетелем которой стал в первый день на борту «Невесты ветра», едва выбравшись из трюма: Арлини целует руку Эсме, а потом золотое сияние на миг охватывает их обоих.

– Явился! – Кристобаль Крейн нервно барабанил пальцами по столу. – Наконец-то!

– Кристобаль, не надо! – перебил Лайра, добродушно усмехаясь. – Опоздал, с кем не бывает. В Кааме и не такое случается.

Крейн ничего не сказал, но одарил Хагена многозначительным взглядом. «Мы, условно, разберемся в случившемся...» – «У Каамы тысяча лиц...» Пересмешник незаметно сжал кулаки. Что ж, ему не впервой выпутываться из странных ситуаций и решать невыполнимые задачи.

И разобраться в самом деле не помешает.

– Прощу! – сказал Лайра, продолжая посмеиваться. Король Окраины был в превосходном настроении. – Мы ждали последнего гостя и успели проголодаться.

– Не последнего, мой дорогой! – вдруг сказал кто-то за спиной Хагена, и пересмешник от неожиданности чуть не подпрыгнул – он не почувствовал приближения «гостя». – Ты забыл про меня.

Женщина, не знакомая Хагену, – очень красивая, с темными волосами, в платье кроваво-красного цвета – прошла мимо него и села на свободное место рядом с Лайрой. Она держалась подчеркнуто скромно, почти не поднимая глаз, и тем удивительней было наблюдать, как меняется лицо его величества.

Арлини выглядел смущенным... нет, обескураженным!

– Так-так! – Крейн улыбнулся, но что-то пугающее мелькнуло в его улыбке. – Ты, выходит, все-таки вернулась?

– Я все время была здесь, – ответила женщина, и теперь ее голос показался Хагену смутно знакомым. – Видишь ли, Кристоаль, моя горничная потеряла единственный ключ от комнаты, и я оказалась заперта в собственной спальне. Вот незадача, да? Надеюсь, брат не станет обижаться, что я выломала дверь.

«Брат?...»

Хаген, повинувшись незаметному жесту крылана, занял последнее свободное место, оказавшись между Лайрой и Эсме. Женщина в красном платье сидела напротив, и теперь пересмешник узнал ее: Камэ Арлини, Паучок! Та, чей вероломный совет чуть было не привел к их гибели.

«Это тебя не касается, – сказал он себе. – Пусть капитан сам с ней разберется».

Хаген вдруг поймал себя на том, что не может отвести от нее глаз. Красный шелк оттенял загорелую кожу, а черные волосы, убранные в высокую прическу, открывали изящную длинную шею. Прическа-то и сбивала его с толку – ведь когда они виделись в прошлый раз, волосы Камэ едва касались плеч. Какой-то горничной пришлось постараться, потому что сестра Лайры Арлини, судя по тем обрывочным сведениям, что ему удалось собрать, разбиралась в картах куда лучше, чем в шпильках, лентах, шиньонах и прочих женских хитростях. Так или иначе, ее целью было ошеломить Лайру и его гостей – и она без труда этого добилась.

– Потеряли аппетит? – поинтересовалась Камэ, когда молчание собравшихся стало звенящим, словно туго натянутая струна. – Или утратили дар речи? Не из-за меня ли?

Хаген покосился на капитана: тот сидел спокойно, и лишь еле заметные огоньки в глазах выдавали его истинные чувства. Эсме внимательно разглядывала вышивку на скатерти и всем своим видом показывала, что ей дела нет до происходящего. Смотреть на Лайру пересмешник поостерегся, а вот Джа-Джинни оказался именно тем, кому хватило смелости заговорить.

– Что ты, Паучок! – сказал он с веселой улыбкой. – Нынче мы собрались, чтобы вспомнить старые добрые времена, а ты ведь нам не чужая.

– Тогда давайте вспоминать, а то сидим... как на поминках. – Камэ подняла бокал. – Давайте выпьем...

– За тех, кого с нами нет! – перебил Крейн, схватив свой бокал так быстро, что тот чуть не опрокинулся. – За тех, кто остался позади!

На миг вновь воцарилось тягостное молчание.

– Да, – еле слышно проговорила Камэ. – И за тех, кто платит за чужие ошибки.

Они выпили, и слуги опять наполнили бокалы. Хозяева и гости принялись за еду; какое-то время тишину нарушало только негромкое позвякивание приборов. Хаген ел, не чувствуя вкуса и даже не особо обращая внимание на то, что попадало в рот; он уныло двигал челюстями, раз за разом спрашивая себя: «Что я здесь делаю?»

– Кристобаль, – вдруг сказал Лайра, – мне кажется, твой новый соратник в недоумении. Пересмешник насторожился.

– Я, признаться, тоже, – хмыкнул Крейн. – Может, откроешь секрет? Зачем ты попросил позвать Хагена?

– О-о, так тебя зовут Хаген! – Камэ лучезарно улыбнулась. – Кристобаль весьма редко берет в команду новичков... ты, должно быть, совершил нечто особенное!

– Да уж, нечасто магусы оказываются среди пиратов! – поддакнул Лайра, и его сестра удивленно подняла брови. – А просил я вот из-за чего. Скажи, тебе не доводилось слышать о некоем Пейтоне Локке?

Пересмешник сглотнул.

...В комнате темно и тихо, лишь мерно тикает в дальнем углу какой-то механизм подозрительного вида. Трисса говорила, что это часы – такие же, как на главной башне Фиренцы, только маленькие, – но отчего-то эта конструкция его пугает, и пока что подходить к ней ближе совсем не хочется.

«Тебе плохо, мальчик мой? Выпей воды!..»

Его рот наполнился горькой слюной. «Это не отрава», – мысленно сказал он сам себе, а потом осторожно проговорил, глядя королю Окраины прямо в глаза:

– Станный вопрос, ваше величество. Вы же знаете, кто я такой. Пейтон Локк приходится... приходился мне дядей. Если точнее, он был двоюродным братом моей бабки.

– Был?! – Лайра подался вперед, жадно ловя каждое слово. – Выходит, он умер? Ты уверен?

«Выпей воды, и все пройдет...»

– Он... э-э... отравился. Случайно. Экспериментировал, пытался создать новый яд – и создал. Только вот о противоядии позаботиться не успел.

– Яд! – Камэ сморщила нос. – Подлая штука! Зачем понадобилась такая отвратительная вещь?

Хаген изобразил вежливую улыбку:

– Разве вы не знали, моя госпожа, что пересмешники – клан шпионов, воров и убийц? Если нужно незаметно что-нибудь разузнать или выкрасть, то нанимают кого-нибудь из семейства Локк. Нет такой крепости, куда мы не сумели бы проникнуть, и нет такого замка, который смог бы нас остановить. Когда кого-то нужно тихонько... устранить, то опять-таки зовут пересмешника, потому что только мы способны сделать так, что жертва примет яд из рук, которые считает знакомыми, и выпьет его по доброй воле. И если совершенно здоровый человек или магус вдруг умирает от странной болезни – кто знает, не обошлось ли и здесь без пересмешника?

Он перевел дух и понял, что Камэ растерянно моргает, не в силах вымолвить ни слова, а все остальные смотрят на нее и тоже молчат. Наконец Лайра насмешливо произнес:

– Поздравляю! Смутить мою сестру удастся немногим, а у тебя получилось с первого раза. Но скажи, точно ли пройдоха Локк мертв? Вы, оборотни, горазды возвращаться с того света.

– Он умер у меня на глазах.

– Восхитительно! – Лайра даже не пытался скрыть восторг. – Лучшего подарка судьбы и придумать трудно. Я даже не стану просить у тебя прощения, потому что твой покойный дядюшка чуть было не разрушил дело всей моей жизни.

– Я, кажется, понял... – негромко проговорил Хаген. – Речь идет о некоем письме, которое подменили, так? Тогда могу обрадовать вас еще кое-чем. Все прочие участники этой истории тоже... получили по заслугам.

– Что за письмо? – требовательно спросила Камэ, заглядывая в лицо брату. – Я ничего об этом не знаю!

– И не узнаешь, – отмахнулся Лайра. – Дело прошлое. Что ж, Хаген, ты принес мне воистину радостную весть, благодарю.

– К вашим услугам! – Пересмешник кивнул. Отчего-то ему показалось, что они переместились из Каамы в Облачную цитадель, такой напряженной вдруг стала обстановка за столом. – Раз все прояснилось, полагаю, мне следует уйти.

– Ни в коем случае! – торопливо возразил Лайра. – Остайся.

«Избыток тайн, – мог бы сказать Хаген, – вреден для желудка». Но он покорился, поскольку не нашел в себе сил сопротивляться. Постепенно гости и хозяева разговорились, а потом слуги принесли новые блюда. Настроение пересмешника не подходило для светских бесед, да к тому же еда на тарелке показалась ему подозрительной.

Вдруг она все-таки отравлена?..

– Успокойся.~

Хаген поднял голову и увидел, что Крейн смотрит на него – пристально, с интересом. Капитан «Невесты ветра» обещал не читать его мысли и не лезть в воспоминания, но он должен был сейчас чувствовать отголоски той боли, которая терзала пересмешника, – о-о, очень, очень сильной боли. Хагену захотелось встать и уйти, наплевав на последствия.

– Ты останешься. А потом мы... ~

«...разберемся в случившемся, да. Я помню».

Пересмешник медленно кивнул, и Крейн ответил ему таким же кивком.

...Ветер безжалостно обрывает последние лепестки цветущей вишни и уносит их в море вместе с отчаянным шепотом: «Что бы ни случилось, обещай – ты будешь жить! Поклянись мне сейчас самым святым, что у тебя есть!...»

– Итак, вы обнаружили одну часть компаса, и она оказалась связана с Эльгой-Заступницей, – задумчиво проговорил Лайра.

Над его головой стайкой звездочек носились жуки-светляки.

Эсме отложила вилку и кончиками пальцев прикоснулась к медальону, который едва виднелся в вырезе ее блузки. Хаген знал, что целительница не расстанется с амулетом, доставшимся ей столь странным способом, и сейчас ему вдруг сделалось любопытно: к кому относился жадный взгляд Арлини, брошенный искоса, – к Эсме или ее сокровищу?

– Твоя карта, Кристоаль... – продолжил Лайра после паузы, явно перепрыгнув в своих размышлениях сразу через несколько воображаемых каналов. – На ней нет никаких подсказок, никаких объяснений. Это странно.

– Ничуть, – сказал Джа-Джинни. – Мы, конечно, любимые дети Заступницы, и она помогает нам – но помогает, а не делает все за нас.

– Надеюсь, ты прав, – усмехнулся король Окраины. – Видишь ли, мой крылатый друг, место, где находится вторая часть компаса, очень необычно. Я не могу понять, отчего деталь столь важного механизма спрятали именно там. Дело не в том, что оно легко доступно, – совсем наоборот...

– Ты намекаешь, что предстоящее путешествие будет опасным? – спросил Крейн с интересом. – Опаснее путешествия на юг?

– На мой взгляд, намного опаснее, – ответил Лайра, и его лицо сделалось непроницаемым – король Окраины почувствовал, что капитан «Невесты ветра» пытается исподволь выведать интересующие его сведения.

– Так ведь это великолепно! – воскликнул Крейн с наигранным восторгом. – Поскорее придумывай для нас задания, а не то я заскучаю!

– Не переживай, – ответил Арлини. – У меня вообще-то есть на примете одно дельце... Хотя оно, пожалуй, для твоей команды будет слишком простым. Я решил подождать денек-другой, вдруг появится что-нибудь более подходящее.

Камэ проговорила с легкой улыбкой, смиренно опустив взгляд:

– Ты прав, братец. Негоже поручать фениксу простые задания.

– Мне нужен не один лишь феникс, а вся команда, – возразил Лайра. – Таков был уговор. А ты, дорогая, если надумала опять что-то учудить...

– Молчу-молчу! – Она примирительно подняла руки. – А вот ты знаешь, Кристобаль, мне всегда было интересно: как тебе удастся собирать на борту «Невесты ветра» столько удивительных... людей?

Джа-Джинни хмыкнул, отмечая ее многозначительную паузу.

– Стечение обстоятельств, – медленно проговорил Крейн, глядя куда-то вверх, в темное небо. – Или, быть может, я просто вижу в каждом человеке и нечеловеке какую-то... искру, которая и делает его ценным.

– Ах... – Камэ вздохнула. – Во мне, похоже, ты так ничего и не разглядел, раз то и дело грозился посадить в следующем порту. Или все дело в том, что женщина на корабле – не к добру? Ох, прошу прощения... – Она посмотрела на Эсме так, словно только что ее заметила. – Я не хотела никого обидеть, но поверь, ведь существует, и возникло оно неспроста.

Целительница нахмурилась и слегка покраснела.

– К кракену поверь! – сказал Джа-Джинни, одарив Камэ сердитым взглядом. – Ни один из наших ребят о нем и не вспомнит, а того, кто вспомнит, я самолично выкину за борт. И, кстати, если бы не Эсме, не видать бы нам первой части компаса.

– Не надо об этом, – заговорила молчавшая весь вечер целительница. – Мне неприятно вспоминать о том, что произошло на острове.

– А что же там произошло? – тотчас же спросила неугомонная Камэ. – Расскажите, это ведь интересно!

– На острове мы кое-кого потеряли, – тихо сказал Крейн, и с лица Камэ пропала улыбка. – А тебе следовало присоединиться к нам, когда была такая возможность. Путешествие оказалось ну просто о-очень интересным. Древние легенды оживали прямо на глазах – мерры, сирены и все такое.

Она вскочила:

– Я ошиблась, Кристобаль! Такое могло случиться с кем угодно! Я...

– Конечно, – по-прежнему мягко произнес феникс. – Я и не сомневался, что ты успела поверить в собственную безгрешность.

– Хватит! – сказал Лайра, и одно короткое слово прозвучало настолько жестко, что Камэ сразу же опустилась на свое место, а Крейн развел руками: мол, разве я сделал что-то не так? – Эсме не хочет говорить о компасе. Мы сменим тему.

Целительница посмотрела на короля Окраины со смесью удивления и благодарности, но почти сразу смущение затмило все прочие чувства. Девушка не привыкла быть в центре внимания.

– Не стоит... – тихонько попросила она, опустив взгляд. – Я не хочу, чтобы вы из-за меня ссорились.

– Еще чего! – фыркнула Камэ, чьей способности приходить в себя позавидовала бы любая кошка. – Без доброй ссоры жизнь скучна. Раньше и не такое бывало!

– Вот-вот, – подхватил крылан. – Я помню то время. Вы двое ругались так часто, что вся команда привыкла и перестала обращать на это внимание. Ваши ссоры были частью пейзажа, как ветер и волны.

Камэ уставилась на него так, словно испепелила бы, окажись это в ее силах, – а потом вдруг рассмеялась, и к ней присоединились Лайра и Крейн. Шутка Джа-Джинни спасла вечер, который мог вот-вот закончиться настоящим скандалом.

– Кристобаль, а ты не забыл нашу первую встречу? – поинтересовался Арлини. Магус кивнул, и тогда Лайра, обратившись к Эсме, сказал: – «Невеста ветра» подобрала меня в море, умирающего от голода и жажды...

– Тебя подобрала «Шустрая», – поправил Крейн. – Ты вцепился в какое-то жалкое подобие плота и сам походил на обгорелую деревяшку. Это было в имперских водах неподалеку от Лагримы.

– Да, да! А потом корабль зашел в порт, и шкипер Ристо отчего-то решил накормить спасенного оборванца ужином. Помнишь? Ты потащил меня в таверну, там было очень весело... правда, закончилось все довольно-таки странно. Заявились портовые чиновники – они разыскивали капитана «Шустрой» за какие-то запрещенные делишки.

– А потом из камина выскочил уголек... – сказал Крейн.

– Да-а... – Лайра кивнул с довольным видом. – Пожар был что надо. От таверны почти ничего не осталось.

– Ха! Эта развалюха все равно и года бы не простояла!

– Скажешь тоже! – фыркнул Арлини. – Неплохое было заведение. Хорошо, что никто не погиб.

– Это точно. – В разноцветных глазах феникса загорелись огоньки. – А когда переполох миновал, мы уже были далеко от Лагримы.

– Тогда, конечно же, я еще не понимал, с кем имею дело! – Лайра вновь обратился к Эсме, которая увлеченно его слушала. – Решил, что это простая случайность, сыгравшая на руку лихим парням-контрабандистам...

Хаген, до сих пор лишь наблюдавший за беседой, искоса взглянул на Лайру: тот подался вперед, и в расстегнутом вороте рубашки показался знакомый пересмешнику знак – клеймо каторжника. «Лагрима, выходит?» Хаген закрыл глаза и попытался представить себе карту тех вод. Если Лайру носило по волнам дня два, то он вполне мог бежать с рудника, известного под названием Гиблая Гавань. Об этом месте ходили страшные слухи, но о том, что предшествовало спасению, Арлини явно не собирался рассказывать.

«Важность любопытства неоспорима...»

– Ты был в те времена осторожным, Кристобаль. И очень скрытным! Ведь команда не подозревала, что капитан Крейн на самом деле не человек, а феникс?

– Отчего же... – Магус как-то неопределенно пожал плечами, его улыбка растаяла. – Велин знал, Эрдан знал... еще кое-кто... Все время сдерживать Феникса не получается, он то и дело берет верх, и нередко это происходит при свидетелях.

Лицо Арлини помрачнело – он вспомнил о чем-то неприятном. На мгновение опять сделало очень тихо, и каждый из собравшихся за столом задумался о своем.

– Я всегда удивлялась, – вдруг сказала Камэ, – что ты говоришь о Фениксе как об отдельном существе. Даже произносишь это слово по-особенному... словно с большой буквы!

– Ты много чему удивлялась, – с усмешкой ответил Крейн. – Помнится, перво-наперво тебя заинтересовало, отчего не сгорает моя одежда.

При этих словах Лайра и Джа-Джинни рассмеялись, Эсме покраснела, а Камэ, невинно улыбнувшись, заявила:

– Я и сейчас не знаю, в чем секрет. Ты всегда берег от меня свои тайны, словно от врага. Это несправедливо, Кристобаль! Неужели за столько лет я не заслужила малой толики доверия? Ну хоть чуть-чуть! – Ее голос сделался нежным, а перед этими просительными интонациями устоять не смог бы никто. Нельзя было отказать сестре Лайры Арлини в сообразительности и коварстве: своим вопросом она загнала Крейна в угол.

– Ох, Камэ... – Магус вздохнул. – Все очень просто, и мне нечего скрывать. Одежда не горит по той же причине, по какой не горю я сам: пламя возникает на некотором расстоянии от моего тела и направлено вовне, а не внутрь. Теперь ясно?

– Нет! – Паучок сверкнула глазами. – Ты утверждаешь, что тоже можешь пострадать от огня, но кто же тогда зачерпывал пламя из костра, словно оно вдруг стало водой? Кто жонглировал огоньками свечей? Неужели это был не ты, а кто-то другой?

Лайра, наблюдавший за своей сестрой, улыбнулся, а Крейн, издав сдавленное рычание, протянул руку к стоявшему поблизости канделябру и снял пламя с одной из свеч. Огонек продолжал танцевать у него в ладони, перебегая с кончиков пальцев на ладонь и обратно, словно живой; над остывшим черным фитилем тем временем завилась струйка дыма.

Хаген вдруг понял, что смотрит на пламя, будто зачарованный.

– Есть разные виды огня, – медленно проговорил капитан «Невесты ветра». – Но ни люди, ни все остальные небесные дети этого не видят, не замечают... не понимают. Мне, право слово, трудно объяснить сущность Феникса, сущность первопламени. Оно живое... оно мыслит и чувствует... Первопламя не может существовать в нашем мире и, появившись здесь хоть на миг, приносит беду. Слыхали о несчастных, которые среди бела дня вдруг вспыхивали и превращались в уголь быстрее, чем кто-то успевал понять, что происходит? Раньше говорили, что именно такая кара ждет любого, кого угораздит прогневать одного из Фейра... Что ж, не буду утверждать, будто молва во всех случаях ошибалась, но все-таки изначально в этом виновато первопламя, а не мы.

– Выходит, ты именно этим пламенем повелеваешь, а не обычным огнем? – вполголоса спросил Лайра.

Крейн досадливо нахмурился:

– Дело не в этом. Разные виды пламени друг с другом соотносятся по-разному, но первопламя сильнее всех остальных, и поэтому его можно использовать для защиты от другого огня. Вот, смотрите... смотрите внимательно!

Он протянул руку, и все, сидевшие за столом, невольно подались вперед, чтобы лучше рассмотреть танцующий огонек свечи. Поначалу им казалось, что ладонь Крейна горит, не сгорая.

– Заступница! – пробормотал Арлини чуть слышно. – Глазам своим не верю!

Хаген к этому времени тоже успел заметить то, что раньше ускользало от его взгляда: кисть Феникса от запястья до кончиков пальцев покрывало нечто, похожее на прозрачную перчатку, и именно оно берегло кожу магуса от ожога. Видение было мимолетным; стоило пере-смешнику приглядеться, как «перчатка» пропала, а его глаза начали слезиться от напряжения.

– Горячий воздух над огнем костра, – пробормотал оборотень себе под нос.

– В некотором смысле да. – Крейн сжал кулак, и блуждающий огонек погас, но дрожащее марево вокруг его кисти появилось вновь – теперь оно было заметно всем. – Это и есть бесцветное, невидимое первопламя, о котором я говорил. Оно часть меня. Мое оружие и мой щит, который, кстати говоря, может защитить не только меня одного... Камэ, хочешь убедиться, что я не лгу?

Паучок молча покачала головой; всего лишь на краткий миг выражение ее красивого лица сделалось испуганным. Крейн огляделся, словно бросая вызов каждому из сидевших за столом.

– Можно мне? – произнесла Эсме со странной интонацией – не то вопрос, не то утверждение – и протянула навстречу горячей руке Крейна свою тонкую кисть.

Огненная перчатка погасла, дав их ладоням соприкоснуться, но уже в следующее мгновение запылала вновь, в полную силу.

– Ты только не бойся, – сказал Крейн таким голосом, какого Хаген у него ни разу не слышал. – Я не причиню тебе вреда.

Эсме кивнула.

– Эта игра становится опасной, Кристобаль! – чуть взволнованно заметил Лайра. – Хватит, достаточно! Мы тебе верим... Правда, Камэ?

Но Паучок не откликнулась. Она глядела на Крейна и Эсме, почти не мигая, и была напряжена не меньше, чем взведенная тетива стреломета.

«Если бы эта женщина повелевала огнем, – подумал Хаген, – то все мы превратились бы в уголь». Он перевел взгляд на Джа-Джинни и увидел, что крылан тоже смотрит на капитана и целительницу с весьма странным выражением лица.

– Ну вот, – сказал Крейн, когда первопламя погасло и они с Эсме наконец смогли разжать свое необычное рукопожатие. – Вы приобщились к тайным знаниям клана Фейра... к их малой толике. Если бы мой клан не был уничтожен, за такое меня бы наказали, но теперь я сам себе клан. Впрочем, смысл запретов всегда ускользал от меня – все равно посторонние не могут воспользоваться этими тайными знаниями.

– Для этого надо родиться фениксом? – спросил Арлини, заранее зная ответ.

– Верно, дружище. – Крейн тяжело вздохнул. – Впрочем, я был очень молод, когда моих родных перебили. Возможно... – Он помедлил, словно не решаясь договорить. – Возможно, я не успел узнать что-то очень важное.

Внезапно правая рука феникса, спокойно лежавшая на столе, окуталась ярким пламенем. Он отдернул ее, сжал кулак – огонь исчез, но на скатерти осталось обугленное пятно. Все случилось так быстро, что никто и охнуть не успел.

– Пожалуй, хватит разговоров о прошлом, – криво усмехнулся Крейн. – Мне бы не хотелось уступить место... незваному гостю. Он испортит не только скатерть, но и весь вечер.

– Значит, поговорим о будущем! – Лайра небрежно взмахнул изувеченной рукой и задел свой бокал. По белой ткани растеклось пятно цвета крови. – Какой я неловкий... Что ж, мой пламенный друг, за которого я отдам, не задумываясь, правую руку! Давай-ка поболтаем о чем-нибудь веселом, красивом и безопасном... ну, даже не знаю... о вишневых садах, которые скоро зацветут, раз уж пришла весна?

Хаген вздрогнул и закрыл глаза.

Воспоминания захлестнули его с головой.

Больно.

За ним ухаживали бережно, словно за редким растением, – Хаген видел такие в детстве, когда семья еще не обеднела окончательно и могла позволить себе дорогостоящие игрушки. Тетя Эвелла, младшая сестра отца, обожала южные цветы, чьего названия Хагену никак не удавалось запомнить. Она упорно и самоотверженно хлопотала над изящными ветками, увенчанными крупными бело-розовыми соцветиями. Впрочем, обычные садовые розы Эвелла тоже не обделяла вниманием.

Но Хаген себе казался не розой, а чем-то совсем простым – может, чертополохом или дурманом.

И ему было очень больно...

Неделя после ссоры с бабушкой и побега из дома прошла как во сне. Стояла ранняя осень, ночи были по-прежнему теплыми, и беглецу не приходилось думать, как бы найти убежище от холода, дождя или снега. Но вот с едой все обстояло куда хуже: горожане знали и его самого, и его бабушку, и их историю и предпочитали не связываться с «беглой птичкой», а воровать он не умел и не мог – белые волосы привлекали слишком много внимания. Разок другой Хагену повезло – его угощали сердобольные тетушки, – а однажды удалось заработать несколько грошей в порту, на разгрузке какого-то фрегата. Он понимал, что держится лишь благодаря присущей всем магусам выносливости и что долго так продолжаться не может.

Как-то ночью юный магус-бродяга устроился на чердаке одного из портовых складов. Море тихонько бормотало старую-престарую песенку; изредка слышались отголоски трактирного веселья – музыка, нестройное пение, смех. Пересмешник задремал под эти звуки. В полусне он увидел отца, который укоризненно качал головой, и мать – она плакала.

А потом из темноты на него набросились какие-то фигуры и начали яростно избивать. Застигнутый врасплох магус только и успел, что прикрыть руками лицо, но ребра ему сломали чуть ли не с первого удара.

– Чтоб я тебя больше не видел в порту! – зловеще прошипел кто-то ему на ухо. – Понял, кукушка? Мотай отсюда, покуда цел!

С той ночи он знал лишь два состояния: боль и беспмятство.

– ...Эй, ты слышишь меня?

Хаген осторожно приоткрыл глаза и увидел над собой миловидное девичье лицо. Хорошо знакомое лицо. Этой девушке следовало находиться далеко – в другом городе, на другом острове, – но она была рядом, была его... кем? Гостьей? Сиделкой? Или плодом больного воображения, итогом сильного удара по голове?

– Трисса? – прохрипел он. – Что ты здесь делаешь?

– Как интересно... – протянула она с лукавой улыбкой. – Мы с отцом поспорили, и я выиграла. Он сказал, ты первым делом захочешь узнать, где находишься.

Действительно, где он?

Хаген с огромным трудом приподнял голову – перед глазами тотчас же все завертелось, но, прежде чем зажмуриться и вновь опуститься на подушку, он успел увидеть маленькую комнату, в которой помимо кровати были только небольшой столик да рукомойник в дальнем углу. Ну, еще табурет – на нем сидела Трисса, его кузина, дочь дядюшки Пейтона. Строго говоря, Пейтон доводился Хеллери двоюродным братом, но Хагену проще было называть Триссу именно так, не вдумываясь, какова настоящая степень родства между ними. В последний раз они виделись года три назад, и кузина из длиннорукой и длинноногой девчонки превратилась в пугающе взрослую красавицу.

– Это... гостиница?

Она снова улыбнулась:

– Память в порядке, соображаешь нормально. Я рада! Отец не захотел звать целителя. Тут, выходит, он был прав.

– Как ты... как мы здесь оказались?

– Пять дней назад мы приехали в гости к леди Хеллери, – начала рассказывать Трисса. – Явились без предупреждения, хотели сделать сюрприз. Мы очутились в нужном месте, в нужное время! Ты бы слышал, как они из-за тебя поругались... Хеллери наотрез отказывалась тебя искать, и отец решил сделать это сам. Нанял каких-то людей, и уже через несколько часов его привели к... э-э... какой-то канаве, где ты лежал, избитый до полусмерти. Он снова попытался переубедить Хеллери, но ничего не вышло...

Пейтон Локк когда-то был желанным гостем в доме Гэри Локка – когда-то именно он привозил из южных краев цветы для Эвеллы и прочие удивительные редкости. Когда-то он был богат, потом все потерял, но сумел, в отличие от большинства родственников Хагена, заново заработать состояние, пусть и небольшое. Впрочем, была еще какая-то причина, заставившая Пейтона отдалиться от Хеллери и остальных, однако до недавнего времени Хаген даже не задумывался о том, что его посвящают далеко не во все семейные тайны, считая слишком маленьким.

Он стиснул зубы и сосредоточился на словах кузины.

– ...И тогда отец заявил, что не останется ночевать под крышей Хеллери, раз та совсем выжила из ума и собственными руками рушит то немногое, что еще удалось сохранить. Мы

поселились в гостинице. Для тебя сняли отдельную комнатку, и до этого дня не было понятно, сколько еще ждать, пока ты очнешься. Теперь мы можем отправляться домой!

– Домой? – переспросил Хаген. – Ты же сказала, что...

– Домой, – перебила его Трисса, многозначительно вскинув бровь, – означает не к Хеллери, а к нам, в Фиренцу. Ты же не против, кузен?

Он машинально покачал головой и тут же поморщился от резкой боли – каждая кость в его теле словно завибрировала. Трисса встревоженно охнула и вскочила с табурета, явно собираясь позвать на помощь отца.

– Все хорошо... – с трудом выговорил Хаген. – Лучше скажи, о чем вы поспорили... Пейтон думал, я спрошу, что это за место... а ты?

Ее тревога сменилась веселой растерянностью:

– Ох, Хаген, тебя все-таки сильно ударили по голове! Я была совершенно убеждена, что ты приятно удивишься, когда увидишь меня. Это и произошло. А разве могло быть иначе?

И в самом деле – разве могло быть иначе?..

На следующее утро «Невеста ветра» тяжело заворочалась у причала, едва не разнеся его в щепки, и матросы повскакивали с коек. Крейн спустился в брюхо, просидел там некоторое время, а потом собрал команду и сказал, что фрегат настроен изменить расположение кают и прочих помещений в трюме, поэтому отдых придется отложить. Они принялись вытаскивать из попавших под переделку частей «Невесты ветра» вещи, которые там лежали, а сам фрегат все время скрипел, кряхтел и раскачивался, подымая волны и беспокоя стоявшие по соседству суда. Около полудня, когда кипучая деятельность несколько подухнула, на причале появился Арлини. Король Окраины стоял и наблюдал за происходящим, пока Крейн наконец-то не соизволил его заметить.

– О-о, величество! – Феникс приветственно помахал другу рукой. – Чем обязаны?

Арлини, истолковав жест как приглашение, взошел на борт, окинул оценивающим взглядом палубу и творившийся на ней кавардак, а потом ответил небрежным тоном:

– Да так... Пришел посмотреть, все ли в порядке.

– Как видишь, мы заняты уборкой и... э-э... ремонтом. Без дела не сидим!

Хаген, оказавшийся случайным свидетелем этого внешне безобидного разговора, почти видел и слышал, как между магусом и человеком стреляют трескучие злые молнии. «Первый день! – встревоженно подумал он. – Это всего лишь первый день! А мы застряли тут надолго – пусть Лайра и нетерпелив, но он точно не станет тратить желания зря... Что же будет дальше?»

– Превосходно, превосходно... – сказал король Окраины, кивая. – Кристоаль, можно я ненадолго украду твою целительницу?

В глазах Крейна мелькнули искры, которые заметил бы любой. Его вежливая улыбка застыла.

Лайра терпеливо ждал ответа.

– А почему ты спрашиваешь меня? – наконец проговорил феникс. – Вот она идет – пусть решает сама.

На палубу вышла Эсме – она, разумеется, появилась не случайно, а по воле «Невесты ветра», которая подталкивала своих людей туда, где им полагалось быть в нужный момент. После обмена любезностями король пригласил целительницу на берег, и она тотчас же посмотрела на капитана – удивленно, растерянно, будто спрашивая разрешения. Тот лишь плечами пожал.

Эсме нахмурилась.

– Ну помилуйте! – воскликнул Арлини, предугадав отказ. – Я же не кусаюсь! Я просто хотел показать вам Кааму – и больше ничего! Неужели я такой страшный?

Она, окончательно растерявшись, пробормотала:

– Ладно...

Улыбка Арлини в тот же миг сделалась хищной. Так могла бы улыбаться мурена, опутывая очередную несчастную жертву кольцами своего тела, но окажись у мурены хоть малая толика того сияющего обаяния, которое излучал король Окраины, добыча шла бы к ней в пасть добровольно. Целительница даже опомниться не успела, как Лайра подхватил ее под руку и увел на причал. Вскоре они уже шли по набережной; Арлини что-то рассказывал, увлеченно размахивая руками, а Эсме внимала ему.

Лицо наблюдавшего за ними Крейна мрачнело на глазах. Обернувшись к матросам, он рявкнул:

– Чего рты раскрыли?! За работу!

К исходу дня команда валилась с ног от усталости, но феникс неохотно позволил им отдохнуть, лишь когда Джа-Джинни осторожно заметил, что не стоит гонять матросов так, словно «Невеста ветра» еще до рассвета должна выйти в море. Крылан заботился не о себе, поскольку он-то как раз бездельничал весь день – в таких делах от человека-птицы было маловато пользы.

– Кстати, еще кое-что, – сказал Джа-Джинни, когда полумертвые от изнеможения матросы разбрелись кто куда. – Раз уж вы с «Невестой» затеяли переделку трюмов, не мешало бы отпустить Умберто на волю из брюха. А то она еще переварит его ненароком.

Крейн пробормотал что-то насчет отвратительной дисциплины и махнул рукой. Хаген поспешил удрать на берег, поскольку встречаться с помощником капитана не хотел и подозревал, что это взаимно.

Наскоро перекусив в таверне, он немного погулял вдоль одного из каналов и, возвращаясь обратно, застал любопытную сцену: Лайра и Эсме прощались у борта «Невесты», а Крейн наблюдал за ними сверху, устроившись на носу фрегата, где обычно сидел Джа-Джинни. Целительница выглядела веселой и отдохнувшей; по всей видимости, прогулка пришлась ей по нраву.

Его величеству, судя по довольному выражению лица, тоже.

«Не мое это дело, – сказал себе пересмешник, но лишь слепой мог не заметить, как смотрел на эту пару капитан. – Совершенно не мое...»

Когда последний луч солнца растворился в чернильной мгле, «Невеста» уgomонилась, но где-то за полночь в недрах корабля раздался оглушительный треск, а потом палуба заходила ходуном, как во время сильного шторма. Моряки, привычные к качке, не обратили на это внимания, а вот Хаген проснулся и больше не сумел уснуть: в душе поселилась странная тревога, а мышцы начали ныть после целого дня усердного труда. Он крутился и вертелся, не в силах улечься удобнее, и в конце концов решил, что лучше подняться из кубрика на верхнюю палубу, где можно хоть подышать свежим воздухом.

Вахтенные, увлеченные игрой в карты, пересмешника не заметили или сделали вид, что не заметили. Джа-Джинни где-то летал. Магус побродил туда-сюда, словно больной пес, и вдруг понял, что его странное состояние – всего лишь морок.

Плохо было не ему, а... кораблю.

Он испытал такое чувство, будто выбрался из облака густого тумана или дыма; или облако само отползло на некоторое расстояние, даровав ему свободу и возможность ясно мыслить. Отползло и замерло, излучая растерянность, обиду и боль. Пересмешник огляделся по сторонам и увидел все то же, что и раньше, – вахтенных, фонари в ночной тьме, огни на пристани, далекие звезды.

Нет-нет, так неправильно. Надо по-другому.

Он закрыл глаза.

На борту внутренний компас отключался, и «Невеста ветра» воспринималась иначе – то как взгляд в упор, настойчивый и нескромный, то как дыхание в затылок, легкое или не очень.

Хаген не почувствовал ни того, ни другого, однако она была по-прежнему рядом, просто чуть дальше обычного. Словно дикий зверь, испуганный резким движением или громким словом, но все равно стремящийся к костру, что горит в ночи.

«Ну иди, иди сюда. Что с тобой случилось? Я... хочу помочь».

В тот же миг он ощутил себя мехом из услышанной в детстве сказки – тем самым, в котором Великий Шторм хранил подвластные ему ветра. В него вошла буря чувств и эмоций, перемешанных так, что ни одному мастеру узлов вовек не разобраться, и они лишь отчасти были человеческими. Он потерял себя почти сразу; любой разум сдался бы под натиском такого шквала. Боли не было – то, что испытывал пересмешник, оказалось превыше боли.

– сказать о том, что ~~~~~

– страшно ~~~~~ нельзя, нельзя ~~~~~

Ведь это ~~~~~ опаснее всего, что~~~

~~~~~ молчание ~~~~~ так лучше ~~~~~

Иначе ~~~~~

~~~~~ смерть.

Охнув, Хаген упал на колени, и вахтенные наконец-то его заметили. Подбежали, что-то спросили, но способность понимать человеческий язык вернулась к пересмешнику последней. Он смотрел на своих товарищей, растерянно моргая, и видел стоявшую за каждым из них тень – только самую малость темнее ночной черноты.

Темное облако – дым, туман? – рассеялось без остатка.

Кто-то тихонько выдохнул у него за спиной.

– ...Не переживай. Мой отец тебе поможет. У нас в Фиренце книжная лавка, ты ведь помнишь? Фиренца – владения клана Соловья. Мы подыщем тебе работу, комнату – все будет хорошо, вот увидишь!

– Я уже говорил с дядей, Трисса. Он сказал, я могу пока что жить у вас и помогать ему в лавке.

– Правда? Он... так сказал?

– Ну да.

– Странно... В лавке не так много работы, и... мы справлялись. Да. Мы справлялись вдвоем.

– Может, он намерен расширить дело? Впрочем, я говорю глупости – ведь ты бы узнала об этом первой. Трисса, ты как будто хочешь мне что-то сказать, но не решаешься.

– Нет. Нет-нет. Все хорошо. Я точно знаю, с тобой все будет...

– ...хорошо? Эй? Ты в порядке, Хаген?

Пересмешник что-то промычал в ответ и замахал руками. Матросы, ворча и ругаясь, оттащили его к корме, усадили, дали глотнуть чего-то жгучего из фляги.

– Так бывает, – сказал один из них. Флерин, вспомнил Хаген, его зовут Флерин. Лет двадцать пять, высокий и худой, с орлиным носом и без одного переднего зуба. Пересмешник почувствовал, что при желании может узнать о Флерине куда больше – кто он, откуда, как попал на «Невесту ветра», – и его пробрал озноб. – Первые полгода вообще всякое бывает. Тебе осталось еще пару месяцев потерпеть, потом – все.

– Что... все? – прохрипел Хаген.

Перед глазами у него двоилось, непрошенные сведения роились где-то рядом, ожидая дозволения. Имя второго вахтенного было Шеппи, но все звали его Корноухим. Правое ухо он потерял уже на «Невесте ветра», во время одного из сражений. Хаген это знал совершенно точно – как и то, что никто ему ничего подобного не рассказывал.

– Свобода, – сказал Корноухий, улыбаясь. – Спокойствие. Не в смысле спокойной жизни, а в смысле вот этого. – Он постучал согнутым пальцем по лбу. – Ты разберешься в том, что правильно и неправильно, и больше не будет никаких сомнений.

Хаген тихонько рассмеялся и жестом попросил еще раз дать ему флягу. В памяти всплыло: «Ты здесь навсегда». Они, похоже, сговорились...

– Я и так знаю, что правильно.

– Не-ет, – протянул Корноухий, а Флерин замотал головой. Потом они обменялись понимающими взглядами, и Корноухий продолжил: – Я здесь пять лет, он – три, так что ты с нами лучше не спорь. Вот скажи, великий умник, почему ты сюда попал?

«Потому, что Белая Цапля, повелительница вещей и людей, сказала мне: „Ступай к Крейну“, но не сказала, что делать потом. Потому, что ее *сильное слово* нельзя отменить, и теперь я точно сломанная кукла. Потому, что...»

– Потому, что мне некуда идти, – сказал пересмешник неожиданно для самого себя. – Я все потерял и вцепился в возможность остаться на «Невесте ветра», как утопающий цепляется за проплывающую корягу. Это трудно объяснить.

– Ну да, ну да... – согласился Флерин с сарказмом. – Надо же, какая необычная рыбка. Совсем непохожая на нас.

Корноухий ничего не сказал – просто расхохотался.

Рой, рой слов крутился вокруг разума Хагена. Стоило только попросить...

– Ладно, – сказал он примирительным тоном. – Я тупой краб. Но я исправлюсь, вот увидите.

Флерин хотел что-то еще сказать, но вдруг вскочил, как и Корноухий. Хаген растерянно заморгал, а потом увидел, что на палубу «Невесты ветра» вышел капитан.

Крейн выглядел уставшим, словно вовсе не ложился спать; он то и дело прикасался кончиками пальцев к щеке, словно мучимый зубной болью. Не обратив ни малейшего внимания на матросов, он подошел к фальшборту и посмотрел вниз.

– Пустишь? – раздался знакомый голос. – Надо поговорить.

– Не представляю, о чем, – сказал феникс, пожимая плечами. – Но если я тебя не пущу, ты пожалуешься Лайре, а он шантажом выбьет из меня какие-нибудь еще уступки, поскольку я имел неосторожность продемонстрировать, что карта мне очень нужна. Раз уж тебе этого хочется...

Его собеседница рассмеялась и через миг взлетела на палубу с легкостью белки. Это была Камэ Арлини, но вовсе не та элегантная дама, которую Хаген видел вчера, а одетая в мужской наряд путешественница и авантюристка.

– Кристоаль! – торопливо начала она, словно боясь, что Крейн передумает. – Тебе, наверное, трудно в это поверить, но я и в самом деле не желала вам зла! Я ошиблась!

– Это я уже слышал, – равнодушно отозвался феникс. – Что-нибудь новенькое есть?

Ответом ему послужила звонкая пощечина.

Вахтенные сгребли карты, подобрали флягу и растворились в темноте; Хагену пришлось хуже – он еще не до конца обрел власть над собственным телом и не смог бы ретироваться незаметно. Пересмешник поступил единственно возможным способом: закрыл глаза и притворился спящим.

– Все те же привычки? – Магус тихонько рассмеялся. – Сколько раз такое бывало. Камэ, я не настроен с тобой ссориться. Я вообще не хочу...

– Ни видеть меня, ни слышать! – перебила женщина. – Знаю! Кристоаль, я всего лишь хотела, чтобы ты вернулся... и взял меня с собой!

– Я предлагал тебе отправиться с нами, – сказал Крейн. – Ты отказалась. Видишь ли, Паучок, твоя роль была сыграна безукоризненно, все поверили. Но дело в том, что ты ничуть не изменилась за те годы, что мы провели врозь, – по-прежнему не видишь ничего дальше собственного носа и не можешь запомнить одной простой вещи... – Он тяжело вздохнул. – Я никогда не возвращаюсь, Камэ. Для меня нет дороги назад, как нет и прошлого, потому что оно прах и пепел, поэтому я иду только вперед, даже если доподлинно знаю, что сгорю.

– Тебе не привыкать... – проговорила женщина. – Сгорать и возрождаться каждый раз... Сколько еще будет таких возрождений, Кристобаль?

– Для меня – не знаю, – ответил феникс. – А для Кристобаля Крейна – ни одного. Это его последнее путешествие, и оно войдет в легенды, если уже не вошло. Не мешай мне, Паучок. Я и так уже потерял из-за тебя Эрдана.

Камэ молчала очень долго, и Хаген догадался: она плачет.

– Теперь я поняла... – Ее голос звенел от слез. – В твоей легенде для меня нет места, так? А для нее оно нашлось. О да, я больше не буду выбирать для тебя путь, теперь это делает она...

– Паучок, я ведь не говорил, что у этой истории будет хороший конец вроде «и жили они долго и счастливо». Гораздо вероятнее другой – «и они без следа исчезли в неизведанных морях».

– Мне все равно.

Феникс негромко рассмеялся:

– Тогда ты сама виновата, Камэ. Когда ты в Лэйфире назвала меня «чудовищем», это прозвучало очень... искренне. И я поверил, видишь ли. Хотя до того считал, что у меня были причины поступить именно так, а не иначе.

– Расскажешь? Быть может, я пойму...

Ответные слова феникса прозвучали очень жестко:

– Нет. Незачем ворошить пепел.

Женщина еще что-то сказала, но так тихо, что Хаген не расслышал ни слова. Вероятно, она говорила сама с собой, потому что магус промолчал. Их странная беседа приоткрыла пересмешику дверь в прошлое феникса – не дверь даже, а щелочку. Он слышал о страшном пожаре в городе Лэйфир, который случился... лет шесть-семь назад. Похоже, именно тогда Камэ ушла с «Невесты ветра». Говорили, в Лэйфире взорвался склад звездного огня. Выходит, Крейн как-то причастен к этой катастрофе? Ее, конечно, сложно сравнить с какой-нибудь сожженной таверной. Погибло очень много людей.

В раздумьях Хаген не заметил, что Крейна и Камэ на палубе уже нет. Вместо них появился Джа-Джинни, который смотрел на него бирюзовыми глазами, укоризненно качая головой. А еще был кто-то большой и темный; он прятался в глубине и внимательно следил за тем, что происходило на борту «Невесты ветра».

Впрочем, пересмешик уже погружался в сон, и все это наверняка ему пригрезилось.

Потоптавшись недолго у двери, он чуть-чуть успокоил бешено колотящееся сердце и лишь потом взялся за ручку. Что-то острое вонзилось в кожу – гвоздь? игла? – но металл оказался таким холодным, что пальцы мгновенно онемели, и Хаген даже не посмотрел на них, забыв о случившемся.

– Ты пришел? Входи же скорее, мой мальчик!

Хоть дядюшка и обращался с ним весьма сердечно, Хаген всякий раз при разговоре начинал трепетать. Что послужило тому причиной, он не понимал: Пейтон был сама любезность и ничуть не походил на торговца-скупердяя, каким его предпочитали изображать в своих рассказах тетюшки. Он забрал непутевого племянника с собой в Фиренцу, поселил в собственном доме, выделив комнату – хоть маленькую, но отдельную. В доме Хеллери – в жалком подобии дома – у него и этого не было. И все-таки какое-то темное предчувствие терзало Хагена, не давая спокойно спать.

Что Пейтон попросит взамен?..

– Садись, поговорим.

Библиотека – она же кабинет Пейтона – располагалась на втором этаже. Здесь царил прохладный полумрак и пахло книжной пылью, а сами книги, казалось, настороженно взирали на Хагена с дубовых полок – словно знали, что он не особенно любит читать. Еще здесь было

два стола – за одним дядюшка сидел, утопая в огромном кресле, а под темной тканью, покрывавшей другой, угадывались странные резкие очертания чего-то... лабораторных приборов? В дальнем углу жужжал загадочный механизм. Трисса говорила, что ее отец держит у себя в кабинете часы – такие же, как на главной башне Фиренцы, только маленькие, – но Хагену показалось, что предназначение этого устройства не связано с отсчетом времени.

Хаген принялся: в «книжный» запах вплетались нотки чего-то иного, горько-сладкого, незнакомого и слегка пугающего.

В этой комнате, понял он, не только читают.

– Как тебе понравился город? – Пейтон начал издали, в этом они с Хеллери были очень похожи. – Красивый, не правда ли?

– Я мало что успел посмотреть, – ответил Хаген. – Погулял по рынку, по площади... да, красиво. Здесь так много цветов...

Обилие цветов и впрямь удивляло: переехав из Кейтена в Фиренцу, которая располагалась много южнее, он попал из осени в позднее лето. Кругом благоухали розы всевозможных оттенков и размеров, от их запаха кружилась голова. Вполне подходящее местечко для соловьев: они обосновались на этих островах еще во времена Основателей, дав свое имя главному городу, – и тот вскоре стал пристанищем для художников, ваятелей и музыкантов.

– Певунам можно лишь позавидовать, – сказал Пейтон, словно прочитав мысли Хагена. – Живут в спокойствии и достатке, ни о чем не думая. Творят шедевры... – В его голосе появилась горькая ирония. – До тех пор пока Алиенора остается императрицей, им ничего не грозит.

Хеллери всегда отзывалась о супруге капитана-императора с сочувствием, называя ее не иначе как «царственной узницей». Все это было для Хагена слишком уж запутанно.

– А мы ютимся по углам, словно крысы, – продолжил Пейтон. – Разве это справедливо?

Молодой пересмешник опустил голову; ему вдруг показалось, что в комнате сделалось жарко. Клан впал в немилость в год его рождения, когда Гэри Локк отказался выполнить некое поручение капитана-императора и вышел из зала совещаний, хлопнув дверью. Ждали, что Аматейн их сразу уничтожит, но все случилось иначе: постепенно для пересмешников закрылись двери во все богатые дома, семейство потерпело ряд неудач в торговых делах и вскоре обеднело до того, что Гэри потерял родовый особняк.

Так они превратились в бездомных бродяг.

А потом Гэри подхватил лихорадку; через три дня его не стало. Еще через день стало ясно, что его жена Мойра тоже больна...

– Тебе плохо, мальчик мой? – заботливо спросил Пейтон. – Выпей воды!

– Н-не надо, – ответил Хаген. – Зачем вы меня позвали?

Невидимые жаровни разгорелись сильнее, на его лбу и шее выступили крупные капли пота. Пейтон смотрел на своего племянника, прищурив глаза, и выразительное лицо старого пересмешника словно превратилось в мраморную маску.

– Хеллери рассказала мне о том, что между вами произошло, – сказал он ровным голосом. – О том, что ты готов хоть сейчас отправляться к его величеству и требовать восстановления справедливости... Так, да?

Хаген опустил голову. До чего же глупо он, должно быть, выглядит...

– Винить я тебя ни в чем не собираюсь. Юности свойственна горячность, а ты ведь еще и сын своего отца – Гэри поступал точно так же, сначала делал и лишь потом – думал. Храни Эльга его душу... Лучше скажи мне, что ты собираешься предпринять?

– Прогоняете? – вырвалось у Хагена. – Я задерживаться не стану.

– Да куда ты спешишь! – Пейтон всплеснул руками. – Право слово, я теперь не удивляюсь тому, что Хеллери решила тебя проучить. Хорошо, спрошу напрямик: ты недоволен игрой в кошки-мышки, которую ведет с нами Аматейн?

– А разве мышка может быть довольна этой игрой? – запальчиво воскликнул Хаген и вскочил... чтобы тотчас же повалиться обратно в кресло, потому что комната закружилась. Да что с ним такое? – Я от своих слов не откажусь!

– Тебе следует быть осторожнее, – обеспокоенно заметил Пейтон. – Твои ушибы еще не зажили до конца.

«Но ведь я их даже не чувствую...»

– Хаген, что бы ты хотел сделать... для семьи? Что бы ты хотел изменить?

Этот вопрос он задавал себе не раз, но ответа найти так и не сумел. Он знал лишь одно, о чем не преминул честно сообщить Пейтону:

– Я готов сделать ради клана все, что угодно! Все, на что хватит сил. Прикажите, дядюшка!

Пейтон откинулся на спинку высокого кресла.

– Что угодно? Не советую бросаться такими словами. Вдруг я попрошу тебя о чем-то низком и даже подлом? К примеру, я могу приказать тебе принять чужой облик и стать чьим-то другом лишь для того, чтобы потом предать этого человека.

У него пересохло в горле.

– Если так будет нужно для блага семьи... – медленно проговорил Хаген.

– Я могу попросить о чем-то более серьезном, – продолжил Пейтон таким небрежным тоном, словно они беседовали о погоде. – Ты что же, и на убийство согласишься? Нет, не отвечай. Взгляни для начала туда, – он махнул рукой в сторону второго стола. – Что ты видишь?

– Нечто спрятанное... – Хаген пожал плечами. – Мне кажется, ему пристало бы находиться в кабинете ворона, а не пересмешника.

– Почти угадал, – сказал Пейтон с улыбкой и, поднявшись, аккуратно снял темный покров, под которым оказалось беспорядочное нагромождение стеклянных колб разных форм и размеров, витых трубок и прочих инструментов, о предназначении которых Хаген и не пытался догадаться. Выходит, он был прав – дядя на досуге балуется алхимией, – но странное открытие почему-то не удивляло.

– Видишь это?

Пейтон показал Хагену заполненный черной жидкостью небольшой флакон, горлышко которого было запаяно сургучной печатью. При первом же взгляде на безобидную с виду вещьцу давешнее тревожное предчувствие нахлынуло заново, но не сумело побороть странной слабости, овладевшей его телом.

– Представь себе, мой мальчик, – торжественно произнес Пейтон, – что этой безделице предназначено вернуть наше прошлое. Ты спросишь – как именно? Весьма просто. Одна капля этой жидкости лишает человека воли. Две – погружают его в сон, который продлится не меньше двух месяцев. Ну а от трех капель он уснет навсегда... Остается лишь применить сие средство в нужное время и в нужной пропорции. Так что, ты по-прежнему готов на что угодно для восстановления нашего доброго имени? Или признаешься, что не способен на что-то, выходящее за пределы пустых мечтаний сумасбродного мальчишки?

– Ради клана, – проговорил Хаген, закрыв глаза. Происходящее сделалось слишком уж странным и страшным, чтобы быть реальностью, но и сон не мог оказаться столь четким и ясным. – Ради клана я готов на все...

Комната вновь закружилась, нахлынула невыносимая духота.

– Тебе плохо... выпей воды...

Пейтон что-то с ним сделал – и теперь удовлетворенно улыбается. Сытый паук! Нет... он сам что-то сделал не так... он что-то сказал, и изреченные слова клеймом отпечатались на лбу.

Теперь нет дороги назад.

– Выпей воды, и все пройдет.

И Хаген, конечно, выпил.

На следующий день Хаген вместе с остальными продолжал трудиться, приводя «Невесту ветра» в порядок. Капитан был с ними суров. За несколько месяцев на борту фрегата пересмешнику не раз случалось все дежурство не выпускать щетки или скребка из рук, но еще никогда ему не приходилось драить палубу и переборки с такой тщательностью. Крейн был болезненно придирчив, отдавал команды не вслух и даже не мысленно, а путем бесцеремонного толчка в нужную сторону. Выглядело это следующим образом: разобравшись с каким-нибудь малозаметным пятном или наростом, Хаген вытирал пот со лба, вздыхал – и тотчас же против собственной воли поворачивался, наклонялся или поднимал голову, видел новое местечко, где нужно было как следует поработать щеткой, и все начиналось сначала.

Время от времени выбираясь из трюма, он видел Крейна: феникс стоял на палубе совершенно неподвижно, словно четвертая мачта, и его лицо казалось безмятежным. Обман, все обман! Пересмешник отлично понимал, что за шторм бушует в душе у магуса, да и для прочих моряков это не было секретом. Они старательно обходили капитана стороной, делая вид, что вовсе его не замечают, но от работы никто не отлынивал даже в шутку.

– Есть тридцать пять разновидностей паразитов, от которых страдают фрегаты, – сказал Корноухий, когда они с Хагеном и еще двумя матросами, обвязавшись веревками, чистили корпус снаружи. Был уже вечер, и пересмешник здорово устал, но продолжал водить рукой туда-сюда с усердием марионетки. – Тридцать пять! Кажется, я видел сегодня по меньшей мере двадцать. Да-а, запустили мы нашу рыбку, чего только в ней нет! И жгучка, и шебаршилы, и цветок-хватунок, и фиолетовая язва...

– Двадцать – это ты загнул, – возразил висевший слева от него матрос по имени Танибет, улыбчивый крепыш с ярко-рыжими волосами, которые вечно стояли дыбом. – Я бы сказал, десятка полтора.

– Когтешип, раззява, забывайка, – продолжал перечислять Корноухий, не обращая внимания на Танибета, – петлильщик, алая сеть, крестоплюй...

– Крестоплюй? – встревоженно переспросил Танибет и опустил щетку. – Ты его сам видел?

– Ага, – сказал Корноухий, счищая белые кристаллы соли.

Хаген знал, что это за паразит: маленький, похожий на два скрещенных детских пальчика, но очень вредный. Ощувив поблизости достаточно крупное тело – неважно, чье, – созревший крестоплюй выстреливал в него комком слизи из утолщения в месте пересечения «пальцев», и там, куда попадала эта слизь, вскоре появлялся болезненный нарыв, в котором созревал новый паразит. Его приходилось вырезать острым ножом.

Фрегаты, как теперь убедился пересмешник, тоже чувствовали боль.

– Где? – Танибет нахмурился и почесал левое плечо, где был старый шрам, выглядевший так, будто кто-то выкусил из руки матроса кусок плоти. – В трюме? Не в кубрике, я надеюсь?

– Не в кубрике, – безмятежно проговорил Корноухий. – На полтора локтя выше твоей головы и чуть левей.

Танибет негромко выругался, поднял глаза и выронил щетку.

– Крабы потроха! – заорал он. – Снимите их оттуда!!!

Корноухий не соврал: над Танибетом действительно расположились сразу три паразита, небольших и, судя по всему, незрелых. Они были темно-коричневыми, в цвет корпуса «Невесты ветра», и если бы Хаген не знал, куда смотреть, ничего бы не увидел. Он подтянулся чуть выше, протянул руку с зажатым в ней скребком к крестоплюям, а потом покосился на шрам Танибета и не стал спешить. Если приглядеться, паразиты были не такими уж маленькими. Вздумай один из них плюнуть вбок, пересмешник получил бы комок ядовитой слизи прямо в лицо.

Спустя миг перед его мысленным взором последовательно возникли три образа: беспомощный щенок с разъезжающимися лапами, слепой новорожденный котенок и одинокий цыпленок посреди пустого птичьего двора. Он сердито фыркнул, но не успел ничего сказать или даже подумать. Над краем борта появилось бесстрастное лицо Крейна; феникс посмотрел на прилипших к корпусу паразитов, прищурился – и они почернели, скрючились, отвалились. Один безвредный уголек шлепнулся Танибету на голову; моряк опять заорал и принялся так размахивать руками, что сам едва не упал в воду. Корноухий рассмеялся; кто-то наверху – но не Крейн, конечно, – тоже развеселился и сказал пару беззлобных, но обидных слов про тех, кто слишком трепетно относится к собственной шкуре.

Пересмешник поглядел, как Танибет пальцами вычесывает из густых и жестких волос угольную крошку, и вдруг подумал, что ему не мешало бы заняться собственной шевелюрой. На борту «Невесты ветра» все уже привыкли к тому, что она двуцветная, бело-рыжая, но, отправляясь на берег, приходилось повязывать голову платком. Он любил прятать свои секреты куда глубже и основательней.

Вот этим он и займется... когда разрешат.

Ночью уставший пересмешник спал так крепко, что его не разбудило бы и нападение кракена. Пришло новое утро; выяснилось, что работы осталось немного, поэтому после полудня Крейн отпустил половину команды на берег. Хаген оказался среди счастливиц.

Он перекусил в одной из портовых таверн, потом бесцельно прошелся по набережной. Кольнуло воспоминание: когда-то давно они с Триссой вот так слонялись по ослепительно красивой Фиренце, и бездельничать вдвоем было легко и приятно.

В лавках с дорогим товаром не стоило спрашивать о краске для волос, так что пересмешник пустился на поиски большого базара, без которого не обходится ни один мало-мальски уважающий себя город. «Невеста» подсказала направление, но все равно пару раз ему пришлось спросить дорогу у местных – уж слишком запутанной была сеть улиц и каналов. Добравшись до нужного места, магус обомлел.

Каамский «базар» представлял собой заводь, окруженную со всех сторон берегами рукотворных островов-кварталов. Ее поверхность покрывали, как кувшинки озеро, плоты всевозможных размеров – на маленьких стояли палатки и шатры, а на больших кое-где возвышались самые настоящие здания, даже двухэтажные. По мостам с веревочными перилами, украшенными пестрыми лоскутами, раковинами и перьями, сновали горожане; они приценивались, шумно торговались, радостно разглядывали покупки или ругались с теми, кого заподозрили в недобром умысле, – в общем, делали все, что обычно делают посетители любого базара, не обращая ни малейшего внимания на воду, плещущуюся едва ли не под ногами.

Хаген невольно восхитился их бесстрашием. Конечно, жители Каамы привыкли к воде, они с детства ощущали ее близость. Наверное, в этом городе появилось на свет много отважных моряков.

– Хаген! – позвал знакомый голос.

Пересмешник огляделся и увидел неподалеку Эсме. Целительница стояла у начала одного из веревочных мостов и явно боялась на него ступить. Она посмотрела на магуса с отчаянием в глазах, и он, спрятав улыбку, взял ее под руку.

Лучшее средство борьбы со страхом – помощь тому, кто боится сильнее.

Поначалу они шли молча, привыкая к тому, как скрипел и прогибался мост под ногами. Потом Хаген почувствовал, как целительница расслабилась и перевела дух.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Эсме.

– То же самое я хотел спросить у вас... у тебя, – сказал Хаген. – Не страшно бродить по незнакомому городу одной?

– А что такого? – Она пожала плечами. – В Тейравене мне случалось глубокой ночью идти одной на пристань, где какому-нибудь грогану упавшим ящиком отдало ногу. Мы с

учителем часто исцеляли гроганов. Тейравен, может, и поменьше Каамы, но тихой рыбацкой деревушкой его никак не назовешь. И там никто не следил за мной...

Она подняла свободную руку и полусогнутым пальцем постучала по виску, намекая на присутствие «Невесты ветра» в их головах и ту самую помощь, которую Хагену обещали на крайний случай.

– Все равно ты поступаешь неосмотрительно, – заупрямился пересмешник. – Да, «Невеста» нас оберегает, но много ли нужно времени, чтобы обидеть хрупкую девушку? Вдруг помощь придет с опозданием?

Эсме улыбнулась краем рта:

– Надеюсь, о том, сколько времени требуется, чтобы обидеть девушку, ты знаешь не по собственному опыту... О, я шучу, не обижайся! Наверное, все просто: команда Кристобая Крейна не страдает излишней осмотрительностью, и ко мне это тоже относится.

Хаген рассмеялся и кивнул, не зная, что еще сказать.

Они ступили на первый островок. Торговец тотчас же расплылся в улыбке, предлагая выбрать из пестрой россыпи бус что-нибудь «столь же прелестное, как эта луноликая девушка». Эсме не обратила на лъстеца ни малейшего внимания и проследовала мимо. Она делалась все более уверенной и явно знала, за чем пришла. Хаген понял, что ей не нужна опека, но, поддавшись любопытству, решил не бросать целительницу одну.

Эсме шла вперед, на развилках довольно быстро выбирая нужный поворот по каким-то загадочным ориентирам. Внимательно наблюдая за ней, пересмешник догадался, в чем дело: разноцветные лоскуты, бусины, раковины и прочая дребедень были привязаны к веревочным перилам не для красоты, а в качестве указателей пути к тому или иному торговцу.

«Умно!» – восхитился Хаген, ни разу не встречавший подобного за все время своих странствий по Десяти тысячам островов.

Они забрались в самое сердце плавучего базара – туда, где вокруг не было видно ничего, кроме плотов с шатрами и плетеными навесами, – как вдруг целительница резко остановилась и пробормотала чуть слышно:

– Это здесь.

Ее лицо сделалось до странности отрешенным, и о присутствии пересмешника она явно забыла. Плот, на который она смотрела, ничем не выделялся; его владелец – худощавый, узколицый и темнокожий, как вяленая рыба-игла, – скучал за прилавком, будто не замечая покупателей.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Эсме. Торговец в ответ лишь кивнул. «Нет-нет, – подумал Хаген, – он совсем не такой, как остальные. Он не пристаёт к нам. Словно мы ему и вовсе не нужны!» – Я имею честь видеть перед собой Амэра, знатока древностей?

– Увидеть Амэра нетрудно, – скрипучим голосом ответил торговец, уставившись на целительницу правым глазом; левый сильно косил и глядел мимо, на соседнюю лавку. – И даже услышать – невелика задача. Загвоздка в том, что сам Амэр видит и слышит лишь то, что ему интересно.

Хаген изумленно вытаращил глаза, но Эсме опять повела себя так, словно ничего другого и не ждала. Она спокойно спросила:

– А что же может заинтересовать почтенного Амэра?

Торговец вздохнул и задумчиво поджал губы.

– Понимаешь, девушка, – проговорил он через некоторое время, самую малость смягчив тон, – я уже очень-очень давно живу на белом свете. Через мои руки прошло столько вещей... столько драгоценностей... Знаешь, что про меня говорят? Если Амэр заинтересовался какой-нибудь ерундовинной, значит, она на самом деле стоит целое состояние из-за своего прошлого или будущего. Да-да, будущего! – Он самодовольно приосанился. – Я есть мера всех вещей. И

чтобы измерить то, что тебе требуется, нужно всего ничего: история, которая схватит меня за шиворот и приколотит к этому месту гвоздями, да-да, гвоздями. Ну? Я слушаю.

Тут Эсме дрогнула – Хаген понял это по тому, как ссутулились ее плечи. Она посмотрела налево, потом направо, будто в поисках подмоги, но не обернулась к нему. Зачем, зачем она сюда пришла?..

– Что-то тут не вяжется, – сказал пересмешник, шагнув вперед, чтобы быть поближе к Эсме. – Тебя послушать, многоуважаемый, мы должны рассказать историю, и, если она окажется интересной, ты согласишься нашу вещь, оценишь ее... Но ведь если ты возьмешь эту вещь в руки, это будет означать, что она интересна сама по себе! Сам сказал – если Амэр заинтересовался какой-нибудь ерундовиной, ей нет цены. Выходит, вещь – и есть история.

Торговец подался вперед, изумленно приоткрыв рот, и заморгал. Правый глаз у него тоже косил – даже странно, что Хаген этого не заметил, – и вообще почтенный Амэр все больше и больше казался похожим на рыбу.

Он хлопнул рукой по прилавку и расхохотался:

– А ты умник! Ты умник, каких свет не видывал! Ну ладно, ладно. Показывайте, что у вас там за вещь.

«В самом деле, что у нас за вещь?»

Целительница, колебавшись мгновение, стянула с шеи зеленый шелковый шарф, с которым никогда не расставалась, и протянула Амэру.

Станный торговец взял вещицу аккуратно, с некоторой почтительностью. Хаген приготовился на всякий случай к какому-нибудь неожиданному поступку – мало ли что еще мог учудить этот рыбоглазый.

– Ох, Заступница, – пробормотал Амэр. – Эльга Пресветлая! Откуда у тебя... это?

Эсме растерянно пожала плечами:

– Досталось по наследству.

– От кого?

– От матери. – Слова прозвучали сухо, даже жестко.

– От матери... – повторил торговец, качая головой. У пересмешника не осталось сомнений в том, как называется чувство, с которым Амэр держал зеленый шарф – красивый и, возможно, дорогой, но совершенно обычный кусок материи.

Благоговение.

– Позволь кое-что показать, – сказал Амэр. – Только не пугайся, с ним все будет в порядке.

Он расправил шарф, взмахнул им, подбросил в воздух и, поймав за противоположные углы, с силой дернул в разные стороны. Эсме ахнула, но с изумрудно-зеленой тканью ничего плохого не случилось, как и обещал торговец.

Зато по краям шарфа проступили темные полосы, почти сразу превратившиеся в чудесные узоры из цветов и листьев, завораживающие своей сложностью. По зеленому полю побежали серебристые искорки, и ткань... изменилась. Из гладкого шелка она превратилась в нечто, напоминающее облако серебристо-зеленого тумана, и этим туманом Амэр бережно и почтительно окутал плечи совершенно растерянной целительницы.

– Друг твой верно подметил, – сказал торговец, не сводя с нее взгляда. – Все непросто со мной и вещами, и я сам, по правде говоря, не знаю, в чем правда: становится ли вещь интересной в тот момент, когда попадает в мои руки, или раньше? Может, я сам их интересными делаю. Но даже если так, из любого правила есть исключения, и этот шарф – одно из них. Он старый, о, очень-очень старый. Старше всего, что ты видишь.

– Старше всех вещей на этом базаре? – удивленно уточнила Эсме. – Мне говорили, ему лет триста.

Амэр покачал головой и повторил:

– Старше всего, что ты видишь. Всего. Кроме, может быть... ну нет, ее-то здесь нет. Если спросите меня, так это к лучшему, что ее нет.

Он, скорее всего, был безумен, но точно не шутил.

– Вскоре к нему вернется привычный вид, – продолжил Амэр. – Захочешь еще раз полюбоваться – ты видела, что надо делать, это несложно. Только позаботься о том, чтобы этого не увидели ничьи алчные глаза. Я ведь не один так много знаю о вещах...

– Спасибо, – растерянно проговорила Эсме. – Я такого не ожидала, но все равно благодарю тебя за помощь, почтенный Амэр.

– Это я тебя должен благодарить, – сказал торговец, переводя взгляд с нее на Хагена и обратно. – Столько лет тут стою... столько лет барахлом торгую... Я давно живу на белом свете, но все же подобное чудо вижу в первый раз. А ведь когда-то оно было мелочью, пустяком, вроде той ленточки, что привязана к перилам моста. В те времена люди умели летать – разве мог их удивить какой-то яркий лоскут? Это теперь кругом одни развалины да мусор!

Амэр с презрением посмотрел на свой прилавок, и Хаген невольно сделал то же самое. Поначалу увиденное и впрямь показалось ему мусором: простенькие кольца с поцарапанными, потускневшими камнями или просто стекляшками, гребни для волос (один был симпатичным – в виде мотылька с зеленым камнем вместо тельца и зелеными эмалевыми крылышками – но выглядел так, словно пролежал на морском дне целую вечность), серьги с парами и без, броши в виде рыб, цветов, глаз...

Глаз. Серебряный глаз. С крыльями.

Хаген ахнул от неожиданности – как в тот раз, когда открыл дверь, которую нельзя было трогать.

– ...Это лаборатория господина Рейго, сюда слугам входить запрещено. Тебе разве не объяснили, дубина? – гневно сказала Ардалия Лар.

На дверной створке за ее спиной виднелось полустертое изображение крылатого ока.

– Прошу прощения... – пробормотал Хаген, отступая и униженно кланяясь.

Его мучило, от увиденного было все еще темно в глазах и хотелось бежать отсюда, из этого страшного дома, бежать без оглядки! Ардалия Лар почему-то ограничилась выговором и не стала наказывать чрезмерно любопытного слугу. Должно быть, она понимала, что он уже наказал себя сам, заглянув в святая святых ее супруга, господина Рейго, – туда, где творились чудеса древней алхимии. Позже Хаген узнал еще кое-что об искусстве полужизни, но в тот день он почувствовал себя так, словно побывал в обители Великого Шторма – в той ее части, что предназначалась для грешников.

То, что оборотень увидел в лаборатории, еще долго снилось ему по ночам...

– Заступница! – вскричала Эсме и шагнула в сторону, словно Хаген вдруг превратился во что-то страшное, опасное.

Он несколько раз моргнул, пытаясь избавиться от тумана в голове. В сознании всплыло какое-то правило трех шагов... Впрочем, и без всяких правил было понятно, что целительница почувствовала и увидела то же самое, что и он. Она побывала в той же лаборатории, пусть на миг – но этого хватило, чтобы ужаснуться.

– Где ты это взял? – тихо спросил Хаген, устремив взгляд на Амэра.

– Не помню, – пробормотал торговец, явно растерянный.

– Врешь, – уверенно сказал пересмешник. – Где-то в Кааме убили щупача, и тебе достались его вещи? Или, может... Нет, глупости, воронов никто и пальцем не тронет. Только не говори, что эту штуку украли у щупача, а сам он до сих пор бродит по здешним улицам! С ней связана кровь. Вероятно, мне стоит показать ее кому-то из приближенных короля или даже самому Лайре Арлини.

– Нет-нет, ни в коем случае! – сказал чей-то голос, показавшийся знакомым.

Хаген обернулся и увидел в двух шагах от себя девушку лет шестнадцати, рыженькую и зеленоглазую, очень миловидную. Она каким-то образом сумела подойти так тихо и осторожно, что он ее заметил лишь сейчас... и, судя по взгляду Амэра, не он один.

– Все гораздо проще! – пылко проговорила незнакомка. – Эту брошь нашла я, в старом доме у самых скал, там давным-давно никто не живет. Даже если она принадлежала кому-то из семейства Лар, то он уехал отсюда еще до прибытия короля. Вы уж мне поверьте, я знаю, о чем говорю! Дядюшка Амэр ничего плохого не делал, это точно!

У нее была родинка под правым глазом.

«Где же я ее видел...»

– В этом доме водятся привидения, – сказал торговец и бросил странный взгляд на свою рыжеволосую... племянницу? – Вещи из него гуляют по всей Кааме, будто у них есть ноги или крылья. Ну что, если у вас двоих нет больше вопросов к старому Амэру, ступайте, ступайте прочь! А я, пожалуй, посплю.

Хаген мрачно посмотрел на брошь и подумал, не забрать ли ее, но потом понял, что не сможет даже пальцем прикоснуться к серебряной штуковине.

Он повернулся к Эсме.

– Ближе трех шагов не подходи, – предупредила целительница, глядя с опаской. – Я видала разное, но это...

– Как же ты вернешься обратно?

– Сама справлюсь. – Она шагнула назад и привычным жестом коснулась шарфа, который, как и обещал Амэр, принял свой обычный вид. – Ты лучше сам... будь осторожнее, хорошо?

Хаген пожал плечами, потом повернулся к рыжеволосой девице:

– Где, говоришь, этот старый дом?

– У скал. – Племянница Амэра одарила пересмешника лучезарной улыбкой. – Меня зовут Мара, и я знаю этот город...

– ...как свои пять пальцев, – сказала Трисса и легонько потянула Хагена за рукав. – Только води себя тихо, очень тихо. Они не любят гостей. Мы должны ступать неслышно, как призраки.

Кузина подвела его к неприметной двери в стене, толкнула – та отворилась без скрипа. Обернувшись, Трисса приложила палец к губам:

– Тс-с-с!

Они вошли и очутились в темноте; пришлось немного обождать, чтобы глаза сумели разглядеть хоть что-то. Просторный зал, чьи дальние углы терялись в кромешном мраке, был заставлен загадочными предметами разных форм и размеров, накрытыми плотной тканью. Наверху захлопали крылья, послышался писк – летучая мышь оказалась единственным свидетелем вторжения непрошенных гостей. Хаген растерялся: и что же Трисса хочет ему показать?

– Идем! – чуть слышно шепнула девушка и сжала его руку.

Трисса пробиралась по лабиринту и уверенно волокла кузена за собой; было ясно, что она здесь далеко не впервые. Хаген послушно шел за ней, прислушиваясь; где-то впереди два человека вели беседу, но уши пересмешника улавливали только ее невнятные отголоски.

А еще он чувствовал странный запах – резкий и довольно неприятный.

– ...И это все, что я могу сказать. – Первый незнакомец, судя по голосу, был очень молод, почти как сам Хаген. – Согласись, она не могла быть такой уж красавицей, как твердят легенды.

– Маркус, ты слишком жесток! – с легким смешком отозвался второй. Пересмешник почему-то решил, что он намного старше и опытнее. – Только представь себе, что подумают прихожане, увидев такое?

– Не увливай от ответа! – чуть сердито проговорил юноша. – Я прав или нет?

– Не знаю и, признаться, знать не хочу. Я позволил тебе проявить самостоятельность, но теперь заставлю все переделать, даже если ты опять начнешь угрожать мне самоубийством. Взгляни на дело рук своих... Что чувствуешь? Только не лги.

Трисса и Хаген осторожно выглянули из-за угла.

В огромном круглом зале пахло, как теперь понял Хаген, краской. До самого потолка вздымались строительные леса, хрупкие и шаткие – и как только они выдерживали свой собственный вес? На них осмелился бы ступить лишь безумец, но как раз двое таких сумасшедших и вели неспешный разговор на невообразимой высоте.

Хаген поднял голову и на миг растерялся: когда они с Триссой вошли в ту маленькую дверь, был ясный полдень, а теперь над ним сияли звезды. Спустя мгновение пересмешиник осознал, что смотрит на купол, где изображено звездное небо – настолько правдоподобное, что он почти услышал голоса ночных птиц и ощутил дуновение прохладного бриза. Его взгляд скользнул дальше по стенам, не в силах объять всю роспись сразу, выхватывая лишь отдельные ее части: зеленеющие острова, бурное море и фрегат, сражающийся со штормом, белые башни...

А потом он увидел Ее.

У женщины, изображенной на одной из стен, было очень странное лицо: его правая половина показалась Хагену невыносимо, неизъяснимо прекрасной – она словно источала сияние. Но левая сторона того же лица поражала столь же невыносимым уродством: красный глаз, лишенный ресниц; безгубый рот, кривящийся в горькой, немного презрительной усмешке; чешуя, тут и там проступающая сквозь нежную кожу. Две части, такие непохожие друг на друга, складывались, тем не менее, в единое целое, и Хаген зажмурился, не в силах больше вынести этого зрелища: еще миг – и он сойдет с ума, раздираемый противоположностями.

– У тебя злой талант, Маркус, – с упреком сказал тот собеседник, который казался старше. Он был, несомненно, учителем. – Ты необычайно жесток, а в храме нет места жестокости.

– Я ценю истину, маэстро, – ответил ученик. – И еще я понимаю, что свет, соприкоснувшись с тьмой, не может остаться незапятнанным. Она отдала часть себя в уплату за тех, кто ушел в море, – вот эту часть я и изобразил. Справедливо, по-моему.

– Ох, мальчик мой. Ты сам не понимаешь, похоже, с какими силами решил поиграть. Знаешь, чего мне стоило добиться запрета на посещение этого зала, пока мы здесь работаем? А ведь если бы сюда проник хоть один эльгинит, обладающий мало-мальски заметным влиянием в Братстве, нас бы объявили еретиками. Темные столетия, конечно, давно прошли, однако поверь мне на слово – прослыть еретиком даже в наши дни весьма неприятно.

– Маэстро, но ведь...

– Не перебивай! Нам не дано узнать, как на самом деле выглядела Она, поэтому будем следовать канонам. Заступница была прекраснейшей из женщин, и точка. У тебя превосходно вышла правая сторона лица, вот и сделай левую такой же... – Учитель немного помолчал и продолжил чуть мягче: – Есть вероятность – весьма небольшая, – что ты прав. Я много раз думал о том, какую цену Она заплатила за свои Сады.

– Жуткую.

– Да. Безусловно, жуткую. Но мое решение не изменится... Эй, а вы кто такие?!

Трисса схватила кузена за рукав, и они бросились бежать со всех ног. Обратный путь показался Хагену вдвое короче – ведь теперь они не заботились о тишине и мчались едва ли не напролом, – но снаружи Трисса не остановилась. Они неслись так, словно спасали свои жизни от самого Великого Шторма, ничего не видя вокруг, падая и подымаясь, не чувствуя ссадин и царапин.

«Заступница! Какое святотатство!..»

Безумный бег закончился в заброшенном саду на окраине города, где оба упали в высокую траву и долго молчали, не в силах отдышаться. Потом Трисса взглянула на кузена горящими глазами и хрипло проговорила:

– Вот это приключение, да?! Я не знала... Когда я была там в прошлый раз, они еще не закончили Ее лик. Я думала, левая сторона будет такой же, как и правая... Нет, подумать только – изобразить Заступницу чудовищем!

– Кто они, эти двое? – спросил Хаген. – Художники?

– Старший – Тео Фиренца, племянник ее величества Алиеноры, а младший – птенец. Зовут его, как ты сам слышал, Маркус.

– Птенец? Бескрылый?

– Не совсем. Соловьи не делают разницы между земными и небесными детьми, когда речь идет о таланте, и берут на воспитание одаренных, не обращая внимания на их происхождение... Короче говоря, он человек, а не магус. Хотя многие из рода Фиренца завидуют ему, если верить слухам.

– Чему тут завидовать, – пробормотал Хаген. – До сих пор мороз по коже...

– Глупый ты! – Трисса ласково улыбнулась. – Так ничего и не понял, да?

Он смущенно промолчал, а девушка неожиданно вскочила и закружилась, раскинув руки.

– Посмотри вокруг! – воскликнула она. – Ты видишь? Ты чувствуешь?!

Он огляделся. Сад медленно погружался в осень; трава начала желтеть и сохнуть, ее пожухлые стебли издавали терпкий сладковатый запах. Дерево, под которым отдыхали двое пересмешников, отличалось от остальных: его крона была ярко-алой, и Трисса в своем красном платье казалась листом, который сорвался с ветки и закружился в последнем танце.

Хаген поднялся с земли, и кузина тотчас же упала к нему в объятия.

Быть может, у нее закружилась голова?..

Он хотел что-то сказать, что-то очень важное – но вдруг увидел застрявший в волосах Триссы сухой цветок. Пятерка жухлых лепестков тускло-желтого цвета, короткий стебель. Это растение было знакомо Хагену по занятиям с дядюшкой Пейтоном, и он, не отдавая себе отчета, произнес вслух:

– Ведьмин цвет. Одно из самых ядовитых растений, что встречаются на этом острове.

Лицо Триссы изменилось мгновенно, словно туча закрыла солнце.

– Пошли домой, – сказала она голосом, напоминающим шелест сухой травы. – Нас, наверное, хватились.

В этот раз Хаген был настороже, но все равно едва не пропустил тот момент, когда Каама опустела.

Раздался еле слышный щелчок, и все изменилось. Каналы и улицы, дома и вздымающиеся над ними скалы сделались неестественно четкими, резкими, словно выпуклый рисунок на плоской поверхности; на них почему-то было больно смотреть. Вода опять превратилась в черное зеркало, которое искажало и перевирало реальный мир – если вообще называть его таковым, – и пересмешник, краем глаза разглядев в канале существо, давно испутившее дух в лаборатории лорда Рейго, предпочел сосредоточиться на своей спутнице.

Мара шла вперед целеустремленно, не замечая того, что творилось вокруг. Почему возле лавки Амэра она показалась Хагену миленькой? Теперь он не видел в ней совершенно ничего привлекательного: худая как щепка, с острыми локтями и чересчур длинными пальцами; нос тоже длинноват, скулы слишком уж выступающие, а рот такой большой, что окажись он еще самую малость шире, смотреть на нее было бы попросту неприятно.

Но эта родинка на правой щеке...

Он ее, конечно, вспомнил сразу же, просто не осмеливался признаться в этом себе.

Со стороны моря раздался звон колоколов – в городе, который казался пустым, этот звук пробудил леденящий душу ужас, и Хаген на миг утратил самообладание. Он остановился, спрятав лицо в ладонях. Хотелось убежать, скрыться где-нибудь от той стоглазой твари, что засела на дне и наблюдала за ним из-под воды; хотелось отрастить шипы и когти, как у скопы. Почему, почему его клан такой слабый и не может защитить себя иначе, как при помощи хитрости и яда? Неужели он до конца своих дней будет вздрагивать всякий раз, когда понадобится взглянуть на свое отражение в зеркале? Чем он заслужил такое наказание?..

– Идем, – спокойно проговорила Мара и, взяв его за запястья, вынудила убрать руки от лица. Ее глаза были синими, зелеными и серыми, бездонными и бескрайними, небесными и морскими. – Мы почти на месте.

– Кто ты такая? – хрипло спросил пересмешник, не тронувшись с места. – Зачем я тебе понадобился?

ТЫ ЗНАЕШЬ, КТО Я.

Он вздрогнул. Ее имя вдруг улетело легкокрылой бабочкой; его собственное понеслось вдогонку.

– Идем, – повторила девушка, и он не смог отказать.

Это был обыкновенный дом – двухэтажный, серый, непримечательный. В окнах сгустилась мгла, но не страшная – ничто не сравнится с подводной тьмой, – а спокойная, тихая, даже навевающая мысли об уютной норе, где можно спрятаться не только от чужих глаз и ушей, но также и от резких звуков и ярких цветов. Они вошли. Как и следовало ожидать, внутри обнаружились лишь крысы и пауки. Последние чувствовали себя здесь особенно вольготно, и их паутина простиралась от пола до потолка; местами темнота превращала ее в изящно задрапированную кружевную ткань.

«В этом доме водятся привидения... Вещи из него гуляют по всей Кааме, будто у них есть ноги...»

Когда-то, должно быть, здесь приветливо встречали гостей: пересмешник легко представил себе, как в просторной комнате, занимающей почти весь первый этаж, пировали за накрытым столом или танцевали. Он прошелся вокруг, заглянул в огромный камин и неосторожно коснулся дверцы старого шкафа – она тотчас же рассыпалась, превратившись в горку рыжеватой трухи.

– И впрямь подходящее место для привидений, – сказал он, обернувшись. Безымянная стояла все там же, у двери, и отблески заката, проходя сквозь витражное окно, которого раньше не было, разноцветными бликами ложились на ее лицо, придавая ему неземной вид. – Зачем я здесь?

И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ЗАЧЕМ ТЫ ЗДЕСЬ?

– Не знаю, – признался пересмешник. – А ты?

Она рассмеялась.

Серая паутина начала осыпаться неряшливыми клочьями, которые таяли, едва коснувшись пола. В комнате сделалось чисто и светло, как будто зажглись невидимые лампы; витражное окно заискрилось, заиграло всеми цветами радуги. Пересмешник не удивился – он теперь знал, с кем имеет дело.

Волны на воде.

ВИДИШЬ? ТЫ ЭТО ВИДИШЬ?

Двое поднимаются по широкой лестнице на второй этаж, и с каждым шагом, с каждой ступенькой странный дом становится больше, словно превращается в дворец, но это не важно. Он ступает решительно, ее шаги по-кошачьи легки и невесомы, а глаза излучают мерцающий свет.

НЕ БОЙСЯ!

Все голоса и лица теперь в ней одной, и имена – в ее имени, которое ускользает из памяти, словно торопливый гость. Она Ризель и Трисса, она Эсме и Камэ, она... Она та, про кого он знал с детства, но даже в мечтах не рассчитывал повстречать.

Дворец начинает заполняться водой. Со всех сторон ручейками и реками, ревущими горными потоками хлещет зеленоватая океанская вода, но она говорит – не надо бояться, и он не боится. Тот огонь, что разгорается все ярче, так просто не погасишь. Быть может, у них вырастут рыбы хвосты и жабры, и тогда им будет принадлежать весь бескрайний Океан – так даже лучше. Пересмешник отбрасывает последние сомнения, позволяя себя увлечь: осенний лист, сорвавшись с дерева, отдается сначала воле ветра, а потом – течению реки. Его терзания и воспоминания о прошлом падают на дно – туда, где темно и тихо; его разум отделяется от тела и теперь скользит над глубиной, словно водомерка, легкий и невесомый.

СУМАСШЕДШИМ БЫТЬ ПРИЯТНО...

Ложь под балдахин, достойное королей. Ткань платья на ощупь кажется то гладким шелком, то грубой холстиной, а то и дырявой ветошью, и уже в следующий миг его пальцы касаются затейливых узоров из жемчуга и драгоценных камней. Но что платье? Она стягивает одежду, как змея – старую кожу.

Теплая плоть становится холодным камнем, а потом – хвостом, покрытым блистающей зеленой чешуей. «Поверь мне, – сказала она, – даже самая хрупкая из них в один миг ломает тебе шею своими тонкими изящными ручками». Нет-нет, не стоит и думать о морских девах. Перед ним – рядом с ним – в его руках – куда более могущественное и древнее создание.

Она опять смеется. Ее смех похож на звон хрустальных колокольчиков.

Тонкие пальцы касаются его лба – и назойливая водомерка испуганно несется прочь. Все, больше никто им не мешает; вода подымается все выше, в окна заглядывают мурены и кракены, медузы и кархадоны. Ее тело сияет во мгле – то податливое и теплое, то гладкое и чешуйчатое, то твердое как камень. Ее лицо все время меняется – прозрачный овал с кожей алебастрового цвета, а потом – острый подбородок, алые губы, печальные серые глаза... и чьи-то другие лица, которые он видит впервые, чтобы тотчас же позабыть навсегда.

Ее хриплое дыхание, ее жадные губы и руки – в пальцах словно нет костей.

Волны захлестывают с головой, водокрут тянет на дно.

Где-то наверху Великий Шторм с разноцветными глазами укоризненно качает головой.

Сначала пришли звуки. Где-то далеко-далеко слышались голоса – кто-то ругался, похоже, две женщины. Хриплый старческий смех, крик заплутавшей морской птицы, радостный детский возглас.

Солнечный лучик, проскользнув сквозь щель в разошедшихся ставнях, ужалил в глаза, и Хаген, не проснувшись до конца, резко сел. Куда это его занесло? Старый чердак, полный разнообразного хлама, давным-давно населенный лишь пауками... но отчего-то кругом пахнет не пылью и ветошью, а цветами, словно он ненадолго вернулся в Фиренцу. Пересмешник зажмурился: в голове все перепуталось, как будто кто-то взбаламутил воду в озере. Он был здесь с женщиной, чей образ верткой рыбешкой ускользнул из памяти. Ни лица, ни имени... Он даже не помнил, как попал сюда! Реальность причудливо перепуталась со сновидением, в котором таинственная незнакомка превратилась в морскую деву. Проще всего было предположить, что его опоили и ограбили. Пересмешник схватил кошелек, пересчитал монеты – нет, все на месте...

Через некоторое время Хаген вышел из заброшенного дома и оглянулся: старая развалина как будто глядела на нежданного постояльца с обидой за то, что он уходит так скоро. Здесь наверняка часто ночуют те, кому некуда идти, сказал себе пересмешник. Он просто оказался одним из многих, да и Мара тоже. Мара! Имя вернулось столь же неожиданно, как пропало. Что ж, неплохо.

Полдень давно миновал, и пересмешник почувствовал зверский голод. Нужно было отыскать поблизости какую-нибудь таверну, но если накануне он и успел что-то рассмотреть в этой части города, то теперь воспоминания улетучились.

Магус пошел куда глаза глядят.

– Эй, парень!

По другую сторону канала кто-то махнул ему рукой. Хаген, которому солнце светило в глаза, прищурился: незнакомец был очень высок, почти как Бэр, и столь же широк в плечах... Кто такой? Пересмешник не имел понятия.

– Как поживает твой дружок-выпивоха?

«Искусай меня медуза, это же Чокнутый Гарон!»

Не зная, как себя вести и чего может от него захотеть этот странный верзила, Хаген осторожно ответил:

– Отдыхает.

Он не стал уточнять, что Умберто успел отдохнуть в трюме, но Гарон и так все понял и добродушно рассмеялся, словно не было между ними никакой ссоры. При свете дня паленый по-прежнему выглядел громилой, но не казался таким грозным, и пересмешник позволил себе немного расслабиться.

– А ты что здесь делаешь? – спросил Гарон. – Чего забрел так далеко от пристани?

– Я... – растерянно протянул магус, не зная, что сказать. – Да так, гулял.

– Гулял, – Гарон понимающе хмыкнул. – А у меня тут сестра живет. Не хочешь с нами вместе пообедать?

Хаген уже знал, что в Кааеме частенько приглашают за стол первого встречного и отказываться от такого приглашения – себе дороже, ибо жители этого странного города легко переходят от сердечной дружбы к взаимной неприязни и наоборот. К тому же он и впрямь был голоден, так что предложение Гарона пришлось весьма кстати.

Вскоре пересмешник сидел за столом в просторной комнате, уплетал за обе щеки рыбный суп и вполуха слушал, о чем говорят брат с сестрой – Чокнутый Гарон и Нэлл, хозяйка дома.

Щуплая Нэлл, совсем непохожая на верзилу Гарона, приняла гостя радушно, словно его здесь давно и с нетерпением ждали; ее дети, троица голубоглазых сорванцов с выгоревшими на солнце волосами и веснушчатými щеками, пришли в полный восторг оттого, что у них в гостях матрос с самой «Невесты ветра», и засыпали Хагена вопросами о знаменитом фрегате и его капитане. За столом присутствовал также престарелый отец Гарона и Нэлл, на которого Хаген старался не смотреть. Он напоминал древнего рака-отшельника – худой, закутанный в одеяло чуть ли не с головой, с беззубым ртом и бессмысленным взглядом. Такая немощная старость пугала пересмешника, как и всех магусов, и отталкивала, словно постыдная болезнь.

По разговору Хаген понял, что Нэлл – вдова.

– А правда, что «Невеста ветра» кракена переборет? – спросил один из мальчиков и тотчас же получил подзатыльник от старшего брата.

– Конечно, балда! С кракеном любой большой фрегат справится, а вот водокрут... я слышал... это правда, да?

– Правда, – ответил пересмешник, ощущая внезапный прилив гордости. – Нет такого чудища, с которым «Невеста» не сумела бы справиться.

Ответом ему было восхищенное «А-ах!» в три голоса.

– Еще бы, – вдруг проронил Гарон. – Как же ей не справиться, когда она сама – чудище из чудищ?

Хаген отодвинул тарелку.

– Что ты сказал?

– Ты меня услышал. – Моряк усмехнулся, беззлобно и чуть снисходительно. – Фрегаты – такие же морские твари, как мерры, кархадоны и прочая. Попробуй, возрази.

Наверное, кто-нибудь другой на месте Хагена без лишних слов полез бы в драку, но пересмешник призадумался и, к собственному удивлению, понял, что возразить не сумеет. Ни для кого из моряков не было секретом, чем рано или поздно заканчивается жизненный путь любого фрегата, но говорить об этом в таком тоне никому из них и в голову не приходило.

– Ну да, они морские создания, – сказал пересмешник. – Сродни кракенам, муренам... и кархадонам. Заступница, о чем я?... Ты ведь знаешь сам, они и есть кархадоны. Но что с того?

– Они твари! – На лице Гарона читалось неприкрытое отвращение. – И навигаторы их – нелюди.

«А кое-кто – даже в большей степени, чем ты думаешь», – подумал Хаген. Вслух же он просто спросил:

– Почему?

Блаженная расслабленность выветрилась без следа; магус осознал в полной мере, что сидит за одним столом с почти незнакомым человеком, которому, похоже, не зря дали прозвище Чокнутый. Фрегаты ему не нравятся, надо же! Морские твари! Земля для него, должно быть, слишком грязная, камень – жесткий, а океан – чересчур соленый.

Гарон смотрел на Хагена, посмеиваясь.

– Ты давно в море?

– Не очень, – признался магус. – Но я много успел повидать. Экватор прошел...

– Эква-атор... – протянул верзила. – И как оно тебе – понравилось?

– Ты мне зубы не заговаривай, – нахмурился Хаген. – Давай объясни. Отчего так не любишь фрегаты? Сам ведь моряк. Или я чего-то не понял?

– Ты вообще ничего не понял, потому что думать разучился, – сообщил Гарон. – Капитан тебя в команду принял и с тех пор, считай, за тебя думает. Ему ведь без надобности, чтобы ты соображал, ему другое нужно – чтобы кто-то тварюшку его любимую мыл, чистил, защищал при случае. Сам-то не справится, вот и собирает дурней, в море влюбленных. Всего делов-то – выпросить согласие, руку пожать, и дело с концом! Полезай, рыбка, чудищу в пасть.

– Я и впрямь перестал тебя понимать, – сказал Хаген, мрачнея. Нэлл и дети сидели молча, не поднимая глаз; лишь их присутствие успокаивало пересмешника. – Чего ты хочешь от меня? Знал ведь, кого в дом ведешь... так зачем же...

– Да не нужно мне от тебя ничего! – Гарон вздохнул. – Просто показалось вдруг, что ты не такой, как остальные... есть в тебе что-то... странное. Должно быть, это из-за того, что ты еще молод.

– Все там будем, – вдруг произнес старик на удивление четко и громко, глядя перед собой невидящим взором. – Молодые ли, старые – всех Великий Шторм заберет к себе! И будет каждый в одиночестве дожидаться конца мира, когда придет Меррская мать и пожрет всех и вся...

– Тише, тише... – Нэлл подошла к отцу, положила руку ему на плечо. – Не надо про тварь... ты не в море, ты дома...

Хаген и Гарон переглянулись.

– Нет иного пути через океан, кроме как с помощью фрегата, – сказал магус. – Ты должен это...

– Есть путь! – перебил Гарон, просияв. Он как будто ждал именно этих слов. – Только о нем пока что слышать никто не хочет. Ребята, принесите-ка мой сверток!

– Братец, не надо... – встревожилась Нэлл. – Ты и так уже утомил гостя, перепугал его. Не стоит еще и это показывать!

– Молчи, женщина! – рявкнул моряк. – Он сам меня попросил!

«Какого кракена я сюда пришел?» – мрачно подумал Хаген.

– Вот, смотри! Красиво, правда?

Сдвинув в сторону тарелки, на обеденном столе разложили несколько затрепанных листов, испещренных странными рисунками и корявыми надписями, покрытых кляксами и жирными пятнами.

Хаген смотрел – и не видел ничего, что можно было бы назвать красивым.

Он вообще не понимал, о чем речь.

– Вот это ребра, – вдохновенно рассказывал тем временем Гарон, не замечая, что его собеседник пребывает, мягко говоря, в недоумении. Мальчики устроились подле дядюшки, с интересом поглядывая на Хагена; сами они, похоже, видели рисунки не раз. – Сверху обшить их досками, а потом щели законопатить... ну, чтобы не было течи. Вот это нос, а это... соображаешь?

– Корма, – пробормотал магус, который и впрямь начал кое-что понимать. – А это, значит, мачта? Раздери меня кракен...

Гарон расхохотался.

Свое прозвище он и впрямь заслужил: рисунки, напоминавшие рыбы скелетики, изображали фрегаты – но не сотворенные Океаном, а сделанные из дерева! «Заступница... – подумал Хаген. – Надо поскорее отсюда удирать. Это же надо – деревянный корабль!»

Любопытство, однако, помешало магусу уйти сразу же.

– А паруса? – спросил он неосторожно, и получил в ответ язвительное замечание, дескать, добротная холстина ничем не хуже перепонки, натянутой между реями фрегата. Надо лишь придумать, как их собирать, но тут Гарон намеревался позаимствовать опыт у шкиперов дохлых кораблей. Собственные паруса трупыходов приходили в негодность после первого года службы, и их приходилось заменять на тканые.

– Нет ничего незаменимого! – заявил Гарон. – Дело за малым – построить его, и тогда владычеству морских тварей конец!

Пересмешик смотрел на верзилу-моряка со смесью жалости и презрения, но на лице его отражалась лишь вежливая заинтересованность. Было ясно, что Гарон додумался построить фрегат из дерева вовсе не от хорошей жизни. Что там говорила девушка в «Веселой медузе»? Хаген никак не мог вспомнить, но определенно в прошлом у Гарона крылась какая-то темная история. Что ж, странные чертежи вполне можно было воплотить в жизнь – если, конечно, отыскался бы второй безумец, способный потратить немалые деньги на подобное сумасбродство. Но зачем? Для чего строить из дерева жалкую посудину, которая будет лишена разума и никогда не сравнится с живым фрегатом, бесстрашно преодолевающим шторм и на равных вступающим в бой с морскими чудовищами?

Какой дурак выйдет в море на корабле, который не способен думать и любить?

– Молчишь, да? – самодовольно спросил Гарон. – Я знал, что ты удивисься.

В дверь постучали.

Нэлл пошла открывать, и Хаген возликовал: наконец-то у него появился предлог тихонько уйти, не разозлив хозяина. Обо всем случившемся он расскажет капитану – то-то Крейн посмеется!..

– Добрый день, хозяйка! – раздался знакомый голос.

Нэлл, ахнув, отступила от двери. Гарон поднял голову – и его лицо исказила гримаса такой лютой ненависти, что Хаген невольно вздрогнул, нехотая вспомнив: он все еще безоружен.

На пороге стоял сам Кристоаль Крейн.

– Не приглашаете? – поинтересовался он, иронично улыбаясь. – Где же ваше хваленое гостеприимство, жители Каамы?

– Поди прочь, нелюдь! – глухо прорычал Гарон. – Вон из моего дома!

– До чего жестоко! – Крейн картинно вздохнул. – Мне не рады. Что ж, придется уйти... Хаген?

– Я с вами, капитан! – отозвался пересмешник, не скрывая вздоха облегчения. Каким чудом феникса занесло в этот отдаленный квартал?.. – Я с вами, – повторил пересмешник и вдруг понял, что именно произошло.

– Теперь понимаешь? – хрипло проговорил Гарон, устремив на Хагена безумный взгляд. – Он пришел, потому что почувствовал опасность! Он читает твои мысли, дурень, он думает за тебя! И пока это будет длиться, ты никогда не станешь по-настоящему свободным! Проснись же, проснись наконец!

Молодой моряк посмотрел на своего капитана, словно ожидая, что тот что-нибудь скажет, – но Крейн не издал ни звука. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, и наблюдал, словно происходящее его вовсе не касалось.

– Будь ты проклят, – вдруг негромко проговорила Нэлл, и предназначались эти слова вовсе не капитану «Невесты ветра». – Ты позоришь меня перед людьми вот уже десять лет и теперь хочешь, чтобы нашим врагом стал лучший капитан в Океане? Да чтоб ты провалился на самое дно вместе со своими глупыми мечтами, чтоб тебя Шторм забрал!

– Нэлл, ты что... – ошеломленно пробормотал Гарон.

Но тут Крейн перебил их обоих, приложив палец к губам:

– Тс-с, тише! Неосторожные слова имеют обыкновение сбываться в самый неподходящий момент, поэтому не стоит произносить вслух то, о чем можешь впоследствии пожалеть. Я вовсе не обижен, хозяйка! И не стоит, право слово, из-за такого пустяка ссориться брату с сестрой.

Все замолчали; женщина, всхлипнув, вытерла глаза краешком фартука.

– А правда, что «Невеста ветра» любое чудище в океане переборет? – осмелев, спросил один из мальчиков. – Даже самое страшное?

– Правда, – без тени улыбки ответил феникс. – Потому что чудище одно, а мы с ~Невестой~ – вместе.

– Капитан, вы ведь что-то знаете о нем? О Гароне?

Они медленно шли вдоль канала. Феникс казался погруженным в раздумья и не спешил затевать беседу, но Хаген не мог молчать.

– Знаю. Мы знакомы давно. А ты уверен, что хочешь услышать эту историю?

– Конечно, – кивнул пересмешник. – Он странный... тогда, в «Веселой медузе», от него пахло звездным огнем. Эти его дурацкие деревянные посудыны... Как он стал паленым, капитан?

Крейн вздохнул:

– Примерно десять лет назад Гарон был капитаном небольшого фрегата, носившего милое имя «Любимая». Пиратством он не занимался, а занимался понемногу тем и этим, как водится на Окраине. Встретил девушку-рыбачку, в которую влюбился без памяти, и она ответила ему взаимностью. Как говорится, совет да любовь. Сыграли шумную и веселую свадьбу, после чего Гарон и «Любимая» ушли в море. Он обещал жене вернуться через три недели, а вернулся через две. Как думаешь, почему?

Хаген пожал плечами:

– Хотел проверить, как она без него живет? Или заподозрил что-нибудь...

– Какой ты недоверчивый! – хмыкнул Крейн. – Он соскучился, только и всего. Они по-настоящему любили друг друга, и каждый день в разлуке превращался для них в сущую пытку, поэтому в следующий раз «Любимая» опять вернулась домой раньше обещанного срока. Когда другие навигаторы заметили, что Гарон жить не может без своей жены, ему напомнили, что женщина на борту приносит несчастье, пусть даже присутствует там лишь в воспоминаниях, – дескать, поостерегся бы. Они, конечно же, желали Гарону только добра, но вышло совсем наоборот: «Плевать мне на глупые поверья!» – заявил он и... взял жену с собой в очередной рейс. Ничем хорошим это, естественно, не кончилось.

Капитан замолчал. Они как раз шли по мосту через широкий канал, и Крейн, остановившись у перил, отрешенно уставился на воду. Хаген терпеливо ждал продолжения истории, и через некоторое время Крейн заговорил опять:

– На этот раз «Любимая» к назначенному дню не вернулась. Такое случается, поэтому если кто и встревожился, то лишь родственники. Где-то через неделю пришел другой фрегат, и стало известно, что «Любимая» до порта назначения так и не добралась. Тогда друзья Гарона отправились на поиски, но – безрезультатно. И вот, когда «Любимую», ее капитана и всех, кто находился на борту, уже признали покойниками, Гарон вдруг объявился в какой-то таверне Каамы – исхудавший, оборванный, с горящими глазами. Как он там оказался, я не знаю. Люди разное твердили – вроде приплыл на маленькой лодочке, которая опрокинулась недалеко от берега и ушла обратно в море. Так или иначе, Гарон молчал, на вопросы отвечал невпопад, а при одном лишь упоминании «Любимой» нес совершенную околесицу. Он был, без сомнения, безумен. И все-таки, слово за слово, нам удалось вытянуть из него рассказ о том, что произошло... но лучше бы он, искусай меня медуза, и вовсе утратил дар речи.

– Капитан, если вы не хотите об этом рассказывать...

– Молчи и слушай. Ты сам этого хотел. Он поведал нам, что дней десять все было хорошо, а потом фрегат повел себя очень странно. Простейшие команды выполнял тяжело, с явной неохотой, затем и вовсе заартачился. По ночам матросам стали сниться кошмары. Гарону бы следовало понять, что происходит, но он был слишком опьянен своей молодой женой, слишком уж погрузился в любовь. И «Любимая», ставшая теперь «Брошенной», ему отомстила так, как умеют это делать только фрегаты: однажды утром Гарон проснулся и обнаружил, что жены рядом с ним нет. Он вышел на палубу – там тоже было пусто. Спустился в кубрик, а там все в кро...

– Хватит! – взмолился Хаген, с трудом удерживаясь от желания закрыть уши и убежать прочь. Его колотила сильная дрожь, рубашка промокла от пота, а в голове билась лишь одна мысль: если он узнает, что увидел Гарон в кубрике, то никогда больше не осмелится ступить на борт «Невесты ветра». – Не надо!

– Ты смотри... – сказал Крейн, усмехнувшись. – Я и не думал, что ты такой впечатлительный. Что ж, поверья на пустом месте не возникают, да и песни зря не поются. Помнишь, есть такая – про капитана и его десять жен? Все дело в том, что женщин может быть сколько угодно. Но ни одну из них капитану нельзя любить, иначе... ты понимаешь, да?

Конечно, пересмешник понял – и отчаянно пожалел, что затеял этот разговор, столь неприятный для обоих. Он выругал себя за неосмотрительность и уже собрался попросить у Крейна прощения, как вдруг позади раздался звонкий мальчишеский голос:

– Капитан Крейн! Капитан! А я как раз вам письмо несу!..

Запыхавшийся посыльный протянул Кристобалью Крейну конверт и застыл, устремив на капитана восторженный взгляд. Магус бросил ему монетку и углубился в чтение; сорванец отбежал в сторону и замер, словно послушный щенок. Послание оказалось длинным. Хаген, исподволь наблюдая за фениксом, понял: что-то случилось, но вот хорошее или плохое? Хотелось бы знать...

– Надо же, как быстро, – пробормотал магус, пряча письмо. – Но это к лучшему, кракен меня поberi!

– Его величество ждет ответа, – подал голос мальчишка. – Он просил...

– Ответ я доставлю сам, – сообщил Крейн, уже не скрывая широкой улыбки. – Чего это вдруг Лайра передает мне приказы через курьеров, как обычному наемнику? Нет, я хочу с ним поговорить. А ты, если хочешь, беги вперед – предупредить.

Мальчик так и сделал – припустил по мостовой, только пятки засверкали.

– Ступай-ка на ~Невесту~, – сказал капитан, повернувшись к своему матросу. – Я скоро буду. Подготовка к отплытию начнется... прямо сейчас.

– Сейчас? – ошеломленно пробормотал Хаген. – Мы что же, куда-то отправимся уже сегодня?

– Нет, через год! – рявкнул Крейн. – Ноги в руки и марш на борт! Ты отлично отдохнул, а теперь не грех и поработать!

Хаген помчался вперед, и присутствие живого корабля в его разуме вновь сделалось таким же сильным, как раньше. Выходит, со вчерашнего вечера он был свободен, насколько это представлялось возможным? Теперь благодаря «Невесте ветра» пересмешник чувствовал, насколько взволнован капитан Крейн: феникс походил на кипящий котел. И последние слова он произнес таким тоном, словно точно знал, с кем именно Хаген... отдыхал.

Впрочем, пересмешник наверняка обознался.

– ...Ты сумеешь? – Дядюшка Пейтон пытливо смотрел ему в глаза, хмурился, словно не решаясь высказать вслух сомнения. – Ты ведь еще так молод. И там не будет помощников, все придется делать самому.

Хаген с трудом сдержал раздражение. Ну что за разговоры, он ведь уже не ребенок!

– Я все сделаю в лучшем виде, не беспокойтесь. Вы получите свой пакет в целости и сохранности.

– Ну-ну, – только и сказал Пейтон. – Желаю удачи.

Хаген жил в доме дяди уже полтора года и все это время – не считая тех счастливых дней, когда Пейтон неважно себя чувствовал, был занят или куда-то уезжал, – усердно постигал сразу две науки. Об одной он знал с детства, о другой впервые услышал от Пейтона и втайне считал, что в конце концов превзойдет дядю в обеих. Впрочем, для этого еще надо было как следует потрудиться.

– Покажи, что ты умеешь, – сказал Пейтон, когда начался их первый урок. – Измени себя, не изменяя себе.

Это была одна из его любимых фраз.

Хаген пожал плечами, хмыкнул и спрятал лицо в ладонях – так всегда делала тетя Эвелла, которая и обучила его основам самопреобразования. Через минуту он убрал руки, зная без зеркала, что выглядит по-другому. Цвет кожи, разрез глаз, форма рта – изменять все эти черты было на самом-то деле не очень трудно.

– И это все?.. – проговорил Пейтон с глубоким презрением. – Смотри и учись.

Он не прятал лица, и Хаген впервые увидел, как оборотень выглядит со стороны в один из самых интимных моментов своей жизни. Его замутило. Кожа на лице Пейтона истончилась и поплыла, словно восковая; хрящи задвигались, меняя расположение. Длинный нос слегка укоротился, скулы стали выше, очертания лица – мягче. Глаза распахнулись с удивленным выражением, брови сделались изящными, а губы – полными и... чувственными.

– Да, мой дорогой племянник, – проговорил Пейтон незнакомым высоким голосом, в котором явственно слышалась насмешка. – В теле пересмешника есть только три постоянные: пол, цвет глаз и костяк. Если верить легендам, во времена Основателей наши предки были двуполыми и лепили из своих тел все, что хотели, но этому нет подтверждений. Впрочем, как ты сам убедишься, некоторые преграды можно преодолеть, не прибегая к нашим особым способностям.

Он убедился. Он все изучил: как красить волосы, какие снадобья капать в глаза, чтобы изменить их цвет, какую одежду носить, чтобы скрыть то, что не поддается преображению. Наблюдая, как менялась со временем фигура Хагена, Пейтон ворчал, что через пару лет племянник сделается слишком рослым и широкоплечим, чтобы изображать девушек; юный пересмешник всякий раз тайком вздыхал с облегчением и мысленно благодарил Безликую-безымянную, небесную покровительницу клана.

Вторая наука, которую он изучал под руководством Пейтона и по книгам, оказалась сложнее, опаснее и требовала больше времени. Это была наука о ядах. Пейтон заставил племянника вызубрить названия и описания трех сотен растений, способных вызвать легкое недомогание, головокружение, глубокий многодневный сон, потерю памяти и многое другое – включая, разумеется, смерть. Хаген как-то раз осмелился спросить, зачем все это нужно, и Пейтон тотчас же ответил:

– Если в твоих руках нож, это еще не значит, что ты кого-то зарежешь. Ножом можно пустить кровь, а можно и очистить яблоко от кожуры. Тебе решать. Но, чтобы сделать правильный выбор, надо хотя бы понимать, с какой стороны у ножа рукоять и насколько он остер.

Хагена устроило это объяснение.

В доме Пейтона, кроме Хагена и Триссы, жили еще два «кузена» – дальних-предальных, да к тому же бескрылых. Они помогали Пейтону в лавке, и незадолго до своего первого – долгожданного! – задания Хаген принялся развлекаться, изображая то одного, то другого из них. Парни были постарше, но примерно одного с ним роста и схожего телосложения, и он жаждал применить на практике усвоенные тонкости наложения грима и прочие хитрости. Бедолаги всякий раз попадали впросак, чем юный оборотень был весьма доволен. Пейтона его проделки веселили, а вот Трисса... Трисса стала его игнорировать, уделяя подругам, книгам и одиноким прогулкам по городу куда больше внимания, чем ему хотелось бы. Наверное, она ему завидовала – сама однажды призналась, что оборотень из нее никудышный.

Настал день, когда Пейтон осторожно намекнул племяннику, что намерен поручить ему некое дело, – и тот с восторгом согласился. Недолго посомневавшись, дядюшка объяснил:

– Видишь ли, мой мальчик, в западной части города проживает некий Тео, художник. Как мне удалось разузнать совершенно случайно, он получил на днях письмо от Аматейна... очень важное письмо. И мне во что бы то ни стало нужно его раздобыть, потому что... хм... если я узнаю, что в нем написано, то смогу... смогу на шаг приблизиться к восстановлению нашего доброго имени! Так вот, ты когда-то обещал мне, что выполнишь любое поручение во благо клана...

– Приказывайте, дядя! – сказал Хаген. Что именно он говорил во время их первого откровенного разговора, юноша давным-давно позабыл, но ненавидеть капитана-императора не перестал. – Я сделаю все, что нужно.

А нужно было всего-то спуститься в лавку, где кузены беседовали с каким-то покупателем, хорошенько этого незнакомца рассмотреть – но так, чтобы он ничего не заметил, – и

надеть его лицо. После этого следовало отправиться в дом к тому самому художнику, войти по-хозяйски, не обращая ни на кого внимания, и забрать пакет. Дядя заботливо приготовил подробный план дома – и где только раздобыл? – описал печать, которая скрепляла столь необходимое ему письмо, и даже отыскал где-то плащ, украшенный богатой вышивкой.

Итак, если не брать во внимание легкие угрызения совести, дело было плевое.

– Тебя не остановят, ни о чем не спросят, – сказал Пейтон. – Хозяин дома сегодня ужинает у правителя Фиренцы. А этот человек... ну, которого тебе нужно изобразить... они очень близкие друзья...

Хаген поморщился – он уже знал о странных привычках соловьев и прекрасно понял, насколько близка эта дружба. Но волшебные слова «во благо клана!» прозвучали.

– Я все сделаю в лучшем виде, не беспокойтесь.

И сделал. Спустился на первый этаж, скользнул взглядом по одинокому посетителю, которого обихаживали сразу два дядиных помощника, а через порог шагнул уже с новым лицом – смазливой физиономией изнеженного юноши, с капризным ртом и причудливо изогнутыми бровями, правая выше левой. Волосы он с первого дня в Фиренце красил в черный цвет, и это оказалось весьма кстати. Никто – кроме, быть может, умелого щупача – не распознал бы подделку.

По пути к особняку художника Хаген с трудом сдерживался, чтобы не побежать, но вовсе не от боязни – просто во всем теле появилась странная легкость. Казалось, он мог бы и взлететь! Не замедляя шага, самозванец вошел в чужой дом, походя отвесил пощечину мальчишке-слуге, не успевшему вовремя открыть дверь, и нахально украл из вазы красное яблоко.

Забрал пакет и был таков.

Обратно Хаген шел уже со своим лицом, не торопясь, и попал под ледяной ливень. Дома юный пересмешник только и успел, что передать пакет дяде, а потом рухнул в постель. К вечеру у него начался жар, и целых пять дней он пролежал в лихорадке, то и дело проваливаясь в беспамятство.

Еще до захода солнца «Невеста ветра» вышла из гавани Каамы и направилась на северо-запад. В тот же вечер капитан собрал в своей каюте тех, с кем привык советоваться, – и как-то само собой получилось, что пересмешник оказался в их числе. Компания и без него была довольно странной: Джа-Джинни, чьи крылья то и дело задевали что-нибудь из предметов обстановки, молчаливая Эсме, уделявшая больше внимания своему ручному зверьку, чем важному разговору, и злой Умберто, исхудавший и осунувшийся.

– Дело принимает интересный оборот, – сказал Крейн. – Хотел бы я знать, кого Лайра послал бы в Ямаоку, не окажись мы поблизости.

– Он отправился бы туда сам, – проговорил крылан и хмыкнул. – Тебе это известно не хуже, чем мне. Давай-ка еще раз попробуем разобраться в этой запутанной истории, пока есть время.

История и впрямь была странная. Правитель города Ямаока сообщил его величеству, что вся питьевая вода в городе отравлена неизвестным ядом, от которого люди погружаются в беспробудный сон. Пока что правителю удалось остановить распространение заразы, но город без воды оказался в бедственном положении – и просил помощи у короля.

– ...Самое главное! – проговорил Крейн, завершая рассказ. – Из письма Нами следует, что в этом каким-то образом замешаны магусы. Правитель изъясняется очень витиевато, но все-таки ошибка исключена – небесные дети имеют отношение к происходящему. Конечно, мы всё увидим, прибыв в Ямаоку, но, мне кажется, кое-какие выводы можно сделать сейчас.

Он замолчал, многозначительно глядя на своих помощников.

– А вдруг это не яд, а болезнь? Но трудно сказать что-то определенное, не видя больного, – задумчиво произнесла Эсме. – Если бы я хоть знала, что попытался предпринять их целитель и почему у него ничего не вышло...

– В Ямаоке нет целителя, – сказал Крейн. – Как и в Кааме, а также в Лейстесе. Слуги Эльги здесь, на Окраине, встречаются необычайно редко. Разве ты это не поняла после того, что приключилось с сыном Зубастого Скодри?

Эсме растерянно взглянула на капитана:

– Но почему?!

– Понятия не имею. Это всем известный факт.

– Гм, Кристобаль, а ведь и в самом деле странная вещь, – встрял Джа-Джинни. – Я как-то раньше над этим не задумывался. Неужели целители на Окраине просто не рождаются? Те немногие, кто все-таки сюда попадал, были родом из других краев, вот как наша Эсме. Чудно, не находишь?

Крейн дернул плечом и неохотно кивнул – да, чудно. Капитану явно не нравилось, что разговор начал плавно утекать в другую сторону, но почему-то он не торопился осаживать крылана, которого неожиданное открытие очень увлекло. В конце концов это сделала Эсме:

– Ладно, Джа-Джинни! Рождаются целители в здешних городах или нет, это нам сейчас не поможет. Я вот о чем подумала: из известных ядов три или четыре вызывают сон, подобный смерти...

«Восемь», – мысленно поправил ее Хаген.

– Точнее я смогу сказать, когда увижу отравленных, – договорила целительница.

– И ты с любым ядом справишься? – поинтересовался Джа-Джинни.

– Хотела бы я сказать, что справлюсь хоть с одним... – Она вздохнула. – Мне лишь три-четыре раза приходилось исцелять тех, кто чем-то отравился, и всегда рядом был Велин.

– Ничего страшного, – утешил ее Крейн. – У нас есть еще один знаток.

– Да что ты говоришь? – с наигранным удивлением проговорил крылан. – Кто бы это мог быть?

Пересмешник нахмурился и стиснул зубы. Крейн посмотрел на Джа-Джинни, и Хагену показалось, что он услышал длинную, но неразборчивую фразу, произнесенную строгим тоном. Крылан ухмыльнулся и пожал плечами – виноватый вид у него определенно не получился. Хаген приказал себе успокоиться и выдохнуть.

Феникс продолжил как ни в чем не бывало:

– Сейчас меня гораздо больше интересует, кому и зачем это понадобилось.

– Так ведь ясно все! – впервые подал голос Умберто. – Кто-то устроил ловушку для Лайры, а он отправил в нее нас. Проще некуда, капитан!

– Но кто именно? – переиначил свой вопрос Крейн. – Не похоже на Вейлана или Торрэ, слишком уж изобретательно.

– Считаешь, капитан-император нашел нового помощника? – спросил Джа-Джинни. Его когти барабанили по столу, выдавая беспокойство. – Думаешь, нас поджидает кто-то незнакомый?

Магус промолчал.

– Хаген, а тебя не тревожит, что в Ямаоке мы можем встретиться с Грейди? – вдруг произнес Умберто невинным тоном, как будто речь шла о пустяке. Пересмешник вздрогнул от неожиданности – и наконец-то понял, отчего при слове «Ямаока» в глубине его души всякий раз просыпается легкая тревога.

– Не думаю, что он все еще в городе, – сказал он, стараясь говорить небрежно. – Молодой и умелый моряк давно должен был подыскать себе другой фрегат.

– Моряк, отставший от корабля, – насмешливо уточнил Умберто. – Моряк, спяну проспавший отплытие. Нет, я уверен – он все еще там. Ждет тебя.

Пересмешнику с трудом удалось сохранить бесстрастное выражение лица. Если Умберто сказал правду, выходит, из-за его поступка Грейди очутился в некоем подобии «Веселой медузы», среди негодяев и неудачников... Нет-нет, такого не могло случиться. Недотепа давно нашел себе новое место и сейчас находится очень, очень далеко от Ямаоки. Они никогда больше не встретятся, потому что Океан безграничен и островов в нем многие тысячи.

– По всей вероятности, ты прав, – сказал Джа-Джинни. – В сезон дождей, зимой, вообще шансов наняться мало, а тут еще скандал... Кристобаль, ты как считаешь?

– Никак, – ответил магус, которого вдруг удостоил вниманием ларим Эсме – прыгнул на колени, встал на задние лапки и принялся обнюхивать лицо, смешно поводя усатой мордочкой вверх-вниз. – Грейди сам себе хозяин, его судьба меня не волнует. Если это кому-то не нравится...

Ларим лизнул его в нос.

– Несправедливо! – заметил Джа-Джинни. – Нас он только кусает, а тебя, смотри-ка, полюбил!

– Он просто понял, кто здесь главный, – отшутился Крейн и аккуратно передал Сокровище смущенной целительнице. Хагену показалось, что, если бы она не удержала своего питомца, тот бы опять перепрыгнул на колени к капитану.

Разговор зашел о всяких мелочах, и о Грейди все забыли – все, кроме пересмешника. Внезапно открывшаяся истина не давала ему покоя: выходит, он снова разрушил человеческую жизнь, не испытав при этом никаких угрызений совести. «Хеллери была права, – подумал он, ощущая странную тяжесть в груди. – Пейтон был прав. Вечно я все порчу!»

От тягостных раздумий его отвлек пристальный взгляд Эсме: целительница смотрела так, словно знала его подлинную историю... Хотя нет, как раз наоборот. Будь ей известно, каков он на самом деле, ни за что не взглянула бы с сочувствием, вообще перестала бы его замечать – и поделом! «Прости, – сказал он мысленно. – Когда-нибудь ты все узнаешь и станешь с негодованием вспоминать, как позволила подлому оборотню себя обмануть».

Эсме почему-то улыбнулась.

Тем же вечером он обнаружил у себя на койке небольшой пакет с порошком, похожим на угольную пыль. Не составило особого труда поймать юнгу за шиворот и вытянуть из него признание: пакет передала целительница.

– А что это такое? – не сдержавшись, любопытствовал мальчишка, но оборотень не стал ничего объяснять – слишком уж он был растерян.

Их с Эсме путешествие по рынку получилось столь захватывающим, что Хаген вспомнил о краске для волос, только когда Каама исчезла за горизонтом. Он не винил целительницу – уж скорее в этом была виновата Мара, – но упущение оказалось, без сомнения, весьма досадным. «Ты не обязана была исправлять мою ошибку, – сказал бы он, окажись Эсме сейчас рядом. – Неужели ты всегда думаешь не только о себе, но и о тех, кто рядом?»

Краска оказалась черной.

Не обращая внимания на любопытные взгляды матросов, он занялся привычным делом, а вскоре уже разглядывал свое отражение в одолженном мутном зеркале с трещиной и пытался оценить результат. «Измени себя, – вдруг произнес в его голове голос Пейтона, – не изменяя себе».

Пересмешник сосредоточился.

Лицо в зеркале вытянулось, под потемневшей кожей сильнее выступили скулы; правую щеку рассек бледный шрам. Рот сделался немного больше, губы искривились в ироничной усмешке...

– А-ах! – выдохнул Кузнечик. – Вот это да!

Сделать глаза разноцветными Хаген не мог, но не только из-за них лицо Крейна у него получилось не таким, каким должно было быть. Он что-то упустил в выражении – прищур? Напряженную морщину между бровями? Насмешливую полуулыбку?

– Огня тебе не хватает.~

«В глазах?»

– В душе.~

Хаген не понял, шутил феникс или нет, но на всякий случай решил больше не изображать Крейна.

Разве что капитан сам попросит.

Между тем погода благоволила «Невесте ветра», и путь до Ямаоки занял всего-то пять дней – как сказал Крейн, быстрее добрался бы только сам Великий Шторм.

Город, оставшийся в памяти пересмешника полным ярких огней и развеселой музыки, казался удивительно тихим и пустым, и это заметил не только он.

«Как будто вымерло все», – пробормотал крылан. Феникс, стоявший поблизости, кивнул – не то услышал, не то разговаривал мысленно сам с собой или с «Невестой».

Когда фрегат причалил, Хаген сошел на берег следом за капитаном и увидел, что там их поджидает какой-то человек – средних лет, худой, с бледным усталым лицом и жидкими рыжеватыми волосами. Он выглядел как тот, кто проводит все время за книгами, но по приветствию Крейна стало ясно, что это и есть правитель Ямаоки – Кестер Нами.

– Рад встрече! – сказал феникс, когда они пожали друг другу руки. – Хотя, разумеется, лучше бы повидаться в более радостное время.

– Что поделать, мы не властны над судьбой... – ответил правитель. – Хорошо, что Лайра прислал именно вас...

Учтивые слова были сказаны таким тусклым и безжизненным голосом, что всем сразу стало понятно: пока птичья почта доставила письмо правителя в Кааму и пока «Невесту ветра» нес попутный ветер, что-то успело измениться. И явно не в лучшую сторону.

– Рассказывайте! – потребовал Крейн без лишних слов. Его лицо было обеспокоенным, как того требовали обстоятельства, но в глазах плясали огоньки: феникс скучал без дела сильнее, чем казалось. – Его величество не соизволил сообщить детали, поэтому хотелось бы всю историю услышать от вас, с самого начала.

– Услышать... – Нами тяжело вздохнул. – Пожалуй, лучше увидеть.

И правитель предложил капитану «Невесты ветра» совершить небольшое путешествие за город, на что Крейн, разумеется, тотчас же ответил согласием и предупредил, что возьмет с собой двух человек. Хагена и Умберто.

«Что-то мне это не нравится...» – нахмурился пересмешник.

Вскоре подвели лошадей. Нами заметно приободрился – то ли его воодушевило прибытие «Невесты ветра», то ли правитель просто взял себя в руки. Он с неожиданной ловкостью прыгнул в седло и велел следовать за ним, обронив при этом загадочное замечание:

– Надеюсь, увиденное не заставит вас растеряться, как это вышло с нами.

Они отправились в путь, совершенно заинтригованные. Миновали пристань, вскоре выехали за город. Вымощенная светло-серым камнем дорога вилась змеей, поднимаясь все выше и выше: Ямаока лежала у подножия гор, укрытых лесом, словно темным одеянием. «Куда же он нас ведет? – думал Хаген, изредка поглядывая по сторонам. Он давно уже не ездил верхом и слегка побаивался лошади, а норовистая гнедая кобыла это чувствовала. – Что-то тут нечисто!»

Крейн, однако, не выглядел обеспокоенным, так что пересмешнику оставалось лишь набраться терпения.

Сверху открывался прекрасный вид на город: люди на пристани суетились, будто муравьи, «Невеста ветра» горделиво покачивалась у причала. Дома утопали в зелени, на площадях тут и там серебристо посверкивали фонтаны – и при виде воды Хаген сначала вспомнил про оставшуюся в Каае женщину, назвавшуюся Марой, а потом усилием воли вынудил себя думать про яд. Только про яд. Ни о чем другом, кроме яда. Эсме осталась внизу; при виде лошадей целительница до смерти перепугалась, и Крейну пришлось ее успокаивать, твердя, что в предложенную Нами «экспедицию» отправятся только три члена команды, включая его самого. Хаген рассеянно отметил про себя, что такой страх перед лошадьми сложновато объяснить; в пору решить, что в детстве девушку напугал какой-нибудь грозный всадник. Впрочем, зачем пересмешнику чужие тайны – своих достаточно.

Через некоторое время Нами придержал поводья и выждал, пока спутники поравняются с ним.

- Мы почти на месте, – негромко сказал он. – Дальше пойдем пешком.
- Куда? – не утерпел Умберто. – Что вы прячете в горах? Я не...
- Сейчас вы всё увидите сами, – перебил правитель. – Она совсем близко.
- «Она?..» – мысленно переспросил Хаген.

Крейн промолчал.

Они привязали лошадей к дереву и сошли с дороги. Продираясь сквозь густой кустарник, Хаген уже не оглядывался по сторонам; внутренний компас безошибочно указывал, что «Невеста ветра» осталась у него за спиной. Теперь они уже не поднимались по склону горы, а спускались. Вскоре в зарослях показался просвет, и идущий впереди Нами остановился.

Перед ними лежала глубокая лощина, которую перечеркивала странного вида конструкция, похожая на двухъярусный мост. Что-то летящее, кружевное почудилось Хагену в ее очертаниях, и, залюбовавшись прекрасным зрелищем, магус не сразу осознал, что именно видит.

Древний водовод, каким-то чудом переживший... века? Нет, скорее, тысячелетия.

– Вот она, эта дрянь, которая портит нам воду, – проговорил Нами без грусти, но с внезапной яростью. – Воду и жизнь.

Северная часть водовода была, как показалось Хагену вначале, спрятана в тени; после слов Нами он понял, что «тень» лежит неправильно. Словно откликаясь на его мысли, черное покрывало, окутывавшее сразу три арки в верхнем ряду моста, шевельнулось – как на ветру, которого не было и в помине.

– Раздери меня кракен! – ахнул Крейн. – Что это такое, Нами? Откуда оно взялось?

Правитель покачал головой:

– Хотел бы я знать. Оно просто... возникло, как будто с неба упало... вот, смотрите! Начинается!

Тварь начала раздуваться и очень быстро из тонкого «покрывала» превратилась в огромный бесформенный нарост вроде грибов, уродующих стволы старых деревьев. Теперь она сделалась уже не черной, а темно-серой, и даже издали было видно, как по ее шкуре пробегают волны. Свисающие щупальца мерзко зашевелились, три самых длинных поднялись, и Нами отпрянул под сень деревьев, увлекая Крейна и его помощников за собой.

Миг спустя что-то ярко вспыхнуло. Раздался оглушительный треск.

– Здесь безопасно, – сказал Нами, оправдываясь. – Мы достаточно далеко.

– Зачем же мы прячемся? – тотчас же спросил Крейн и, не дожидаясь ответа, вернулся туда, откуда хорошо просматривался водовод.

Умберто шагнул за капитаном, Хаген последовал его примеру, помедлив лишь мгновение, – и увидел, как три щупальца подлиннее соединились, явно целясь в них. А потом тварь плюнула ослепительной молнией.

– Промазала! – констатировал феникс, даже не шелохнувшись, хотя удар пришелся по высокому дереву, что росло довольно близко, и от разлетевшегося на части ствола до них долетело немало щепок. – Да, видать, и впрямь далековато. А поблизости стреляет метко?

– Четверых людей потерял, – сообщил Нами, помрачнев.

– А если стреломет сюда затащить?

– Стрелять в нее – все равно что бросать в шарката зубочистками, – со вздохом сказал правитель, и Крейн кивнул, словно именно это и ожидал услышать. – Не предлагайте поднять сюда пушку со звездным огнем, потому что тогда от акведука не останется камня на камне, а он – один из четырех, сохранившихся во всем Северном мире... Мы разыщем воду в других местах, это возможно, – и все же я хотел окончательно убедиться, что надежды изгнать эту дрянь нет.

– Понимаю, понимаю... – Магус задумчиво кивал, разглядывая тварь, которая больше не стреляла. Хагена почему-то насторожило такое поведение – она как будто... поняла, что тратить силы бесполезно. – Она не передвигается? Все время сидит на месте?

Нами кивнул.

– Что ж... – Крейн чуть помедлил. – Это определенно какое-то оружие времен Основателей. В определенном смысле разумное, как и многое из того, что создавали в былые времена. Само оно вряд ли могло здесь оказаться, его сюда... поместили. И тот, кто это сделал, ожидал прибытия Лайры, поскольку... хм... я бы сказал, это что-то вроде вызова на дуэль. Дуэль, на которой вооружена только одна сторона.

При этих словах он улыбнулся, и улыбка была неприятной – она намекала, что задумавший дуэль стратег сильно просчитался.

– Да, это нечестный поединок. – Нами покачал головой. – Впрочем, капитан-император уже не раз доказывал, что честь для него – пустой звук.

– Как и для его ближайших соратников, – добавил Крейн. – Меня удивляет вот что: подобная штукавина могла сохраниться только в Вороньей цитадели, а клан Корвисс никому не продает свои смертоносные игрушки. Наверное, для Аматейна и его прихвостней – Вейлана, Торрэ... – они все же делают исключения, наперекор Договору Семерых. Что ж, они хотели выманить из укрытия Лайру, но получили меня. Интересно, что случится теперь?

– Надеюсь, мы будем не просто сидеть и ждать? – поинтересовался Умберто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.